Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

На правах рукописи

НИКОЛАЕВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

РАННЯЯ ИРЛАНДСКАЯ ПОЭЗИЯ И ПРОБЛЕМА ПАЛЕОФОЛЬКЛОРА

Специальность 10.01.09 – Фольклористика

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
д. филол. н.,
Т.А. Михайлова

Москва – 2011

Содержание

Введение..... 3
Глава 1. Метрика..... 12
Глава 2. Двучленные эпитеты в ранней ирландской поэзии..... 70
Глава 3. Элементы жанровой характеристики ирландских юридических текстов..... 99
Заключение..... 124
Использованная литература..... 127

Введение

Предметом рассмотрения в данной работе является ранняя ирландская поэзия в аспекте ее генезиса. С теоретической точки зрения это предполагает разработку на ирландском материале проблематики палеофольклора — изучения устных традиций, легших в основу памятников литературы древности и средневековья.

Исследования подобного рода традиционно велись в двух направлениях.

С одной стороны, с конца XIX в. начали создаваться обобщающие стадиально-типологические концепции развития литературы, такие как теория исторической поэтики А.Н. Веселовского [Веселовский 1940], концепция развития литературы О.М. Фрейденберг [Фрейденберг 1978] и теория исторической поэтики Е.М. Мелетинского [Мелетинский 1972, 1986, 2000]. В рамках работ представителей этого направления произведения литературы древности оказывались одним из этапов на пути развития мировой словесности от первобытной архаики к литературам современного типа, поскольку они сохраняли, порой в закамуфлированном виде, элементы более древней фольклорно-мифологической системы, наглядно представленной в культурах первобытных народов. В целом аналогичный подход представлен в фундаментальной монографии Г. и Н. Чэдвик «Развитие литературы» [Chadwick, Chadwick 1932–1940].

С другой стороны, исследование устного генезиса литературных произведений древности во многих случаях велось без опоры на какую бы то ни было эксплицитно заявленную теоретическую базу (термин «палеофольклор» применяется, насколько нам известно, исключительно в трудах отечественных исследователей — см., например, [Неклюдов 2006], — и мы вынуждены признаться, что не можем точно установить его происхождение). Проблема реконструкции гипотетических устных источников

отдельных древних или средневековых текстов ставилась в науке неоднократно и применительно к самому разному материалу — ветхозаветным преданиям [Gunkel 1901, Фрэзер 1990], гомеровским поэмам [Parry 1971], арабской [Монроу 1978] и древнетамильской [Дубянский 1989] поэзии, однако мы вынуждены констатировать, что на сегодняшний день общепризнанной методики «поиска устного в письменном» сформировано не было, а значит, нет и общепризнанной процедуры доказательства «устного генезиса» текста или наличия в нем «устных черт». Вероятно, нагляднее всего неуспех теоретического палеофольклорного проекта проявился в исследованиях текста Ветхого Завета: в своей монографии «Ветхий Завет и изучение фольклора» [Kirkpatrick 1988] П. Киркпатрик убедительно показывает, что поиск устных жанровых истоков для текстов Писания всегда целиком и полностью определялся представлениями о закономерностях развития фольклора, господствовавшими в период, когда работал тот и иной исследователь, — при этом сам по себе анализ текста Ветхого Завета решению вопроса о фольклорных жанрах, легших в его основу, способствовал в очень малой степени. Показателен тот факт, что если изначально Книга Бытия на основании типологических данных признавалась наиболее архаической и древней частью Пятикнижия, то впоследствии соображения текстологического порядка заставили счесть ее сравнительно поздним элементом [Ценгер 2008: 98–160].

Подобное состояние теоретической мысли, однако, не делает невозможной саму разработку палеофольклорной проблематики. На вооружении исследователей остаются традиционные методы литературоведения и фольклористики, использование которые может пролить свет на происхождение того иного текста или целой литературной традиции. Залогом успеха в таком случае является полнота источниковой базы и возможность привлечения дополнительных данных для сравнительного анализа. В рамках данного исследования мы пытаемся использовать методы

внутренней реконструкции, сравнительно-исторического и сравнительно-типологического анализа для решения некоторых частных вопросов генезиса средневековой ирландской поэтической традиции.

Степень разработанности темы и актуальность исследования

Проблема происхождения ранней ирландской поэзии и литературы в целом была поставлена сравнительно недавно. В классических обзорах древнеирландской литературы, таких как [O'Curry 1873, Thruneysen 1921, Binchy 1943, Jackson 1964], предполагалось само собой разумеющимся, что сохранившиеся даже в сравнительно поздних рукописях стихотворные и прозаические литературные, историко-мифологические и юридические тексты представляют собой естественное продолжение богатой архаической устной традиции, существовавшей в Ирландии до появления христианства и становления письменной латинизированной культуры, а также, какое-то время, параллельно с ними. Этот тезис представлялся очевидным и не требующим доказательства: достаточно было в общих чертах гипотетически описать процесс перехода от устной традиции к письменной и более узко — процесс записи текстов, бытовавших ранее только в устной форме. Так, сделанное в [Binchy 1943] замечание о том, что в ранних ирландских юридических текстах не содержится латинских заимствований, связанных с христианством и церковью, не играло роли решающего аргумента: очевидная для Д. Бинчи архаичность ирландского права и содержащиеся в нем аналогии древнеиндийским юридическим установлениям говорили сами за себя.

Исследователи первой половины XX в. не отрицали, что в средневековых ирландских текстах содержатся следы влияния латинской книжной культуры (что было бы попросту невозможно, учитывая, например, весьма частое в текстах ранних саг использование латинских слов), однако это влияние

считалось внешним и не затрагивающим основания литературной традиции: сюжеты, образы персонажей и организующую тексты картину мира. Подобное положение дел начало меняться после выхода книги Дж. Карни «Исследования по ирландской литературе и истории» [Carney 1955], где предлагался принципиально новый взгляд на становление и развитие ранней ирландской словесности: с точки зрения Дж. Карни, она не перешла в письменную сферу из устной, но изначально зародилась именно в рамках письменной культуры, ориентированной на библейские и античные тексты. Впоследствии Дж. Карни отошел от радикального критического подхода к истории ранней ирландской литературы (в [Carney 1983; 1989] он, напротив, предлагает, вопреки научному консенсусу, датировать некоторые из сохранившихся текстов дохристианским периодом), однако тезис о ее невыводимости из гипотетической устной культуры нашел своих сторонников, которые постепенно сформировали «антинативистское» направление.

В рамках антинативизма можно выделить два течения: представители одного из них (в первую очередь Л. Брятнах, см. [Breatnach 1984, Breatnach et al. 1984]) указывают на очевидные следы влияния латинской культуры в самых архаических, как считалось ранее, памятниках ирландской литературы, а также на невозможность обосновать их устный генезис; представители другого (в первую очередь автор «Языческого прошлого и христианского настоящего в ранней ирландской литературе» К. Маккон [McCone 1990]) идут дальше и заявляют, что все сохранившиеся памятники ранней ирландской литературы имеют письменный генезис и являются адаптациями античных и библейских образцов.

Появление антинативизма скорректировало, но не разрушило в полной мере традиционную картину происхождения и развития ирландской литературы. С точки зрения представителей более традиционного направления в современной ирландистике (таких как Дж. Кэри, см. его рецензию на

[McCone 1990] — [Carey 1992]), влияние латинской культуры действительно сыграло важную роль в становлении ирландской литературной традиции, но все же не стерло целиком и полностью следы ее устного прошлого. Вместе с тем мы вынуждены заключить, что представители традиционного направления не смогли разработать систему аргументации, которая позволила бы им отбрасывать или корректировать наиболее радикальные тезисы их оппонентов: вместо того чтобы вступать с ним в прямую полемику, они зачастую просто предполагают альтернативные сценарии развития событий.

В рамках настоящего исследования мы попытаемся подробно проанализировать тезисы представителей критического направления, выдвинутые ими относительно рассматриваемых нами текстов, а также предложить систему позитивной аргументации, которая сможет подтвердить их независимое происхождение. В этом заключается актуальность данного диссертационного исследования.

Цели и задачи исследования

Для достижения основной цели исследования — оценки гипотезы об устном происхождении ранней ирландской поэзии — нами было поставлено несколько задач:

1) анализ метрики ранних ирландских стихотворных текстов и оценка различных теорий ее происхождения;

2) анализ поэтического языка ранней ирландской панегирической поэзии в аспекте его генезиса;

3) анализ жанровой структуры ранних ирландских стихотворных и прозиметрических юридических текстов в аспекте их генезиса.

Научная новизна исследования

С нашей точки зрения, в рамках исследования нам удалось достичь следующих результатов:

— на основе сделанных ранее предположений, но с существенной их корректировкой были сформулированы новые правила раннеирландской версификации и оценены гипотезы ее происхождения;

— на основе предложенных правил было произведено разделение на строки ряда раннеирландских стихотворных текстов, в том числе таких, которые ранее не рассматривались как стихотворные;

— в результате сравнения двучленных эпитетов, содержащихся в ранних ирландских панегириках и двучленных имен, известных по кельтским эпиграфическим памятникам, была предложена частная гипотеза развития ирландской ономастики и поэтического языка;

— по итогам типологически-жанрового анализа ряда раннеирландских стихотворных и прозиметрических юридических памятников была предложена гипотеза о происхождении ранних ирландских юридических жанров.

Методологическая база исследования

Для решения поставленных выше задач нами были использованы следующие методы анализа:

1) Анализируя ранние ирландские стихотворные тексты, мы прибегли к ранее не использовавшейся в ирландистике методике корпусного (т. е. основанного на эксплицитно очерченной выборке) анализа материала с его полной метрической росписью. Формулируя метрические правила, мы пользовались традиционным инструментарием стиховедения (по образцу [Гаспаров 1989]), прибегая к базовым понятиям синтаксиса составляющих

[Тестелец 2001].

2) При анализе поэтического языка ранней ирландской панегирической традиции мы использовали традиционные методы сравнительного анализа с опорой на традицию изучения индоевропейских слов-композитов [Brugmann 1906, Meier-Brügger et al. 2003].

3) При жанровом анализе ранних ирландских юридических текстов нами были использованы методы типологически-жанрового анализа фольклорных и письменных традиций, разработанные Е.М. Мелетинским [Мелетинский 1963, 1968].

Источниковая база исследования

Для решения задач, поставленных в настоящем исследовании, нами использовались различные источники, относящиеся в целом к разряду архаических ирландских поэтических текстов. В той или иной мере нами были рассмотрены почти все изданные ранние ирландские несиллабические стихотворные тексты, не имеющие очевидно церковного происхождения.

В главе I, посвященной анализу метрики ранних ирландских стихотворений, мы основывали свои выводы на корпусе текстов, включающем следующие элементы:

— лейнстерские нерифмованные панегирические стихотворения, изданные К. Мейером [Meyer 1914] (VII в., 193 строки);

— вторая часть «Суждений Диан-Кехта» [Binchy 1966], с нашей точки зрения, представляющая собой стихотворный текст (VIII в., 111 строк; первая часть трактата представляет собой по сути другой текст: несколько более поздний, написанный прозой на классическом древнеирландском и основывающийся на более архаической второй части);

— «Видение Конна» [Murphy 1952] (VII в., 105 строк);

— стихотворный фрагмент из «Суждений благородных», изданный Л. Брятнахом [Breatnach 1987] (VIII в., 81 строка);

— «Завещание Катайра Великого» [Dillon 1962] (VIII–IX вв., первые три раздела, 90 строк).

Глава II, посвященная поэтическому языку панегирической поэзии, опирается на тексты из собрания [Meyer 1914], а также на несколько более поздние рифмованные генеалогические и панегирические тексты из собрания [Meyer 1913] и панегирический фрагмент, сохранившийся в Кодексе св. Павла [TP II: 295]. В качестве источников по кельтской ономастике первой половины I тыс. н. э. нами использовались [Королев 1984], [Uhlich 2002], [Matasović 2009], [Ellis Evans 1967] и база данных [CPNRM].

В главе III, посвященной жанровой характеристике ранних ирландских юридических текстов, специально рассматриваются следующие произведения: «Разветвленное приобретение» [Binchy 1941], отдельные фрагменты собрания «Суждения благородных», изданные Э. Гвинном [Gwynn 1942] и Л. Брятнахом [Breatnach 1987], вторая часть «Суждений Диан-Кехта» [Binchy 1966], «Архаическое юридическое стихотворение» [Binchy 1971], трактат «О вступлении во владение» [CIH I: 205ff.] и, в качестве сравнительного материала, дидактическое «Завещание Морана» [Kelly 1976].

Структура исследования

Диссертационная работа состоит из трех глав, введения, заключения и списка использованных источников и литературы.

В первой главе предпринимается критический обзор работ, посвященных ранней ирландской метрике, а также предлагаются новые правила деления ранних ирландских стихов на строки. В качестве обоснования предложенных правил производится новое (а в случае отдельных текстов — первое) деление

на строки стихов из описанного выше корпуса.

Во второй главе содержится анализ двухчленных эпитетов, содержащихся в ранних ирландских панегирических и генеалогических текстах с точки зрения их формального устройства, а также предпринимается сравнение этих эпитетов и их составных частей с данными кельтской ономастики первой половины I тыс. н. э. с целью предложить гипотезу о генезисе раннеирландского поэтического языка. Также в главе содержится разбор работы В.П. Калыгина, посвященной языку ранней ирландской поэзии, и критика отдельных содержащихся в литературе положений о статусе композитов в древнеирландском языке.

В третьей главе предпринимается попытка жанровой характеристики ранних ирландских юридических текстов и выдвигается новая гипотеза их происхождения с опорой на типологические данные и контекст других индоевропейских традиций.

В заключении обобщаются полученные выводы.

Глава I. Метрика

Введение

Данная глава отличается от двух следующих тем, что в ней не предпринимается попытка последовательно обосновать какую-либо гипотезу. Нами будут сделаны предположения об устройстве и возможной предыстории ранней ирландской метрики, однако в целом план изложения будет скорее следовать историографической схеме: сначала мы попытаемся последовательно рассмотреть существующие теории раннеирландской версификации, затем предложим их сравнительный анализ и оценку и в завершение попытаемся наметить возможные пути дальнейшего исследования данной проблематики.

Нам еще неоднократно придется возвращаться к этому вопросу, однако необходимо с самого начала отметить: создание полноценной всеобъемлющей теории раннеирландского стиха на сегодняшний день не представляется возможным ввиду недостаточного количества опубликованных источников. Бóльшая часть раннеирландских стихотворений содержатся в качестве поэтических вставок в ранних юридических трактатах (элементы их формального жанрового анализа изложены в главе 3). На сегодня большинство этих текстов доступны исследователям лишь в дипломатическом издании «Corpus Iuris Hibernici» [CIH], где собраны транскрипты основных рукописей, содержащих юридический материал. Полноценные научные издания юридических текстов, включающие перевод на один из современных европейских языков и анализ разночтений по рукописям (см. библиографии [BILL, CSANA]), не охватывают всех трактатов, содержащих стихотвореные фрагменты. Более того, в некоторых ранних изданиях юридических трактатов,

содержащих стихи, они не опознаны и не представлены как таковые (см. ниже § 7 и разбор начального фрагмента трактата «Разветвленное приобретение», предпринятый нами в начале главы 3). Таким образом, исследователь, ставящий своей целью анализ раннеирландской метрики, вынужден или опираться исключительно на полноценно изданные источники, тем самым существенно сужая свой материал, или опираться в том числе и на дипломатические издания, что значительно увеличивает время, необходимое для первичной обработки текстов — выявления в них стихотворных фрагментов, понимания их смысла и пробного разбиения на строки.

В своей работе мы постарались максимально полно выявить корпус раннеирландских стихотворных текстов, доступных в современных научных изданиях. Этот корпус был подвергнут метрическому анализу, который в некоторых случаях привел к результатам, отличным от тех, что были предложены издателями текстов. Кроме того, нами была проанализирована как стихотворная вторая половина трактата «Суждения Диан-Кехта», представленная в издании как проза. При оценке метрической теории К. Уоткинса (см. §§ 3, 6) и рассмотрении проблемы раннеирландской силлабики мы также прибегли к анализу текста трактата «О вступлении во владение», представленного в [CIH].

Глава имеет следующий план:

§ 1 посвящен пересказу теории ранней ирландской поэзии К. Мейера и замечаниям, высказанным по ее поводу в работах Р. Турнайзена, а также пересказу гипотезы об устройстве одного из ранних поэтических юридических текстов, выдвинутой Э. Макнилом.

§ 2 посвящен пересказу теории ранней ирландской поэзии Дж. Мерфи.

§ 3 посвящен пересказу и первичному анализу теории ранней ирландской поэзии К. Уоткинса.

§ 4 посвящен пересказу и анализу теории ранней ирландской поэзии Дж. Карни.

§ 5 посвящен пересказу гипотез об устройстве ранней ирландской поэзии, выдвинутых Й. Корталсом.

§ 6 посвящен мерическому анализу стихотворных фрагментов трактата «О вступлении во владение», разбираемого К. Уоткинсом, и предложению гипотезы об устройстве ранней ирландской силлабики.

В § 7 мы предложим оценку метрических построений Й. Корталса, а также попытаемся привлечь и дополнительный материал для более общей характеристики акцентуационно-аллитерационного размера в ранней ирландской поэзии.

В § 8 предлагается новая гипотеза о характере индоевропейской метрики, основанная на сравнении ранней ирландской, германской, латинской и хеттской метрики.

1. Теория раннеирландской версификации К. Мейера

1.1. Положения, выдвинутые в «A primer of Irish metrics»

В [Meyer 1909] выделяются три периода в истории ирландской версификации:

1) ритмическая (т. е. основанная на счете полноударных слов) аллитеративная поэзия (раннеирландский период);

2) неритмическая силлабическая поэзия (древне-, средне- и ранненовоирландский период);

3) ритмическая поэзия с повторением идентичного набора гласных в ударных слогах в каждой строке (поздненовоирландский период).

Для первого периода предлагаются следующие принципы версификации:

1) каждая строка содержит одинаковое количество ударных слогов, обычно четыре; «пауза или цезура» разделяет строку на две половины, каждая из которых оканчивается двусложным словом[1];

2) некоторые из ударных слогов в каждой строке аллитерируют, однако принципы и распределение аллитерации сильно разнятся[2].

Правила аллитерации для первого периода:

1) любая гласная аллитерирует с любой другой гласной;

2) согласный может аллитерировать со своей копией, а также, за исключением *f, s, p,* со своим ленированым вариантом;

3) слово, начинающееся с последовательности ленированый *f* + гласный, аллитерирует как слово с гласным анлаутом;

4) ленированый *s* [h] аллитерирует только со своей копией (в более поздний период, когда в [h] превращается также ленированый *t*, наблюдается аллитерация *sh*/*th*; с другой стороны, ленированый *s* превращается в фонетический ноль, и наблюдается аллитерация *sh*/*fh* и *sh* + гласный/гласный);

5) *n*, появляющийся в анлауте перед гласными в результате действия эклипсиса (назализации), не учитывается (т. е. аллитерирует анлаутная гласная);

6) *p, t, c, b, d* аллитерируют со своими эклиптированными вариантами;

7) между аллитерирующими словами могут стоять только клитики.

---

[1] Здесь и в следующей сноске примеры из «Саги о кабане Мак-Дато»; акут обозначает полноударное слово.
Fo-chén Cónall, / críde lícce,
lóndbruth lóga, / lúchar éga,
gúss fláND férge / fo chích cúrad.

[2] Fo-chén **C**ét,
Cét mac **M**ágach, / **m**ágen **ch**úrad,
críde n-**é**ga, / **é**ithre n-**é**la,
éirr trén tréssa, / **t**réthan ágach,
cáin **t**árb **t**núthach, / Cét mac Mágach.

1.2. Положения, выдвинутые в «Über die älteste irische Dichtung»

В своей более поздней работе [Meyer 1913–1914], посвященной исключительно ранней ирландской поэзии, К. Мейер предложил следующее описание ее метрики:

С точки зрения исследователя, базовым элементом досиллабической безрифменной ирландской поэзия является *длинная строка*. Слова внутри одной строки и строки между собой соединены при помощи строгой и нестрогой аллитерации (в терминологии К. Мейера *Alliteration*), а также особого вида аллитерации, который обозначается исследователем как «связывание» (*Bindung*).

Строгая аллитерация представляет собой повторение одинаковых согласных в ударных началах следующих друг за другом слов; в рамках нестрогой аллитерации допускается учет безударных фрагментов слов (глагольных префиксов, обеих частей композитов, клитик), а также объединение в аллитерационные пары спирантизованных и неспирантизованных вариантов согласных (Ruiri Mache marcharptech cloas cricha Cotrige).

В рамках *Bindung* допускается объединение в аллитерационные пары звонких и глухих гоморганных согласных (*c* и *g*, *d* и *t*), где звонкий элемент пары является продуктом назализации глухого.

Как отмечает К. Мейер, принципиальное отличие ирландской аллитерации от германской заключается в том, что объединенные аллитерацией слова образуют не пары, а ряды варьирующей длины.

Исследователем предлагается следующий способ деления стихов на строки: строка объединена внутри себя аллитеративной цепью, также она соединена с последующей и предыдущей строками посредством объединения в аллитеративные пары последнего слова одной строки с первым словом

следующей. При этом более строгие виды аллитерации чаще встречаются внутри строк, а менее строгие, и в первую очередь *Bindung*, чаще используются для связывания строк между собой. Также при делении на строки используются дополнительные критерии: положение цезуры и «общий ритм». Примером приложения теории К. Мейера к конкретным текстам является разделение на строки всех текстов в [Meyer 1914].

1.3. Замечания Р. Турнайзена, высказанные в работе «Colman mac Leneni und Senchan Torpeist»

Основной предмет рассмотрения в [Thurneysen 1933] — биография и стихотворения поэта Колмана мак-Ленени, жившего на рубеже VI–VII вв. Ему устойчиво приписывается несколько коротких рифмованных стихотворений в несиллабических метрах, сохранившихся в составе трактатов по версификации. Одним из них является стихотворение «Luin oc ellaib...» (жирным шрифтом выделены рифмы, курсивом — безударные слова):

Luin *oc* elaib	Дрозды по сравнению с лебедями,
ungi *oc* dirn**aib**	золотники по сравнению с пудами,
crotha ban n-athech	облик неблагородных женщин
oc rodaib rign**aib**	по сравнению с прекрасными королевами,
rig *oc* Domnall	короли по сравнению с Домналом,
dord *oc* a**idbse**	зудение по сравнению с прекрасной музыкой,
adand *oc* caindill	огниво по сравнению со свечой,
calg *oc mo* ch**ailg-se**.	меч по сравнению с моим мечом.

Здесь присутствует схема рифмовки [x : a / x : a / x : b / x : b] («x» обозначает нерифмующийся финал строки), и можно говорить о двухстрочных строфах. Подобным образом организованы еще несколько стихотворений Колмана, однако также мы видим схемы [a : b / a : b] («Dun maic Daim»), [x : a : a] («Ni seim anim») и [a : a : a / b : b : b] («Nifordiuchtror for duain indlis»).

Основываясь на своем анализе стихов Колмана мак-Ленени, Р. Турнайзен

критиковал разделение на строки, предложенное как в [Meyer 1913] (несиллабические рифмованные стихи), так и в [Meyer 1914] (несиллабические нерифмованные стихи). Рифмованные тексты из [Meyer 1913], с точки зрения Р. Турнайзена, были устроены аналогично текстам Колмана, а тексты из [Meyer 1914] имели в своей основе ту же акцентуационную схему.

1.4. Гипотеза Э. Макнила

Независимо от Р. Турнайзена к схожим предположениям об устройстве ранней ирландской поэзии пришел Э. Макнил. В 1923 году он опубликовал перевод стихотворного фрагмента, завершающего правовой трактат «Разветвленное приобретение» [Mac Neill 1923] (после издания [Binchy 1971] за этим текстом закрепилось название «Архаическое юридическое стихотворение», *Archaic legal poem*). Ранее этот текст был опубликован К. Мейером, который счел его «образцом ритмической прозы» (цит. по [Binchy 1971: 153]). Э. Макнил предложил следующее описание устройства этого фрагмента: «[Это стихотворение] в архаическом размере, без рифмы или точного подсчета слогов, в коротких стихах, каждый из которых, как правило, содержит два полноударных слова, при том что последнее ударное слово каждого стиха аллитерирует с первым ударным словом следующего» (цит. по [Ibid.]).

2. Метрическая теория Дж. Мерфи

В [Murphy 1961] выделяются три периода в истории ирландской версификации:

1) нерифмованная нестрофическая аллитерационная поэзия без изосиллабизма;

2) рифмованная строфическая поэзия с изосиллабизмом в соответствующих строках и ритмической стопой с фиксированным ритмом в финалах соответствующих строк;

3) богато ассонированная строфическая поэзия; в соответствующих строках не соблюдается изосиллабизм, однако в них содержится одинаковое количество стоп (каждая с сильным ударением и иногда фиксированным ритмом: ямбическим, трохеическим, дактилическим).

Поэзия первого периода делится на две категории:

1) реторики (*retoiric*) в строгом смысле: нерифмованная нестрофическая аллитеративная (хотя и без строгих правил) поэзия с большим варьированием в длине строк («Чудо Колума Килле», стихи из «Приключения Коннлы»);

2) реторики с более или менее регулярным ритмом:

— в каждой короткой строке содержатся две или три ударные стопы;

— последняя стопа обычно трохеическая (хотя и не во всех примерах);

— строка другого устройства может использоваться для отделения секции;

— в словах одной строки часто наблюдается аллитерация;

— почти всегда наблюдается наблюдается аллитерация между последним словом одной строки и первым словом другой (для такого рода связывающей аллитерации устанавливаются дополнительные менее строгие правила: ударный слог может аллитерировать с безударным, *c* — с *g*, а *t* — с *d*).

Дж. Мерфи предлагает те же примеры на двухударные строки, что и К. Мейер. В качетсве примера на трехударную строку, в частности, приводится фрагмент из *Liber Hymnorum*:

Ad-mùinemmar nòeb*P*atraic
*p*rìmapstal Hèrenn;

*à*irdirc a *à*inm n-àdamrae;
*b*rèo *b*àtses genti[3]...

Также исследователем предлагается гипотеза о происхождении двух типов реторик:

1) реторики с регулярным ритмом: сочетание использования акцентуационного принципа и аллитерации было характерно для ранней германской, а также, возможно, для ранней латинской поэзии (в качестве примера приводятся, в частности, фрагменты из трактата Катона «О земледелии» и аллитерация у Ненния). Постулируется общая итало-кельтско-германская версификация, независимо возникшая в результате развития в соответствующих праязыках силового ударения.

2) реторики с нерегулярным ритмом «могут основываться на высказываниях древних филидов (этимологически ‘провидцев’), произнесенных ими при применении их мантических возможностей, или *fáithi*, пророков, в то время как более или менее регулярно акцентуированный аллитеративный стих... может рассматриваться как типичный для стихотворений древних филидов и бардов, сочиненных для реализации их функций ‘поэтов’ — [людей] сочиняющих стихи, которые доставляют удовольствие».

§ 3. Силлабическая теория К. Уоткинса

Теория раннего ирландского стиха, предложенная авторитетным индоевропеистом К. Уоткинсом [Watkins 1963], представляет собой синтез двух гипотез.

С одной стороны, К. Уоткинс продолжает линию реконструкции праиндоевропейского стихосложения, начатую А. Мейе [Meillet 1923] и

[3] «Мы призываем святого Патрика, / первого апостола Ирландии, / известно всем его чудесное имя, / [он] — огонь, который крестит язычников».

продолженную на славянском материале Р.О. Якобсоном [Jakobson 1952]. В работах этого направления индоевропейский стих реконструируется как силлабический с учетом долгот гласных в отдельных позициях[4].

С другой стороны, поводом для приложения к ирландскому материалу силлабических теорий индоевропейского стиха стали замечания влиятельного исследователя раннеирландского права Д. Бинчи о том, что базовым размером для древнейших поэтических фрагментов ранних ирландских законов является семисложник с трехсложным кадансом [Binchy 1943: 13–14] (аналогичное замечание о семисложнике как об «одном из наиболее архаических метров» сделал в работе 1937 г. авторитетный ирландский филолог и палеограф О. Бергин; цит по. [Watking 1963: 218]).

Предельно детализируя в первой части своего исследования реконструкцию разных видов индоевропейских силлабических метров, сделанную преимущественно за счет сопоставления греческого и индийского материала, во второй части К. Уоткинс переходит к сопоставлению ранних ирландских метров с реконструированными образцами. С точки зрения исследователя, в ранней ирландской поэзии, как и на праиндоевропейском уровне, можно выделить два базовых размера:

а) семисложник, соответствующий индоевропейской длинной строке;

б) пятисложник, соответствующий индоевропеиской короткой строке.

Остановимся подробнее на структуре и сути аргументации, предложенной в [Watkins 1963].

Для соотнесения ирландской и праиндоевропейской метрики исследователь предлагает метод «реконструкции вперед»: «Если эта [реконструированная выше — *Д.Н.*] индоевропейская [стихотворная] форма могла бы проявиться в самых ранних ирландских текстах, какие свойства мы можем для нее предполагать?» [Watkins 1963: 217].

---

[4] См. русскоязычный обзор в [Гаспаров 1989].

Предполагаются следующие свойства:

— в связи с происходившими в ирландском языке V в. процессами апокопы и синкопы мы должны ожидать, что древнеирландские поэтические строки будут в среднем короче, чем греческие, ведийские и славянские;

— короткая индоевропейская строка получается путем извлечения среднего колона из длинной; если в древнеирландской поэтической традиции наличествует гномическо-эпический размер, соответствующий по своим функциям индоевропейскому большому размеру, в ней должен быть и краткий размер, выполняющий другие функции;

— ирландская длинная строка должна обладать следующими свойствами:

1) тенденцией к изосиллабизму с длиной строки в 7 или 8 слогов;

2) свободным распределением ударений в инициали строки и строгими правилами расстановки ударений в кадансе;

3) фиксированным или слабовариативным положением цезуры;

4) наличием финального анцепса, то есть ударного или безударного односложного слова.

С точки зрения К. Уоткинса, всем предложенным требованиям удовлетворяет охарактеризованный Д. Бинчи и О. Бергином ирландский семисложник[5]:

1) он представлен в древнейших ирландских текстах;

2) он является гномически-эпическим: эпическим за счет его употребления в монологах-роскадах в сагах, гномическим — за счет его употребления в юридических текстах;

3) он обладает необходимым устройством.

В дальнейшем нам придется говорить прежде всего именно об аргументах К. Уоткинса, связанных с формальной стороной проблемы, поэтому выскажем сразу свои соображения о двух первых аргументах. Оба они в некотором

[5] Подчеркнем, что ни Бинчи, ни Бергин, говоря об архаичности этого размера, не выводили его из индоевропейских размеров.

приближении верны, но никоим образом не могут быть признаны убедительными:

1) древнейшие ирландские тексты не представляют собой четко очерченной группы: на сегодняшний день не существует ни одного текста, который был бы убедительно датирован периодом до VII в., в то время как VII в. датируются прозаические и поэтические тексты самого разного рода, в частности, поэтические тексты как силлабические, так и, по общепризнанным оценкам, не силлабические;

2) предложенная К. Уоткинсом характеристика гномико-эпического разряда литературы не базируется ни на каких аргументах. Мы согласны с тем, что ирландские юридические трактаты можно охарактеризовать как дидактико-гномические тексты (см. об этом в главе 3), однако их связь с какой бы то ни было индоевропейской гномической традицией не представляется очевидной ввиду отсутствия бесспорных произведений, которые можно было бы с этой традицией ассоциировать. Столь же проблематично в жанровом аспекте и рассмотрение ирландских саг-скел как позднего извода индоевропейского эпоса: индоевропейский эпос является в своих самых архаических вариантах (гомеровские поэмы, «Махабхарата» и «Рамаяна») поэтическим, для монологов же героев в скелах можно постулировать весьма разнообразный жанровый генезис: лирический, магически-заговорный или ритуально-гимнический. Таким образом, единственным классом аргументов, которые могут подтвердить верность гипотезы К. Уоткинса, являются аргументы формального характера.

Во второй части своего исследования Уоткинс пытается доказать, что возведенный им к индоевропейскому стихосложению семисложник в различных своих вариациях является базовым размером ранней ирландской поэзии, в то время как аллитерация играет в ней орнаментальную роль и не является обязательным элементом. К подобному выводу о роли аллитерации К.

Уоткинс приходит путем логических рассуждений, основываясь на фактах из истории ирландского языка.

С точки зрения исследователя, аллитерация как базовый поэтический прием могла сформироваться лишь вслед за появлением в ирландском языке начального делимитирующего ударения. Однако существовавшая в древнеирландском и древневаллийском система фонетических мутаций должна была сформироваться до появления четкого делимитирующего ударения, поскольку согласные на стыке слов трактуются в этой системе аналогично согласным внутри слова, что указывает на наличие слабого ударения без делимитативной функции. Когда же делимитирующее ударение появляется, его положение оказывается определено действием мутаций: «Действительно, явления начальных мутаций и делимитирующего словесного ударения тесно связаны: „смысл“ ударения состоит в том, чтобы отмечать позицию слога, который несет на себе в кельтском слове максимальную нагрузку, а именно начального» [Watkins 1963: 219].

Таким образом, выстраивается следующая хронологическая схема (очередность возникновения явлений обозначена в круглых скобках): фонетические мутации (1) должны предшествовать появлению делимитирующего ударения (2). В свою очередь, аллитерация (3) могла появиться лишь после завершения предыдущих стадий, поскольку:

а) аллитерация в принципе связана с начальным ударением;

б) между собой аллитерируют мутировавший и немутировавший варианты согласного звука.

Становление системы фонетических мутаций (стадия 1) датируется по эпиграфическим памятникам V в. н. э. Следовательно, зависящая от начального ударения аллитерация (стадия 3) — явление относительно недавнее.

Несложно показать, что это рассуждение неосновательно.

В древневаллийском языке при аналогичной системе начальных мутаций ударение зафиксировалось на *последнем* слоге. Даже если предположить, что здесь оно имеет ту же функцию, что начальное ударение в древнеирландском — подчеркивать следующий за ним *первый* слог другого слова, — мы никак не сможем объяснить его связь с типичным и, вероятно, наиболее частотным контекстом для мутации: сочетанием проклитики (предлога, артикля, посессивного местоимения) и полноударного слова. Так, в древневаллийской последовательности

ударное слово — проклитика — ударное слово

выделенным (заударным), согласно логике К. Уоткинса, оказывается не переносящий мутацию первый слог второго ударного слова, а проклитика.

Таким образом, мы не можем говорить о том, что морфонологизованное мутации определяют положение словесного ударения.

Кроме того, у нас нет типологических данных, которые позволяли бы с уверенностью сказать, какой именно тип ударения способен провоцировать появление мутаций.

Следовательно, исходя из данных о фонетических мутациях мы ничего не можем сказать о времени формирования в древнеирландском языке начального ударения, а стало быть, и о времени появления аллитерации. Более однозначно о периоде формировании силового начального ударения в древнеирландском говорят начавшиеся в том же V в. процессы синкопы и апокопы, однако их связь с формированием аллитерации также неочевидна[6].

Не лишена слабых мест и та часть аргументации К. Уоткинса, которая строится на анализе примеров из ранних ирландских поэтических текстов.

Сформулировав определение архаического ирландского семисложника,

[6] Кроме того, сама связь аллитерации с начальным ударением является гипотетической, как показывают, в частности, ирландские примеры аллитерационных пар ударных и безударных слогов.

К. Уоткинс замечает: «Наш самый ранний датируемый пример встречается в *Amra Choluim Chille*, панегирике св. Колумбе, сочиненном вскоре после его смерти в 594 г.» [Watkins 1963: 219]. В подтверждение этого тезиса приводится строчка из «Чуда Колума Килле», действительно соответствующая заданным требованиям: «Ar mind n-axal n-accalad» («Наш герой беседовал с апостолами», метрическая схема ['x'xxx | 'xxx]). Однако можно ли утверждать, что все «Чудо» написано этим размером? К. Уоткинс умалчивает о том, что определение размера, в котором написано ACC, остается неразрешенной задачей, и следовательно, изолированный пример оттуда — а ведь в случае с изолированным примером мы даже не можем быть уверены, что текст правильно поделен на строки, — мало что значит. (Современное состояние полемики по поводу ACC отражено в [Bisagni 2008].)

Аналогичные претензии можно предъявлять и к общим тезисам К. Уоткинса. Полемизируя с Дж. Мерфи, который считает, что ирландский семисложник является инновацией, появившейся в VII в. под латинским влиянием, Уоткинс отмечает, что гипотеза о заимствовании этого размера несостоятельна ввиду его «функционального положения в раннем ирландском обществе: преимущественно он употребляется в наиболее консервативной сфере ранней ирландской культуре, в законах. Эта семисложная строка с ее многочисленными вариантными формами наполняет древнейшие слои наших правовых текстов; то, что это может быть результатом экспериментирования, проводившегося в VII в. под влиянием латинских гимнов, противоречит всему, что мы знаем об ирландском праве» [Watkins 1963: 220][7]. Логично ожидать, что тезис о преимущественном употреблении семисложной строки в текстах законов получит статистическое подтверждение, однако это ожидание оказывается обманутым. Вся аргументация в [Watkins 1963] строится

[7] Тезис о вариантах семисложной строки восходит к процитированному выше утверждению Д. Бинчи; о выделении К. Уоткинсом этих вариантов см. ниже; о появившихся с 1963 года концепциях происхождения раннего ирландского права см. в главе 3.

исключительно на изолированных примерах: ни один текст не оказывается разобран полностью. Также мы не получаем четкого представления о строении корпуса, с которым работал исследователь. Показательным является следующее утверждение: «В любой поэтической системе в отдельно взятый момент времени нереалистично ожидать наличия единственного, невариативного типа стихотворной строки. Строка с силлабической структурой [4 | 3] является очевидным образом базовым архаическим метром и с большим преимуществом лидирует статистически [подсчетов не приводится — *Д.Н.*]. Действительно, *один текст*, „Завещание Катайра Великого“, целиком написан этим стихом» [Watkins 1963: 226, выделение наше]. Из этого утверждения можно сделать вывод, что древнеирландская поэзия в принципе не имеет в своей основе какой бы то ни было четкой системы размеров, поскольку любой отдельно взятый текст может состоять из строк, обладающих разной организацией.

Пожалуй, наиболее уязвимыми выглядят построения К. Уоткинса, связанные с выделением вариантов базового семисложного размера: модификаций длинной строки, а также короткой строки и ее модификаций. Приведя примеры полной гномико-эпической строки из правового трактата «О вступлении во владение» и саги «Изгнание сыновей Уснеха», К. Уоткинс переходит к монологам из саги «Приключение Фергуса сына Лете», где встречается вариативность конца строки: каданс может иметь каноническую схему ['xxx], но может выглядеть и как ['xx'x], что сопоставляется с выделенными А. Мейе типами завершений строк в греческой и индийской поэзии (*temps faible* и *temps fort*).

Далее вслед за Д. Бинчи К. Уоткинс выделяет размер [5 | 3], представленный в том же трактате «О вступлении во владение», где «восьмисложная и семисложная строки встречаются в почти равном количестве; они чередуются без видимой закономерности и попросту

рассматриваются как одинаковые» [Watkins 1963: 227]. Затем в дополнение к структурам [4 | 3] и [5 | 3] вводится короткая строка вида [3 | 3], которая, если верить исследователю, представлена в отдельных фрагментах разных текстов. Среди приводимых примеров можно выделить реторику в «Болезни Кухулина» длиной в пять строк, где третья строка, согласно К. Уоткинсу, имеет размер [2 | 3], и две строки из панегирического стихотворения VII в.: из шести его строк первая написана в размере [4 | 2], а остальные — [4 | 1] или [2 | 3]; (пример имеет вид «caínfháel ilchonda // aue Muirne muín», структура [2 | 3 // 4 | 1]).

Завершив на этом обзор работы К. Уоткинса, подведем некоторые итоги: по сути, индоевропейскими по своему происхождению признаются ирландские размеры структуры [4 | 1], [4 | 2], [2 | 3], [3 | 3], [4 | 3] и [5 | 3], при том что они могут как образовывать строфические единства, так и сочетаться в свободном порядке[8]. При таком подходе неизбежно встает вопрос о том, на каком основании было произведено деление на строки. Если в случае со стихами с трехсложным кадансом можно предположить, что все трехсложные слова автоматически определялись как замыкающие содержащие их строки, то выделение строк структуры [4 | 2] и [4 | 3] нельзя признать иначе как произвольным.

В целом предложенная в [Watkins 1963] аргументация не может быть признана убедительной, поскольку в ней

а) наличествует petitio principii в отношении хронологии развития ирландского стихосложения и роли в ней аллитерации;

б) не задан рассматриваемый корпус текстов и полностью отсутствуют статистические выкладки;

в) предельно размыт сам тезис, который необходимо обосновать: если практические любое сочетание слогов в строке можно признать закономерным

[8] См. в [Watkins 1963: 231] пример структуры [3 | 3 // 2 | 3 // 3 | 3 // 5 | 3 // 4 | 3].

продолжением индоевропейских поэтических размеров, то объяснительная ценность гипотезы о семисложном ирландском стихе как наследнике длинной индоевропейской строки равна нулю.

Вполне возможно, однако, что К. Уоткинс прав, возводя к индоевропейской версификации отмеченное Д. Бинчи тяготение ранних ирландских поэтов к трехсложному кадансу. Дополнительные соображения о самом устройстве ранней ирландской силлабики см. в § 6.

§ 4. Акцентуационная теория Дж. Карни

В работе [Carney 1971] Дж. Карни была предложена теория устройства древнеирландского стиха, которая, по его собственным словам, вступала в прямое противоречие с теорией К. Уоткинса («[Watkins's] views and those advanced here seem to be mutually exclusive» [Carney 1971: 53]). Дж. Карни отмечает, что и К. Мейер, и Дж. Мерфи в своих обзорных работах практически не коснулись проблемы несиллабического ирландского стихосложения, и не ссылается на [Meyer 1909], однако предложенная им теория представляет собой, по сути, абсолютизацию упомянутого выше наблюдения К. Мейера о том, что многие ранние ирландские стихи состоят из полустрок, в каждой из которых можно выделить по два ударения. Это наблюдение возводится в правило, которое гласит, что ранний ирландский стих по преимуществу состоит из двуударных «словосочетаний» (*phrases*), во многих случаях связанных между собой аллитерацией, а в последствии — и рифмой, в том числе внутренней.

В отличие от построений К. Уоткинса, теория Дж. Карни не вытекает из заранее сформулированных общих положений о генезисе древнеирландской поэзии, а строится на анализе большого количества разных поэтических текстов, которые по большей части разбираются целиком. Последовательная

опора на фактический материал является важным достоинством работы Дж. Карни, однако сформулированные им требования размера требуют выдвижения ряда нетривиальных гипотез[9].

Первая гипотеза, наименее радикальная и, в отличие от остальных, получившая развитие в работах других исследователей (см. ниже разбор [Corthals 1990]), предполагает, что случаи отмеченного Д. Бинчи тяготения к трехсложному завершению строки могут быть признаны гораздо более многочисленными. Трехсложные слова на концах строк часто чередуются с двусложными словами с консонантным кластером посередине — этот кластер является результатом происходившей в период V–VI вв. синкопы и, с точки зрения исследователя, может засчитываться за дополнительный слог[10]. В наиболее радикальном варианте эта гипотеза предполагает, в частности, что в стихотворение Колмана мак-Ленени «Luin oc elaib...» (см. его разбор в § 2 настоящей главы), где каждое второе полустишие заканчивается двусложным словом, являющимся при этом носителем рифмы, все конечные двусложные слова следует признать, так сказать, функционально трехсложными (получившийся в результате синкопы кластер выделен подчеркиванием): ...di<u>rn</u>aib / ...ri<u>gn</u>aib / ...ai<u>db</u>se / ...chai<u>lg</u>se. Данный пример иллюстрирует те крайности, к которым нередко приходит в своих построениях Дж. Карни. Метрическое устройство стихотворения оказывается напрямую не выводимо из его текста, а анализ слова *chailg* ‘меч’ (*se* — эмфатическая частица) заставляет исследователя предположить ad hoc, что кластер *lg* на конце слова

[9] Другим несомненным достоинством работы Дж. Карни является последовательно проводимый принцип минимального издательского вмешательства в разбираемый текст. Противоположную тенденцию представляет критикуемая исследователем работа [Murphy 1955], где Дж. Мерфи фактически создает заново издаваемое им произведение, заставляя его укладываться в рамки силлабического размера и предполагая, что все отступления от него являются результатом действий нескольких поколений переписчиков и глоссаторов.

[10] Другая трактовка подобного чередования, последовательно проведенная в [Carney 1983, 1989], предполагает, что содержащие его поэтические тексты должны датироваться периодом до синкопы, то есть V–VI вв. Данная гипотеза, противоречащая всем остальным датирующим признакам рассматриваемых текстов, научным сообществом воспринята не была.

также мог засчитываться за дополнительный слог: правила ирландской синкопы не разрешают выпадение последнего гласного, и обычные правила приравнивания двусложного слова к трехсложному здесь неприменимы.

Постулирование регулярных трехсложных окончаний в одном из реконструемых им раннеирландских метров необходимо Дж. Карни для решения проблемы полустроки, состоящей из одного слова, — подобные полустроки нередко возникают при делении текста на группы из двух ударных слов. С точки зрения исследователя, трехсложное слово в такой позиции не является проблематичным, поскольку последний слог в нем может нести вспомогательное, метрически релевантное ударение. Эта гипотеза, однако, не подтверждается никакими дополнительными данными.

Другая проблема, которая возникает в связи с делением текстов на двухударные сегменты, — частое появление словосочетания, состоящей из проклитики и ударного слова. В таких контекстах, с точки зрения Дж. Карни, также появлялось вспомогательное ударение. Поначалу исследователь указывает, что дополнительное ударение возникает только на первой из двух проклитик, предшествующих ударному слову, однако затем (см., например, [Carney 1971: 63]) появляются по определению двухударные словосочетания вида «fo nimib» («под небесами») и «ni raibe» («не был»), где проклитика (в первом случае предлог, во втором — отрицательная частица) стоит перед ударным словом в одиночестве.

Приведем в качестве примера предложенное Дж. Карни деление на строки стихотворения из корпуса лейнстерской панегирической поэзии «Or ós grein» [Carney 1971: 70]:

1. Or ós grein
2. gelmair
3. gabais for doene
4. domnaib
5. sceo deeib

6. día óen
7. as Moen mac Aine
8. óenrig[11]

В строках 2 и 8 мы видим композиты («сверкающе-великое» и «единственный-король») в которых предполагается утраченная в результате синкопы соединительная гласная (ее былое наличие там очевидно по данным галльского языка, а также по лениции, которой обязательно подвергается второй элемент композита). Менее очевидным выглядит признание ударным словом союза *sceo* ‘и’ в пятой строке. Более всего смущает, однако, полное несоответствие предложенного деления на строки синтаксису стихотворения: разрыв именных групп «grein gelmair» («солнце сверкающе-великое») и «doene domnaib» («людей миры») предполагает весьма высокое развитие в древнеирландской поэзии приема анжамбемана, что типологически маловероятно и никак не подтверждается данными текстов, написанных в силлабических метрах или поделенных на строки на других основаниях.

Данный опыт разбиения на строки, а также упомянутый выше разбор стихотворения Колмана мак-Ленени являются, с нашей точки зрения, показательными примерами того, к чему на уровне анализа отдельных текстов приводит приводит подход Дж. Карни. Даже при опоре на гипотезы, которые противоречат нашим знаниям о природе древнеирландского ударения, исследователю не удается непротиворечиво поделить стихотворения на строки. Предложенная Дж. Карни базовая схема версификации оказывается слишком строгой[12].

---

[11] «Золото над ярким солнцем, он захватил власть над мирами людей и богов, единственный бог, Мон сын Ане, единственный король».

[12] Поскольку недостоверным оказывается базовый принцип деления на строки, мы не можем принять и предложенную Дж. Карни на его основе классификацию стихотворных размеров на основании того, сколько слогов содержит завершающее строку (набор из фиксированного количества двухударных словосочетаний) слово.

§ 5. Описание метрики лейнстерских генеалогических поэм, предложенное Й. Корталсом

Работа [Corthals 1990] посвящена преимущественно метрике небольшого корпуса текстов — несиллабических нерифмованных лейнстерских панегирических текстов, представленных, в частности, в рукописях Rawlinson B 502 и «Лейнстерской книге» и опубликованных наряду с другими аналогичными текстами в [Meyer 1914], — однако в качестве сравнительного материала в ней привлекаются также произведения других жанров (нарративные, юридические, дидактические). Базовый текст всех примеров в работе дается по дипломатическому изданию [CGH]; в процитированных нами примерах опущены сведения о разночтениях.

Аллитерационный анализ К. Мейера, представленный в [Meyer 1913–1914], признается Й. Корталсом неудовлетворительным (положения, представленные в [Meyer 1909], не комментируются). Анализ Дж. Карни в целом Й. Корталсом также отвергается, однако из него заимствуется расширенная теория трехсложного каданса, содержащая следующие положения:

— если строки заканчиваются на двухсложное слово и в его середине содержится кластер, возникший в результате синкопы, это слово приравнивается к трехсложному;

— частное замечание Дж. Карни, предложенное Й. Корталсом в качестве тенденции: если строка заканчивается на четырехсложное слово и можно предположить, что лишний слог там возникает в результате появления эпентетического гласного (*Fedelmithe* < *fed*lmithe*), такой каданс также приравнивается к трехсложному.

В отличие от Дж. Карни, Й. Корталс предлагает датировать периодом до

синкопы не тексты, содержащие такого рода чередования, но размер, в котором они написаны: «Эквивалентность трехсложных слов и двухсложных слов со срединной консонантной группой... может быть объяснена за счет отнесения к периоду до синкопы... метрического правила трехсложного каданса, которое после появления синкопы начало включать в себя не только трехсложные слова, но и такие двухсложные слова, которые были — или могли бы быть — созданы в результате синкопы» [Corthals 1990: 115].

В корпусе лейнстерских панегирических стихотворений выделяются три размера:

1) Стихи с кадансом, где «с более или менее регулярным интервалом мы видим трехсложное или, согласно правилу Карни... эквивалентное двухсложное слово, аллитерирующее со следующим и — за одним исключением (*mairrig ar-choin*) — с предшествующим словом... Длина строк, ограниченных кадансом, варьирует в одних стихотворениях... от 6 до 10/11 слогов, а в других — от 10 до 13/14 слогов. Все стихотворные строки демонстрируют последовательную внутреннюю аллитерацию, которая может быть, однако, прервана на цезуре. В некоторых случаях колоны длинных строк могут быть далее разделены — согласно анализу этого метра, предложенному Карни, — на два более коротких колона, где последний колон составляет каданс» [Corthals 1990: 115]. Невозможность убедительно разделить все строки на четыре колона приводит исследователя к мнению, что базовую строку составляют два колона.

Отметим, что правила деления строки на колоны «первого уровня» (не описывающиеся акцентуационной теорией Дж. Карни) эксплицитно не формулируются и Й. Корталс не указывает, основывается ли постулирование цезуры, прерывающей аллитерационную цепь, на чем-либо, кроме самого прерывания аллитерации.

Также исследователь отмечает: «Строки, состоящие из двух колонов, часто образуют синтаксическое единство, однако это не обязательно так. См. возможный случай анжамбемана в *...Moriath / macdacht Morca*. В конце каждых двух строчек, однако, содержится обязательная граница предложения, и даже самые короткие фрагменты, за исключением № 8, состоят из двух строк» [Ibid.: 116].

Пример метрического разбора фрагмента (вертикальной чертой отделяются колоны, табуляцией — кадансы; перевод наш разбор этого и следующих фрагментов см. в § 7):

Dind Rig | ruad Tuaim Tenbad,
tricha(it) nairech | fo bron bebsait.

Bruisius, breosuis | bar niad lonn Labraid,
lath Elgca | hua Luircc Loegaire.

Lugaid loeg | lonn sanb Setna
sochla Coel | Cobthach mal muiredach.

Mandrais armu | [athair] athar Ollomon
ort Moen | macco ain Augaine.

2) Стихи аллитерационной цепи

В корпусе лейнстерской хвалебной поэзии, с точки зрения Й. Кортalса, представлен один текст, безусловно написанный в данном размере. Его характеристики следующие: «Стихотворение состоит из цепи колонов, каждый из которых содержит два полноударных слова, последнее из которых аллитерирует с первым словом следующего колона. Цепь заканчивается несколько более длинным предложением» [Ibid.: 120]. В качестве дополнительных примеров на этот размер исследователь цитирует, в частности, уже приводившиеся выше стихотворные реплики из «Саги о кабане Мак-Дато» и стихотворения Колмана мак-Ленени, а также «Архаического юридического стихотворения» в издании [Binchy 1971], относительно которого

замечает, что в нем содержатся «многочисленные неправильности».

Разделение на строки стихотворения, написанного в размере аллитеративной цепи:

Find Taulcha
tuath-cuire,
Cailte crothsat
cres mbodbae
barcaib di thonnaib.
Tri hui Baiscni
buadach cuitechta
cond ar ferga
filset tri hui Nuadat Necht.

3) Тексты смешанного типа

Версификация этих стихотворений представляет собой комбинацию первых двух типов. Строки с кадансом сменяются аллитеративной цепью в разных комбинациях.

Пример разбора:

Lug sceith
scal finn
fo nimib ni raibe | bid mac [n]Áine aidblither

Airddiu deeib doen | dron daur-grainne
glan gablach | hua Luircc Loegaire.

§ 6. Дополнительные соображения относительно характера ранней ирландской силлабики

В § 3, посвященном пересказу работы К. Уоткинса о раннеирландской и индоевропейской метрике [Watkins 1963], нами были рассмотрены недостатки предложенного исследователем анализа: неочерченность корпуса текстов,

который лег в основу работы, а также необоснованость главного тезиса К. Уоткинса — о примате семисложного размера с трехсложным кадансом в ранней ирландской поэзии. В настоящем параграфе мы обратимся к анализу нескольких примеров, предложенных в [Watkins 1963], и постараемся показать, что этот тезис, по-видимому, нуждается в корректировке.

Главным текстом, поставляющим примеры для анализа в [Watkins 1963], является трактат «О вступлении во владение», представленный в полном объеме в рукописи E 3.5 (1433), хранящейся в библиотеке дублинского Тринити-колледжа и изданной в дипломатической транскрипции в первом томе [CIH]. Во время написания [Watkins 1963] первый том [CIH] еще не был издан, однако его составитель Д. Бинчи уже вел работу над ним и предоставил К. Уоткинсу текст, в который внес свои эмендации и конъектуры (в [CIH] впоследствии не отраженные). В результате в своей статье К. Уоткинс цитировал примеры не в рукописных чтениях, а «as established by D. Binchy». Проблема заключается в том, что «восстановление» текста примеров, кроме прояснения их смысла, нередко приводило к изменению их метрической структуры — количество семисложных строк в них неизменно увеличивалось. Мы постараемся показать, во-первых, что эта — очень редко эксплицитно отмечаемая — текстологическая деятельность снижает надежность полученных К. Уоткинсом результатов, а во-вторых, что даже при принятии такого подхода к текстам положения, выдвинутые К. Уоткинсом, должны быть скорректированы.

К. Уоткинс выделяет три различных проявления семисложного размера в «О вступлении во владение»:

1) семисложная кадансированная строка в чистом виде;

2) семисложная кадансированная строка в свободном чередовании с восьмисложной кадансированной строкой;

3) примеры строфической организации вида 7:7:7:8 (все строки с

кадансом).

Рассмотрим по порядку все три разновидности.

(1) С точки зрения исследователя, одним из примеров чистого семисложника является краткое юридическое стихотворение, представленное в начале трактата: «Структура строки строго описывается формулой [4 | 3], без ограничений на количество и расположение ударений в инициали и с обязательным трехсложным кадансом (после цезуры)» [Watkins 1963: 220].

Восстановленный Д. Бинчи текст выглядит следующим образом (цифра после строки обозначает количество слогов; +/– — наличие или отсутствие каданса).

To-combacht selb sóertellug	7+
ó modaib marc mrogsaite	7+
ba-ch tar cricha com<a>comal	7+
áithem gaibes tuinide	7+
mad ón tellug medónach	7+
ní fírtellach tuinidi	7+
tellach tar fertai céttellach	8+
ed na techta tuinide	7+
tellach dá dechmad cíanramar	8+
ed do-coislea tuinide[13].	7+

Очевидным образом в этом тексте присутствуют две восьмисложные строки. Всего в стихотворении содержится десять строк, и доля нерегулярных, хотя и не очень велика, все же не дает возможности говорить о том, что данный

[13] Перевод Д. Бинчи:
“Landed property has been recovered by means of high occupation
through the labours of horses who extended it
and it was a joining across borders
over-swift is he who takes possession
if it be from the middle entryy
this is not true occupation giving possession
entry over a boundary ditch is the first entry
an interval which does not legalize possession
an entry of twice ten days long and solid (?)
an interval that carries off possession.”

размер является строгим в отношении изосиллабизма — правило трехсложного каданса, однако, неукоснительно выдерживается.

Версия этого текста, представленная в [CIH], выглядит следующим образом:

Tocombachtaib sealb saerteallug	8 +
modaigh mairc mbrugsaite	6 +
bactair cricha comacomol	8 –
aitheam gaibeas tuinighe	7 +
mad on teallug medonach	7 +
ni firteallach tuinighe	7 +
teallach tar arta .c.teallach	8 +
adh na techta tuinige	7 +
teallach da dechmad cianramar	8 +
ad docoislead tuinidhe[14]	7 +

Восьмисложных строк в ней в два раза больше. Кроме того, в ней есть одна шестисложная строка и одна строка, лишенная трехсложного каданса. Этот последний случай на фоне безусловного присутствия каданса в большинстве рассматриваемых текстов действительно можно счесть следствием ошибки переписчика, равно как, хотя и с меньшей степенью надежности, падежную форму *tocombachtaib* вместо возможной глагольной формы *tocombacht*, однако относительно одной принципиально важной эмендации Д. Бинчи необходимо отметить, что она лишена независимого обоснования. Постулировать «o modaid» вместо «modaid» нет необходимости, поскольку в стихотворных текстах законов широко представлен

[14] «О том, что было взыскано при благородном вступлении во владение собственностью:
(на основании) труда лошадей, которые это обосновали.
Объявляются границы объединений.
Быстрее всего он берет в собственность / быстрее всего тот, кто берет в собственность /
пахотная земля, которую он берет в собственность.
Если от среднего вступления —
это не истинное вступление во владение.
Вступление через ров — первое вступление.
Право, которое не определяет владения.
Вступление двух периодов по десять дней долго-могучее,
право, по которому владение уходит».

беспредложный датив[15] (восстановление *d* вместо *gh* не является в полной мере эмендацией, поскольку эти буквы в такой позиции свободно чередовались). Вероятно, семисложная строка восстанавливается из шестисложной в силу того, что здесь предполагается именно семисложная строка — такого рода имплицитную аргументацию нельзя признать убедительной, хотя мы не можем поручиться, что Д. Бинчи следовал именно этой логике, а не воспроизвел другое рукописное чтение, оставшееся нам неизвестным.

(2) Пример на чередование семисложной и восьмисложной строк выглядит следующим образом:

to-combaig Ciannacht cianmruige	8+
di ai and sin samaigas	7+
do-luid tar fert a céttellug	8+
ba-ch for fine a forcomal	8+
im-an<a> iarum ar féinechas[16]	8+

Относительно последней строки сделано примечание: «Претерит *im-an* (MS. *Im-ana*) согласуется с прочими нарративными претеритами в данном тексте *и предоставляет необходимые восемь слогов*» (выделение наше — *Д.Н.*) [Watkins 1963: 227]. Здесь открыто постулируется круг в доказательстве, наличие которого мы предполагали в случае с эмендациями к предыдущему стихотворению.

(3) Пример на строфы структуры 7:7:7:8 следующий:

---

[15] См. многочисленные примеры в [Breatnach 1987].

[16] “Ciannacht has recovered distant lands
she placed two ewes there
she came over the mound-fence as the first entry
and her seizure was against the fine.”

bertai Sencha cétbrethach	7+
bantellach ar fertellach	7+
comdar ferba fulachta	7+
fora gruaidib iar cilbretaib	8+
ícsi Brige fírinne	7+
sí con-míduir bantellach	7+
comdar ferba falguide	7+
fora gruaidib iar fírbrethaib[17]	8+

Устройство первой строфы не вызывает сомнений, однако оно имеет принципиальное значение лишь в том случае, если устройство второй строфы его дублирует.

Вот что демонстрирует рукопись:

hicsai Brig a firinde (a firbrethaib)	7+
isi conmididhar banteallach	9+
comdar fearba falguide	7+
fora gruaidaib iar firbrethaib	8+

Принципиальной здесь является вторая строка, где Д. Бинчи убирает сразу два слога, во-первых, исправив глагольную форму, а во-вторых, заменив фонетически слитную пару копула + субъектное местоимение на одиночное субъектное местоимение. Получившаяся в результате фраза является, насколько мы можем судить, как минимум синтаксически маргинальной в раннеирландских памятниках. *Sí con-míduir bantellach* («Это она определила женское вступление [во владение]») — клефтовая конструкция с местоименным предикатом при не выраженной фонетически копуле (ср. в рукописи абсолютно регулярное ***isi*** *conmididhar*) ни в коем случае не может

[17] “Sencha judged it in his first judgement
woman possession-taking as man possession-taking
so that blisters were suffered
on his cheeks after (having passed) wrong judgement.
The truth of Brig cured him
it was she who estimated female entry
so that the blisters were concealed
on his cheeks after the true judgements (were passed).”

быть *результатом* эмендации и скорее сама должна ее провоцировать.

По итогам рассмотрения предложенных Д. Бинчи и К. Уоткинсом примеров мы приходим к выводу, что на самом деле все три способа употребления семисложного размера в «О вступлении во владение» являются, по-видимому, тремя примерами на один и тот же размер — силлабически нестрогий (в диапазоне от 6 до 9 слогов с тяготением к 7-8 слогам) с обязательным трехсложным кадансом. Полный анализ других раннеирландских силлабических памятников позволит подтвердить или отвергнуть наши предположения, а также, возможно, установить другие разновидности силлабически нестрогого метра.

Для завершения обзора теории семисложного размера, представленного в [Watkins 1963], мы должны обратиться к тому единственному произведению, которое с точки зрения К. Уоткинса, целиком несомненно написано в этом размере, — «Завещанию Катайра Великого».

Рассмотрим первые три раздела «Завещания» (текст цитируется по [Dillon 1962]):

I.		
Mo ordan mo airechas	7+	Мое достоинство, мое благородство,
mo chaoime mo chlothaighi	7+	мою красоту, мою славу,
mo shaoire mo shuthaine	7+	мою принадлежность к свободным, мою
mo sheóit shinnsir sheineirce	7+	удачу,
5.mo chumus mo chomairce	7+	мое движимое имущество предков <...>,
dom Rus ruanaidh roghaidhe	7+	5. мое могущество, мое право защиты —
dom Fhailghi uais fhaobarderg	7+	для моего Руса могучего избранного,
dom dos donnbhaire deghdaire	8+	для моего Фальге благородного с кровавым
dom err chatha chomramach	7+	клинком,
10. dom leoman go laimhthighi	7+	для моего ствола темно-твердого хорошего
dom thriath talchur táobsholus	7+	дуба,
rop cenn is rob cóigedhach	7+	для моего воина-колесничего, яростного в
in Rus fledach Failgech-sa	7+	битве,
rob diubla os derbhfhine	7+	10. для моего отважного льва,
15. rob comram clúias inmholta	7+	для моего повелителя упорного со светлыми
for médugud maithe fo neimh.	8–	боками...
Ar is dó is dán tighnaccul	8+	Пусть он будет главой, и пусть он будет

nírop seóta sír-thaiscius	7+	обладать пятинами,
sernas do chách cáemhratha	7+	этот пиршественный Рус Фальгех,
20. búaidh geilfhine nGailianach	7+	пусть он будет покровителем для своего рода,
caín an minn mór-maisech	6+	15. пусть он будет прославленным героем,
mo mac mínghar muirearach	7+	достойным хвалы
for Uíbh Tairsigh tosgaílfidh	7+	по суждению достойных под небом.
mo chathbuadach coigcríche	7+	Ибо ему — дар дарения, (или: ибо у него есть
25. sofidh go tend Temhair-muigh	7+	дар щедрости),
nit fella for bráthairsi	7+	пусть не будут богатства долго храниться,
in féige finn fír-sholus	7+	[у того], кто наделяет каждого прекрасным
rob éscu na n-ollchúiged	7+	даром.
rob grian sír a samradhaibh	7+	20. Лучший из рода галеойнов,
30. rob tene trom trithemruad	7+	прекрасная диадема велико-миловидная,
rop muir mothach mórthonnach	7+	мой сын сдержанный, верный долгу,
mo mac míled mílchlothach	7+	опекающий многих,
rop lir buaidh mo bennachtan	7+	он распространит (власть?) над И Тарьсех,
for a shíl sháor shorchaidi	7+	мой [воин], завоевывающий победу в битвах
35. Cathaír breo na Banbha-sa	7+	на границе
a athir uais oirdnighi	7+	25. он яростно опрокинет долину Тары
ro thogh ósa thrénbráithribh	7+	пусть он не отступает от своего рода
rob uasal mo ord.	5–	светлый блеск истинного света/ума
		пусть он будет луной великих пятин
		пусть он будет долго [не заходящим] солнцем
		в летние месяцы
		30. пусть он будет могучим пылающим огнем
		пусть он будет изобильным морем с
		большими волнами
		мой сын воина со славой воина
		пусть будут многочисленны выгоды от моего
		благословения
		для его благородных светлых потомков.
		35. Катайр, пламя Ирландии,
		его отец, благородный, выдающийся,
		избрал [его] превыше его могучих братьев.
		Пусть будет почитаемо мое установление.

II.

Mo ghaisged go ngérloinne	7+	Мою доблесть с могучей яростью
don Dáire borb beódh-sa	6–	Даре жестокому, доблестному,
dom mac neimnech niamdhatha	7+	моему сыну смертельному, прекрасному,
dom gart ernaidh erclothach	7+	моему щедрому, который [щедро] наделяет,
5. scál fri scálaibh sgélmhaine	7+	знаменитейшему.
sgál sgolaidhe sgiathchorach	7+	5. Муж среди мужей, обильный славой,
suídh erenach Tuath-Laigen	7+	муж ученый (?), сражающийся со щитом,
cráidhfidh crícha Tes-Ghabair	7+	предводитель вождей северных лагенов,
ná geibh seóta it chomairce	8+	он будет опустошать пределы Тес-Гаварь.
10. buaid mbrethi dot inghenraid	7+	Не бери платы за свое покровительство.
dia fesadh a senaithri	7+	10. Победа рождения для твоих дочерей,
engfaidh do choin croíbhderga	7+	если они будут знать (?) своих дедов.

tes um Gabran nguinechdhai	7+	Будут охотиться твои псы с красной шерстью
echrad árdchenn aighidhfid	7+	на юге вокруг опасного ранами Гаврана.
15. i nAilbi uair fhorlethain	7+	Лошади с высокой холкой будут скакать (?)
Cathaír cenn in chóigidh-si	7+	15. по холодной просторной Альве.
duit dobeir a bennachtain	7+	Катайр, глава этой пятины,
a Dáire óig ilchrothaig	7+	дает тебе свое благословение,
gurbat fial fri filedhaibh	7+	о Даре, юный прекрасный воин.
20. tú mac Eithne airegdha	7+	чтобы ты был щедрым к поэтам,
gurbat nia co nert-chosgur	7+	20. Ты, благородный сын Этне.
os Gáilianuib mo ghas.	6–	чтобы ты был воином с победой, добытой силой, над галеойнами, мой наследник.

III.

Mo ler cona lántorad	7+	Мое море с полным числом плодов —
dom Bresal binn briathrach-sa	7+	моему Бресалу приятному, словесному.
rob luam loingsi luchtmhaire	7+	Пусть он будет предводителем многолюдной
gach laoch lonn dot lorghabail	7+	флотилии.
5. forc fri feraibh fichdaidhe	7+	Каждый яростный воин — для твоего
fir sgeo mná do báinfine	7+	великого (?) захвата.
do gormmac do grádhugud	7+	5. Копье против гневливых (?) мужей,
coin echrada eirimdhai	7+	мужи и жены из/для светлого (?) рода,
agat la hiath n-uisgidhi	7+	для приемного сына для любви.
10. maisi ar mnaib do móirchineóil	8+	Псы, стада лошадей в великом количестве
craísecha cró certaighfidh	7+	мчатся по влажной земле.
tréith do thíre tuathghlaine	7+	10. Красоты для женщин из великого рода.
selbh lat Inber nAimirghin	7+	Копье прольет кровь.
iar selbad na senrainde	7+	Слабый из земли северносветлой.
15. uaitsi andsin éirighfitt	7+	Твое владение — Устье Аморгена
tuirc traethfus gach tigernus	7+	согласно обладанию древней долей.
a cín láime laimthighe	7+	15. От тебя поднимутся там
níba seótu sirthaiscfit	7+	вепри, которые подчинят (?) каждого
ic cur dochra díbaige	7+	повелителя
20. drong daigfer co ndénmigi	7+	от вины дерзающей руки.
la Bresal mbalc mbarrannta	7+	Не будут ценности долго хранить
rop conn críche cloidhemhdhai	7+	при причинении ущерба разрушения.
cumall fri seilg sernatha	7+	20. Благородный могучий добрый муж,
mo bár buadach buidhenda	7+	Бресал доблестный агрессивный,
25. bias co saor fri sen-chairdib	7+	пусть он будет повелителем области меча,
Cathaír cenn in chóigid-se	7+	герой на ??? охоте,
tidhnaices na sochair-si	7+	мой победоносный, окруженный войсками
duit a Bresail bennachtaigh	7+	предводитель,
ar dho grádh ’gut glanathir	7+	25. который будет достойно поступать со
30. uad rod lá co ler.	5–	старыми друзьями.
		Катайр, глава этой пятины,
		дарит эти права
		тебе, о благословенный Бресал.
		За любовь к тебе от твоего светлого отца

30. он послал тебя от себя к морю.

Если не принимать во внимание последние строки каждого из разделов, по всей видимости маркирующие их завершение, мы наблюдаем следующую картину: вариативность количества слогов в строке сохраняется на прежнем уровне (от 6 до 8 слогов), однако семисложные строки в «Завещании» статистически абсолютно преобладают; сохраняется обязательный трехсложный каданс.

С нашей точки зрения, однако, преобладание семисложника здесь не может быть подтверждением теории К. Уоткинса, поскольку является следствием намеренной силлабической унификации. В «Завещании» используется прием, встречающийся в классической силлабической ирландской поэзии и абсолютно нехарактерный для ранней несиллабической — использование присубстантивных клитик (*-sa* или *-se*/*-si* в зависимости от исхода основы) для получения нужного количества слогов в строке и в кадансе:

in Rus fledach Failgech-sa
Cathaír breo na Banbha-sa
don Dáire borb beódh-sa
Cathaír cenn in chóigidh-si
dom Bresal binn briathrach-sa
Cathaír cenn in chóigid-se
tidhnaices na sochair-si

Ср. строфу из «Мартиролога Энгуса» [Stokes 1905]:

25. Domrorbae domm théti,
ol am triamain **tróg-sa**,
iar timnaib ind **ríg-sa**
rith roráith in **slóg-sa**[18].

[18] «Пусть будет к моему спокойствию, / ибо я несчастный бродяга, / по заветам Короля / тот путь, что пробежал этот отряд».

Если в «Завещании» размер имеет структуру [4 | 3], то в мартирологе — [4 | 2]. При этом как стихотвореные фрагменты из «О вступлении во владение», так и другие раннеирландские стихотворения, последовательно демонстрирующие трехсложный каданс, лишены такого рода клитик. Как отмечает издатель «Завещания» М. Диллон, в нем присутствуют сравнительно поздние глагольные формы. Однако, с точки зрения исследователя, стихотворение могло быть видоизменено переписчиками, «записывавшими по памяти текст, который они уже не понимали, или же заменявшими архаические и вышедшие из употребления формы на новые» [Dillon 1962: 148]. В этом объяснении содержится противоречие: невозможно объяснять наличие в тексте новых форм и отсутствие старых тем, что писцы или понимали текст (и заменяли старые формы новыми), или не понимали его (и заменяли непонятные формы новыми). Сохранение в рукописях новоирландского периода по-настоящему архаических текстов (наподобие «Видения Конна» или второй части «Суждения Диан-Кехта» — см. § 7) указывает на то, что, имея дело с архаическим языком, писцы в большинстве случаев не заходили в своих поправках дальше уровня орфографии. «Завещание», таким образом, следует помещать в позднедревнеирландский или даже среднеирландский период.

§ 7. Акцентуационно-аллитерационная теория раннего ирландского стиха

В этом разделе мы вернемся к акцентуационно-аллитерационной теории раннеирландского стиха. Мы ставим перед собой две задачи:

1) Показать, согласно с мнением Э. Макнила, Д. Бинчи и Дж. Мерфи и вопреки мнению Й. Кортaлса, что этот размер действительно необходимо описывать как размер с двумя или тремя ударениями в строке; в таком случае стихи аллитерационной цепи предстают как его более упорядоченная и строгая версия. Для того чтобы сделать это, мы должны доказать, насколько возможно

четко, что при использовании этого размера возможно непротиворечивое разделение на строки большого корпуса текстов.

2) Показать, что и схема с двумя-тремя ударениями в строке не описывает в полной мере многие ранние ирландские стихотворные тексты. Рассмотрение примеров из юридического корпуса, а также «Видения Конна» показывает, что встречаются строки, состоящие из четырех, а иногда и более, ударных слов, не поддающиеся дальнейшему членению — этот материал подводит нас к вопросу о роли синтаксиса в ранней ирландской поэзии.

1. Метрика лейнстерских панегирических стихотворений и акцентуационно-аллитерационная версификация

Анализ метрики лейнстерских панегирических стихотворений, предложенный в [Corthals 1990], представляется нам неудовлетворительным по двум причинам:

во-первых, три стихотворных размера, предложенных Й. Корталсом, с нашей точки зрения легко могут быть сведены к одному без каких бы то ни было потерь для точности или полноты описания;

во-вторых, наше описание не будет опираться на неопределяемое на раннем ирландском материале понятие *цезуры*.

Для проведения нового деления на строки этих и прочих текстов мы будем прибегать к следующим трем принципам:

(1) в строке может быть два или три полноударных слова (композиты засчитываются за одно полноударное слово, об их особенностях см. в главе 2);

(2) последнее слово строки должно предпочтительно аллитерировать с первым словом следующей (если это требование не выполняется, мы в праве ожидать, что следующая строка будет целиком пронизана внутренней аллитерацией — так называемое правило «компенсирующей аллитерации»,

описанное на материале ранней христианской поэзии Ф. Келли [Kelly 1973: 5]); возможно, следует предположить также следующие условия аллитерации:

(а) глагольный преверб и корень могут аллитерировать по отдельности (congala **f**er / **f**o-cerdar cin...);

(б) аналогично могут аллитерировать по отдельности появившийся в результате эклипсиса и начальный n- и следующий за ним гласный (**n**ath **n**-eclaig / ailig...);

(3) деление на строки должно избегать анжамбеманов: в нашем случае действует запрет на такое разделение сложных имен собственных, именных и глагольных групп, когда от них отрывается одно полноударное слово (таким образом, возможно деление на строки вида «Лоэгаре Лорг / прекрасный, могучий», но невозможно «Лоэгаре / Лорг» или «Лоэгаре Лорг / прекрасный»; аналогично, возможно деление вида «Лоэгаре жестоко поразил / королей соседних земель», но невозможно «Лоэгаре жестоко поразил / королей» и «Лоэгаре / жестоко поразил королей»).

Иерархия правил следующая (от более важного к менее важному):

(3) > (1) > (2).

Иерархия означает, что синтаксические правила, в отличие от аллитерационных и акцентуационных не могут нарушаться. Вместе с тем результат их применения при делении на строки необходимо согласовывать с правилами (1) и, если это возможно, (2). С нашей точки зрения, однозначно стихотворными можно считать тексты, в которых после применения синтаксического критерия мы получаем строки с варьирующим в заданных пределах количеством ударных слов. Для панегирической поэзии и отдельные юридических текстов это классический диапазон в два-три ударных слова, другие юридические тексты нередко демонстрируют строки с четырьмя ударными словами. Спорадически встречаются строки с бóльшим количеством ударений, однако они, с нашей точки зрения, являются исключениями и

составляют стастистически незначительную часть включающих их текстов.

Синтаксические правила ранее в литературе не обсуждались, однако лишь с их помощью возможно объяснить устройство некоторых архаических текстов. Подробнее см. в обсуждении конкретных примеров ниже.

В качестве базового материала при делении на строки поэм лейнстерского корпуса нами было использовано дипломатическое издание Rawlinson B 502 [Corthals 2003] с восполнением пробелов за счет чтений «Лейнстерской книги» [Ibid.]. Нами были добавлены заглавные буквы в имена собственные, а также дефисы, объединяющие то, что нам представляется раздельно записанными частями композитов.

Здесь и далее безударные слова отмечены курсивом, ряды аллитерирующих слогов — попеременно полужирным шрифтом и подчеркиванием.

1.

Mal **a**d-rualaid	Предводитель вступил
iatu m̲arb	в земли мертвых,
m̲ac **s**oer **S**etnai	сын благородный Сетне.
selaig **s**rathu f̲omaire	Он очистил долины фоморов
fo **d**oene **d**omnaib	под мирами людей.
d*i* u̲achtur A̲linne	С вершины Алинне
o̲irt **t**riunu **t**alman	он убивал сильных земли,
trebunn **t**ren **t**uathmar	предводитель сильных великий-
Mis-Telmann Domnainnn	народами
	Мес-Делман Домнан

2.

Dind **R**ig **r**uad	Динн-Риг прекрасная,
t̲uaim T̲enbad	крепость Тенбы,
t̲richait n-airech	тридцать благородных
fo **b**ron **b**ebsait	в тоске погибли
bruisius **b**reosuis	поразил их, сжег их
bar-niad l̲onn L̲abraid	мудрый-воин яростный Лаврадь
l̲ath **E**lgca	воин Ирландии
.h. [**a**ue] L̲uircc L̲oegaire	внук Лорка Лоэгаре
L̲ugaid l̲oeg l̲onn	Лугадь милый
sanb **S**etna	яростный (?) Сетна
sochla C̲oel C̲obthach	доброй-славы Коэл Ковтах
mal **M**uiredach	воин Муредах
mandrais a̲rmu	разбил оружие
a̲thar o̲llomon	отцов предводителей
o̲rt **M**oen	убил Моэн
maccu a̲in A̲ugaine	из потомков благородного Угане.

3.

Ni **c**eilt **c**eis	Не скрыла х (часть арфы — *Д.Н.*)
ceol *de* **ch**ruitt **C**hraptini	музыку из арфы Краптине
c*o* **c**orostar *for* s̲luagu s̲uanbas	так что пришел/она пустила (?)
con-s̲ert coibnius *eter sceo* **M**ain	к отрядам сон-смерть
Moriath **m**acdacht **M**orca	[она] установила единение между
mó cech l̲uág L̲abraid[19]	[ней] и Моэном
	Мориат юная [из страны] Морки:
	лучшей всякой цены [для нее] —
	Лаврадь.

4.

Moen oen *o ba* **n**oed	Моэн единственный, с тех пор как
nibud **n**oos a̲rdrig	был ребенком —

[19] По отношению к этой строке возможны две трактовки:
1) счесть *cach* как местоимение в препозиции безударным словом, для чего, однако, нет достаточных оснований;
2) оставить строку четырехударной по правилу (3).

ort **r**igu
roud an
.u. **L**uirc
laithe gaile Gaileoin
gabsat *inna* **l**amaib **l**aigne
[**L**aigin desin][20]
slog Galian glonnach
glinnis **c**octhe
cota ler lerga
iath h-**E**rimoin
iarna longais Lochet **f**iann
flaith Gaedel gabsais.
Griph **i**ndrith
iath n-**a**neóil
.**h**. Luirc Loegaire

не был это обычай верховных
королей:
[он] убивал королей.
Благородный бросок (?),
потомок Лорка.
Воины яростные галеойнов
взяли в руки копья.
[«Лагены» от того.]
Славное войско галеойнов
развязало войны
до берега моря
в земле Эремона.
После изгнания в Лохеде фениев (?)
он захватил власть над гойделами.
Гриф разорения
неизвестных земель.
Потомок Лорка Лоэгаре.

5.

Baeth **b**uide
banan dron
dana dilmain
macne n-**A**ilb **a**irme
Achir buire bru
diderg Dondobur doel
Gabruan [глосса: a quo belut ngabruain] **g**inne *fur* [F]indubur

Необузданное, светловолосое,
светло-благородное, стойкое,
храброе, свободное
потомство Алва мы перечисляем:
Ахер — ярость (?),
красный жук Дондовур,
Гаврон — (?) для Финдавар.

6.

Na tri **F**othaid **f**irsat[21]
macnia Lugdach luind
Dare **d**erg
daig garg gnathaltach
gair **n**ith
Nuadu **N**echt
di gablæ gelfhine
galeoin **f**ind
fir hUmaill
argg **t**ricc **T**renmor
triur soer
sainb Soailt
soer **b**rig **B**aiscne
boda nar
Nuadu Necht

Трое [из рода] Фотада
сыны-воины яростного Лугьдеха:
красный Даре,
яростное пламя — Гнаталтах,
зов сражений —
Нуаду Нехт.
Из ответвлений светлого рода
светлых галеойнов:
светлые мужи Увала,
благородный и стремительный
Тренвор,
благородная троица,
... Соальт,
благородная сила Баськне,
... благородный

[20] Вероятно, попавшая в основной текст глосса. Это единственный пример употребления *desin* ‘из-за этого’ в стихотворном тексте. Метрический статус этого сочетания неочевиден.

[21] Значение слова *firsat* непонятно, что затрудняет анализ строк 1–2.

lonn **L**ugaid	Нуаду Нехт,
Find file	яростный Лугадь,
Ross **r**uad **r**upte	Финн поэт,
[fiadu nia nuadu necht nind][22]	красный (?) Росс,
[Вариант LL:]	Фергус — повелитель Моря,
Fergus fiadu fairge.	... воин,
falnath **n**ia	драгоценный Нуаду Нехт
Nuadu **N**echt mind.	сверкающий стих.
niamtha nath. N.	

7.

Lug **s**ceith	Рысь на щите,
scal finn	светлый муж,
fo nimib ni ra[**b**e]	не было под небесами [того],
bid mac Aine aidblither	кто был бы подобен могуществом
airddiu **d**eeib **d**oen	сыну Айне
dron **d**aurgrainne	выше богов людей
glan gablach	твердый желудь
hua Luircc Loegaire.	светлый, со множеством потомков,
	внук Лорка Лоэгаре

8.

Eochu ferngen. finteng. aucha. heriu. orb. alb. rogen ruad. donnaile dana. nar. noe. ladrann lergnaid. luad cuar. cain m[ ]c meic augein aurgnaid[23]

9.

Find **T**aulcha	Финн, Таулха,
tuath cuire Cailte	отряд туатов, Кайлте
crothsat cres m**B**odbæ	заставляют содрогаться потрясание
barcaib *di* thonnaib	Бодв[25]
tri hui **B**aiscni	на кораблях с волн
buadach cuitechta	три внука Баськне
cond ar **f**erga **fi**lset[24]	победоносный отряд
tri hui Nuadat Necht	...
	три потомка Нуаду Нехта.

10.

Tri meic **R**uaid	Три сына Руада,
ruirig flaind	красного верховного короля:
Fiangal Fnd	Финн — ярость фениев,

[22] Выделенный квадратными скобками конец текста в Ralwinson B 502 выглядит испорченным. Для анализа будет использоваться версия «Лейнстерской книги».

[23] Метрический анализ текста не представляется возможным.

[24] Значение строки неясно.

[25] Значение слова *cres* неясно — ср. *cresaigid* ‘shakes, brandishes’

Ailill **a**cher
coemCorpre[26]
caine **d**ind
dem i foat
Alinn cruind Cruachu
Temair **t**oeb-glan

яростный Айлиль,
прекрасный Корьпре.
Прекрасная крепость,
защита, где обитают (?)
круглая Аленн, Круаху,
Тара со светлыми боками.

11.
Cathair **c**oem
Conn **c**omfebaib
fallnatar flaithemdai
fri filedu fath fiu
da mac **f**iala **F**edelmithe

Прекрасный Катайр,
Конн с равными достоинствами:
правили царственные.
Достойный объект для поэтов —
два сына благородного Федельмида.

12.
Doss **d**áile
dál Temra
toccaid **c**aim
coemna **c**oecat bliadnae
ba bar **f**íne
fial caur
Cathair **m**or
mairg Elcgæ
atmad *a* **l**echt **l**uaigne

Древо доли
удел Тары
прекрасная удача:
защита пятидесяти лет
Он был венцом (barr?) фениев
(?) воин-высокий
Катайр великий
горе Ирландии!
Указывают на (?) его могилу луигне

13.
Coeca[27] fichet filed
fiu bid **n**ath **n**-airec
fri drauc Fiachaich
Fiachu ferr **o**en
ilar mbraithre Baccedo

(Пятьдесят по) двадцать филидов —
достойное стихотворение для сочинения (?)
про дракона Фиаху
Фиаху — лучший
из многочисленных братьев Баккедо.

14.
An **g**rian **g**rissach
goires breoda Bresuail
bres **E**lgca
.**h**. Luircc
lathras **b**ith **B**eolach

Благородное пылающее солнце
горящее огнем — Бресуал.
Герой Ирландии
внук Лорка
который обустраивает мир — Беолах.

15.
Mara **g**algata
grith fæbair.
for **C**airpri **c**lannaib.
Cnamrois *hi* lerggaib.

Великие несчастья
потрясание оружием
над сыновьями Корьпре
на равнинах Кнавроса

[26] В рукописи слитно. Если предположить, что здесь присутствует композиция с именем собственным (ср. búaid-Barchedo) и coem-Coirpre — одно слово, то следующая строка представляет собой часть этой.

[27] В части рукописей *coeca* отсутствует и первое слово стихотворения — *fiche*.

l[ech]it. **m**ara	оставляют (?) ...
meic hui Chuind.	сыновья внука Конна
co noi **m**ilib **m**achta.	с девятью тысячами могучих
mair **m**eic-fhine	великий сын дружины
ainrig Eochu.	единственный король Эоху
Eochuid **d**il **D**omplen.	любимый Эохайд Домплен
daith ruire Raiphtine	стремительный верховный король Рафтине
ropo **F**iachu **f**orderg.	Фиаху был очень красным
fo scel.	печальная (?) повесть
[28]scith. scuirset. lim	...
laithe .h. chuind crolechtaib	воины внуки Конна в кровавых ложах

16.

Mara **m**airb.	Великие мертвые
mara **m**airt	великие убийства
.iii. meic.	три сына
iii. marrig.	три великих короля
meic **C**airpri	сыновья Корьпре
caine anrig.	прекрасного благородного короля
Eochu Eochuid.	Эоху Эохайд
drauc **D**omplen **d**eilm-ruire.	дракон Домплен славный верховный король
ruad Raiptine.	прекрасный Рафтине
Fiachu **f**othath.	Фиаху ...
fechair **f**orbdine	суровые наследники

17.

Lamair **l**ergga **l**ana sloig slogidach sceo **l**athaib **L**aigniu **L**abraid[29]	Отважился [напасть] на склоны, полные воинственных войск и воинов лагенов (?) Лаврадь
Linais nia	Наполнил воин
nithach **s**ab	воинственный герой
slogaib *cach* mairrig archoin	пса войсками каждого великого короля
combaig dor-ar ndian	обрушил яростный бой
da mac **b**uadaig **B**resuail	двух сыновей победного Бресуала

[28] Смысл и метрическое устройство следующих двух строк неясны.

[29] В первой фразе очевидно присутствует аллитеративный паттерн, однако синтаксически ее устройство ясно не до конца. В первую очередь непонятно слово *laigniu* — acc. pl. от «лагенов». Представляет ли оно собой отдельное дополнение к глаголу? В таком случае можно предложить следующее деление на строки:

Lamair lerga lana
sloig slogidach sceo lathaib
laigniu Labraid

18.

Mair **d**recuin [drecuin] ***da*** Enna.	Великие дракона — двое [по имени] Энна,
húi **n**ithaig **N**uadat	внуки воинственного Нуаду
nascad **g**iallu **G**aedel	захватывание заложников гойделов
necht	(?)
[LL: niaib necht]	

19.

Lia **l**ama	Камень руки
druth *ba* druilt.	(?)
dængus drongus	сила человека, твердая сила
tnud *tre* **b**uadail	ярость посредством победного камня
bert moid	он принес обет
mac hu **b**uaid-Boirceada	сын внука победного Бархедо
baillsi Eoco	он убил его, Эоху,
ua **l**ond **L**abrada	яростный внук Лаврадя

20.

Eochu **a**rt	Эоху — медведь,
ar[LL: a]-cridethar cathrai	который обнимает (?)
coic **d**on ro-**d**oman	пять (?) великого мира
di-eblad **d**i-feid fianna	он гнал бы, вел бы фениев
fo **m**indaib **m**ac Labrada	под знаменами сыновей Лаврадя
lamtort n-**i**rgala	тяжесть руки в битве
ua Beolaig Breassail	внук Беолаха Бресуала
breas [**E**lgae?]	герой Ирландии
ro-**o**rt namaitt neit	он разбил врагов в битве
uath fo nascaib	ужас под обязательствами
mad niam-bræi	(?) сияние
anblod **a**nreth	(?) герой
airel **a**rsceo	ложе побоища
nemnaig mac Ethni	ядовитый сын Этне
ua **C**uirc **C**aramain	внук Корка Кармана

2. Стихотворный фрагмент «Суждений Диан-Кехта»

Дипломатический текст приводится по [Binchy 1966], где он воспроизведен как проза с разделением на параграфы, которого мы не сохраняем. Последний параграф был проинтерпретирован издателем как

строфа в силлабическом размере, предпоследний параграф был аналогично проанализирован Л. Брятнахом [Breatnach 2005: 370] — эти параграфы, по-видимому представляющие собой позднейшее дополнение к основному тексту, мы не воспроизводим. Д. Бинчи указывает на то, что вторая часть «Суждений» является более архаической, чем первая, однако не рассматривает ее как поэтическое произведение. Более того, в комментариях к «Archaic legal poem» [Binchy 1971], где Д. Бинчи отмечает, что аналогичным размером написаны лейнстерские панегирические стихотворения (подтверждение этого тезиса см. выше), он не упоминает «Суждения». Нам представляется, однако, что вторую часть этого трактата можно проинтерпретировать как текст в акцентуационно-аллитерационном размере. Правила разбиения на строки см. в п. 1 данного параграфа.

Congala **f**er
fo<u>c</u>erdar <u>c</u>in *co* fergac
con **f**ri **f**uili **f**oichliter
gres-gal <u>c</u>omluind
<u>c</u>astar beimm
imusfacaib feth *fo* tsaoth
fri **s**eota **s**amailter
<u>t</u>uinn <u>t</u>ris
<u>t</u>ar n**e**nech **a**rd
gnodad cota failge <u>d</u>ath
<u>d</u>ing ris .iiii. seota
dignu **t**rom **t**iced
truma **t**odlach **t**oruth
tomaidm <u>f</u>lann
<u>f</u>ri .u. seotu **c**omdire
cac **c**nis **c**undlau **c**omairser
astoing <u>t</u>alguth
<u>t</u>ar **f**reccur **f**elmac
tuile <u>f</u>uile <u>f</u>ethe
<u>f</u>ordiubaidter **t**onnu
tocuiriud to fri loch lan aire[30]
adart ara <u>c</u>utma <u>c</u>enn
<u>c</u>onmesar lin **s**et **s**uede
.ui.[**s**é] **s**etuib berthe
<u>t</u>reb <u>t</u>aidhbditer

1. Схватки мужей —
вина полагается на гневного,
так что согласно [пролитой] крови оценивается
ярость нападения во взаимном ожесточении.
5. Наносится (?) удар,
который оставляет сухожилие раненым,
он оценивается в седах[34],
1/3 (или 3?) (за?) пролития/кожи (?).
Оскорбление благородного лица
10. Ему было нанесено увечье-*gnod*, так что оно поражает [красивый] цвет лица
требуй за это четыре седа.
Упрека тяжелого пусть заслуживает
поражение, [вызывающее] тяжелый поток (? конъектура)/плод —
излияние крови.
15. компенсацию, равную 5 седам,
за каждую рану <...> ты должен требовать,
если он отказывается от <...>
несмотря на врачебный уход / вопреки врачебному уходу.

[30] Смысл и метрическое устройство конца строки неясны.

la gell ***fri*** **f**atha **f**elmacc
truma fresligu
fir **a**irgill **a**iri ngniter[31]
gres grit ***sin***
30. **s**egair .uii. [**s**echt] **s**etaib
saer dianim
la gell *fri* fathu felmac
la iarmbrethemnus *iar* nderosc
h**o**n **a**nim
35. **e**sbuith **a**marcc **e**tracht
direnar *i* comcisi[n]
aisli *i* clanntar crecht
cumal cainchuisi
formnaib **e**ch n**a**llmuiri
40. to- sseotu -sli
sliasait sair sethnaig
samaiscib dirirther **l**ennaib
sceo **l**ennaib **l**in
leir-cumal **l**aime
45. ***l****a* bu dirirter aircet
ina **t**rian **t**et
trummu **t**resa **t**urgabail
cumal cain **e**tain
i*nge mad i* ninchind teis
50. fer cum. innraic
inchinne artreib
tocsaig fiacha **d**ermara
d*i* diupae nath n**e**claig
55. **a**ilig breth berdai
basith **c**ert **c**umal
cach mbel nodifoclatar
fib firdal
direnar **c**umal
cain **ch**raothenech
60. ***c****o* forus fir fiach.
dirirter bronn-or bronn-arcat
h**u**ilen **a**rd n**u**ag
ar- seotu -said
la cumal cech aonuig
65. *la* set cach aidbriuda
ima ruide rus

Истечение крови [из] артерий
20. [когда в результате повреждения] удаляется кожа
Для установления (?) ...
подпорка, чтобы не падала его голова
установи число седов для сидения (?)
Они были бы принесены (?) в шести седах,
25. [которые?] показываются в доме
наряду с залогом для врача.
Тяжелее — в случае лежания
истина предварительного залога для того, против кого было совершено
это яростное (?) нападение
30. предъявляется требование семи седов
свободный, не имеющий ран
наряду с залогом для врача
после вторичного диагноза после осмотра
рана, поражение
35. урон, повреждение, лишение сил [импотенция?]
díre за это оценивается при осмотре части [тела], которые поражаются раной:
кувал[35] — за прекрасную ногу
в добавление к заморским лошадям
40. [пострадавший] заслуживает седы
бедро благородное тела
компенсация за него будет выплачиваться в телках жидкостях
а также льняных рубашках
точный (?) кувал за руку
45. кроме коров выплачивается серебром
в размере одной третьей [части]
тяжелее — развязывание драки
кувал — за прекрасный лоб
если только [удар] не проникает в мозг
50. <...> достойный кувал
обиталища[36] мозга
сохраняй (требуй?) очень большие

[31] Просодический статус спрягаемого предлога (фактически, склейки предлога и местоимения) неясен. Возможно, следует предположить следующее деление на строки:
fir **a**irgill
airi ngniter

[34] Древнеирландская мера стоимости.

[35] Мера стоимости.

[36] Если следовать DIL в приравнивании глаголов *ar-treba* и *ad-treba*, то *artreib* можно трактовать как глагольное имя, эквивалентное по значению *attrab*, см. [DIL: s.v.]

rosaid **b**ass **b**ithainimh
i m**b**i adbolon
dina derlaiter dil
rannuib **e**nech
erce fuile
fuil *iter da* bra *7 a* **f**olt
fri .iiii. seotu samailter
is sain *i* fuil **s**rube
sloinn *a* coic
cuinnidh **t**rait **t**relaog
etir a etan 7 a folt
is .u. setaib saidid
smech smitaig
fuil *hias* **m**aluig
mat *is* bra
brig(aib) di(a) cholp[th]aig[32]
aon *i* fan itir *da* **g**lainne
gleter dun dairt
etar a ó *7 a* **f**olt
a **f**odlaib **f**iacal
***f**o di* [s]luasait anuas[33]
nuiter da se set
is [s]ain *i* nda foilngid anis
ni saig *dar a* se
a se ele
i n**d**(o)ant **d**aimtir
da thuidmid(e) anis
nis- truma trelaog -tarsaig
i nda **t**anaisi
tuirim da colp[th]ach
co di bai **b**rigtair
bronnad iardet(en)
i neric **l**aime
latharthar fiche set
sluinn *ind* ala fichit **s**et
i **s**ula **s**eit
slicht *i* nordain argid
da cuic caincolpthach laudden
ni lau **c**oisi **c**ondendeich
noch(a) dlig somul neich
eiric cach coplthai anair
fri cetri seota samlaidter
im segamluid sain
sluinn *ina* taobh anechtair
a cuic *as* cach laim.

штрафы
за ужасное отрезание <...>
принятое суждение, [пусть?] он приносит его
пусть это будет точный кувал
[от] каждого рта, который раскрывает это
перед (?) истинным собранием (или: как истинное свидетельство)
выплачивается кувал
за прекрасный облик лица
до установления истинного штрафа
он выплачивается очищенным золотом и очищенным серебром
локоть высокий <...>
требует седы
плюс кувал за каждое собрание
кроме седа за каждое привлечение внимания
из-за которого краснеют щеки
достигает смерти постоянная рана
если она большая
если не осуществляется выплата
для частей лица
выплаты за рану
рана между бровями и волосами
оценивается в четыре седа
по-другому при ране носа
определи пять
испрашивание быстрое отелившейся коровы
между лбом и волосами
в пять седов оценивается
сломанный (?) подбородок
рана над бровью (ресницами?)
если она под бровью
требуй два колптаха[37]
одну — за углубление между двумя челюстями
оценивается в дарьт[38]
между ухом и волосами
из разделов зубов (или: за повреждения зубов)
за две верхних «лопаты»
[пусть?] будут объявлены дважды по

[32] В рукописи это слово повторяется еще раз: Colp[th]ach.
[33] Слово имеет ударение на второй слог. Возможно, здесь есть аллитерация: a-**n**-uas / **n**uiter.
[37] Мера стоимости.
[38] Мера стоимости.

шесть седов
по-другому с двумя «прыгунами»
снизу:
не идет дальше шести
другие шесть
полагаются за dant
два «связывателя» снизу
для них не достигает более тяжелого,
чем корова после отела
в случае двух следующих
отсчитай два колптаха
вплоть до двух коров определяется
поражение задних зубов
в качестве выплаты за руку
определяется двадцать седов
объяви другие двадцать седов
за выбывание/путь (?) глаза
знак/путь (требуй?) за серебряный (?)
большой палец
два по пять прекрасных коров за
маленький палец
не меньше за ногу <...>
также у него есть право на ... лошадь
выплата кажой голени [за удар?]
спереди
оценивается в четыре седа
в отдельную корову (?)
оцени бок [пораженный?] снаружи
пять за каждую руку.

Стих «Суждений Диан-Кехта» является менее регулярным, чем стих лейнстерских панегирических стихотворений, однако, с нашей точки зрения, мы сумели показать, что данный текст можно рассматривать как стихотворный. Кроме плохой сохранности текста, основной сложностью при его анализе является нерегулярный характер аллитерации: как видно из приведенного выше разбора, она не является обязательной и, что более важно, нередко или захватывает несколько строк кряду, или же, напротив, ограничивается пределами одной строки. В таких условиях для непротиворечивого деления на строки приходится прибегать к описанным в п. 1 синтаксическим принципам, в результате применения которых мы получаем строки, состоящие из четырех ударений. В рамках нашего подхода мы не можем разделить их на два колона

по два ударения, как это предполагается в теориях Дж. Карни и Й. Кортaлса, поскольку в нашей системе синтаксические правила обладают наибольшим приоритетом. Чтобы подтвердить обоснованность этого подхода, мы предпримем разбор еще двух текстов: «Видения Конна» и первого из изданнх Л. Брятнахом стихотворных фрагментов «Суждений благородных».

3. «Видение Конна»

Для анализа был использован дипломатический текст, приведенный в [Murphy 1952]. Правила разделения на строки см. в п. 1. настоящего параграфа.

Incipit baili Chuind Chetchathaigh

	(Íb)thuss Art	Выпьет ее Арт
	ier cetharchait aidchi	после сорока ночей
	comhnart caur	сильнейший воин
	con beba Muccruime	пока он не умрет в Мукриме.
5.	Mac-Con moccu Lugde Loigde	5. Мак-кон из потомков Лугде Логьде
	la sechtmain sephus	который будет нападать день [и?] неделю
	fri Ferguss Dubdetach	против Фергуса Дувдедаха
	con bebat Breig d’et chatho.	так что они погибнут в Брег от ярости битвы,
	con- *fri* Crinne -cichuir	которая будет ??? против Кринне.
10.	Corbmac coten-ibau	10. Корвмак, он выпьет ее,
	ol sen	древний напиток
	sáim nía	приятный воин
	bephaid Scoilicc	он умрет в Сколик (?)
	bid *an* fear fuiri foilcfithus	он будет благородным мужем на ней, который омоет ее.
15.	Ipthuss Corpre	15. Выпьет ее Корпре,
	comlond *co* flatha fir	[достойный] противник с истиной правителя.
	Ailfithuss Fiechri	будет требовать / получит ее по праву Фиэхри
	fill mora Mide	великие предательства (?) Миде
	cichsot cenmuir	пойдут до далекого моря / будут долго наступать
20.	conden- Daire Drechlethan -dailfa darbmís	20. Даре Дрехлетан встретит их в обильном месяце
	dis-ngig Fecho	Фехо будет просить о ней
	fer haetho ainb	муж огня невежественный
	asa mesatar ciss	
	Muiredach Tírech trichtach	
25.	Tus-nena nadmuim	
	an-Chrimthand lethan lonn	
	fuath *fo* chois	

	con- Niell -noifither	которым они будут оценены налогом
	neirp catha crich	Муредах Тирех тридцатилетный
30.	cu Loigaire lonn	25. свяжет ее поручительством
	lenfet[h]ar *inda* Tailcenda techt	благородный Кримтан широкий яростный
	taigeb tarsnai	образ под ногой
	crainn chroma	пока не будет прославлен Ниалл
	beirtis blatha	(?) боев границ
35.	tua dind	30. яростный пес Лоэгаре
	cain cur Corpri coten-ibha	будет поражен приходом теслоголовых
	hart han feal fuirri	(?) балки
	feal Ailill hipht[h]us	изогнутые деревья
	lund Lugid	они бывали в цвету
40.	rohola soír siasstar	35. укрепление, крепость
	fir n-airm	прекрасный воин Корпре выпьет ее
	an-fear for	благородный славный медведь на ней
	mac Ercénid oen-garb	славный Айлиль выпьет ее
	gebthus gnoe gai gairb	яростный Лугадь
45.	gebthus Aid	40. благородный великого питья
	an anruth	подвергнется нападению
	Aed O(l..)in biass bith	проверка оружием / истина оружия
	biad fuirri fir nDiarmada	благородный муж на [ней?]
	dis-ngig Diermait	сын Эргене уникально суровый
50.	*dia* rirsetar liss	захватит ее слава острого копья
	lundug han	45. захватит ее Аэд
	con fri Irthine n-acht	благородный герой
	ailt fuiri Feachno	Аэд Оллан, который совершит удар
	fearr Suibne soer	будет на ней правда Диармада
55.	Oengus han Domnall	Диармад будет просить о ней
	dos-cich Blathmac	50. когда будут проданы/дарованы
	Diarmaid auae alaili	крепости
	Is e eblas *in* aige	благородная песнь (?)
	flaith blai	пока не (?) к Иртине
60.	flaith chinad	... на ней Фиахна (или: ... Фиахны на ней)
	flaith echtach	лучше благородный Сувьне
	Helimm da cet mbliadne mboie	55. благородный Энгус Довнал
	ibthius Snechta Fina	придет к ней Блатмак
	firfess flaith	[затем] Диармадь — другой внук
65.	*ho* Niell *co* Nell	это он будет гнать гонение / праздновать
	Niell caich ua Neill	празднование
	naiscther geill	правление невиновности
	dot-hetha tein	60. правление вины
	ruadgarg raithnech less	убийственное правление / правление с
70.	bess tress mi *for* bliadni	обязательствами
	bebais muir	Элимм двухсот лет который был (?)
	mar domain dinib duabais díth	выпьет ее Снег Вина
	flaith sessgdachh	который изольет правление
	ier sloghaib ’s ae	65. от Ниалла до Ниалла
75.	bebaid fuil	каждого Ниалла внук Ниалла ?
	frita-herr cath cru(.)th	выдаются заложники

	dith bath	к тебе приближается огонь
	Bie(.) fuirri Flann Asail	от него красно-грубый папоротник
	an oirb	70. возможно, в третий месяц плюс год
80.	arus-nena nertaib	он умрет (?) в море
	dorn do giallaib	великая для людей мира жестокая потеря
	dos-cich Furbaide	правитель шестидесяти лет (?)
	ferr cach fer fuirri	после войск в тяжбе
	Flaith ma(. .)	75. он умрет в крови
85.	mess maith	поразит их жестокая битва
	lí an	урон, смерть
	flaith *fori mbia* bith trom tuilldech	будет на ней Фланн Асала
	dia mbebt[h]ar Breig	благородный наследник
	flaith Cailig comnart	80. могуче свяжет ее
90.	con-fiastar fuiri	рука с заложниками
	biad fuirre Glunsalach	придет к ней Фубаде
	fine forderga *a* toeb	он [будет] лучше каждого мужа [из тех, что будут/были] на ней
	tuss-ness giallaib	... правление/правитель
	gebaid Ross	85. хорошее суждение
95.	riris Mumain	благородное сверкание/красота/слава
	maith nith	достойный правитель, по которому будет нанесен тяжелый удар
	cetne cornburbech hIrthinea	от которого он скончается в Бреге
	han flaith *for* Temair	правление Калега, могучего воина
	tusn-icfea fer	90. оно будет известно на ней
100.	fingalach esmbrethach	будет на ней Грязноколенный
	hipthuss *co* derc domain	белые, покрытые кровью его бока
	Saxain imchil	он (?) заложниками
	immus- hua Chorcc -ebla	он захватит Росс
	is e raethe Muman	95. он продаст/обменяет Мунстер
105.	marlaithe *hi* Temuir	славный бой
		первый яростный в схватке (?) в Иртине
	finit.	благородная власть над Тарой
		придет к ней муж
		100. склонный к убийству родичей, с неправедными (?) суждениями
		он выпьет ее ...
		злобные саксы
		потомок Корка будет гнать их
		это он король (?) мунстерцев
		105. великих правлений в Таре.

В данном стихотворении мы видим практически полный отказ от связующей аллитерации — чаще используется аллитерация внутри строк (в том числе сверхдлинных — см. mar **d**omain **d**inib **d**uabais **d**íth). В связи с этим мы не можем быть в полной мере уверены, что «Видение» написано в том же

размере, что и тексты, рассмотренные ранее. Необходимо, однако, принять в расчет следующий факт: если последовательно делить текст на синтаксические группы согласно правилу, описанному нами в п. 1, мы видим, что подавляющее их большинство состоят из двух или трех полноударных слов (88 из 105 строк стихотворения, 84 %). Более длинные строки нередко получают специальное выделение: сквозную аллитерацию (кроме отмеченного выше примера, см. также **c**ain **c**ur **C**orpri **c**oten-ibha) или тмесис (если аллитерированные перечни встречаются и в прозе, то тмесис является сугубо поэтическим приемом). Эти два обстоятельства позволяют предположить, что анализируемые нами тексты следует рассматривать как представляющие один и тот же способ версификации, в котором можно выделить несколько «уровней жесткости». В том случае, если строго применяется только синтаксическое правило, мы имеем текст вида «Видения», где трех- и двухударные строки являются чрезвычайно сильной, но лишь тенденцией, а последовательное применение аллитерации отсутствует.

4. Стихотворный фрагмент «Суждений благородных»

Текст стихотворного фрагмента «Суждений благородных», содержащийся в рукописи Nero A vii Британской библиотеки, приводится по изданию [Breatnach 1987: 21–23]. Издателем уже было произведено деление на строки, которое мы в целом сохраняем (подробнее об этом см. ниже); косой чертой (/) обозначены дополнительные разделения на строки, предложенные нами согласно правилам, описанным в п. 1; вводя их, мы сохраняем принятую в [Breatnach 1987] нумерацию строк.

Raidh **u**ile *a* **A**imirgen	«Расскажи все, о Аморген,
abair fir filed	раскрой истину филидов:
feig Bretha **N**emed	ясные суждения благородных,
nad ceil *a* ndliged	которые не скрывают их права.

5. duit *ma* for-**c**aomrustar
cia roich teisctiu teiscleimim tuath
o taman *co* **f**ochluc
ferr **f**is *a* tri ngrad
glanmiadh macfuirmeid
10. fordo-midhir dris
cid dire n-**a**nsruth
asar **a**irmid **a**lt
abuir leath lethsruith
la se dire **s**ertuind
15. **s**loind crib
co taoided nemid niul **t**ruim
tuisigh ceard Conchobar
certaige **e**olus
ardracd cach n-denta
20. dimes cach **d**ichlide
di-celar cach ndan
sruithe feb aos
do-fed occ iarnglus
clithcu errgind anfig
25. ferr imsging adhbur il
mes tighe rena gnim
coicerta re n-aicidib
co meser men oir sceo airgid
manat cuirither cerd
30. cert do denamh di
seachddiabal **s**uad
.uii.[**s**echt] ndagh dia didiu din cirt
comdire cach idan adrad
na guin *nad* athgon
35. *ni* gonar *ni* athgonar
ar-fuim ucht **f**ir
ferr fir dia didiud
cibe fris cia cend
coneis dliged saoruadh
40. cach n-aithgen n-**u**agh
arda fritholaidh feine
ferr **l**abru **l**eir
lanuas coir filed
fircis cach **t**oruid
45. **d**o-berur ur *sceo* fond
aile daine dib-se
saor cuim /
cuid *i* **t**reach **t**ire
tanuise sertuind
saidti *co* hochd ochtar
50. *fri* ech airilliud **c**uimh

5. Если можно спросить (?) у тебя:
кто достигает нижних ученических рангов в туате?»
«От taman’а до fochloc’а,
лучше знания их трех чинов —
сверкающая честь macfhuirmed’а.
10. Наравне с ними (?) я оцениваю dris’а».
«Каково díre ansruth’а,
определяемое (?) на основании его стихотворений?»
«Скажи: половина для полумудреца,
таково же díre sertonn’а».
15. «Скажи быстро:
как сверкает благородный густого облака,
первый мастер Конхобара?»
«Правильность знаний,
сияние всего, что он делает.
20. Презрение — каждой погрешности,
которая скрывается в каждом стихотворении.
Выдающееся качество мудрости — возраст.
Юность превосходит старческую немощь.
Весна дает лучшую защиту, чем буря.
25. Покои лучше, чем груда стройматериала.
Оценка дома — перед строительством,
суждения — перед [работой] инструментами.
Как ты оценишь руду золота и серебра,
если мастер не определит
30. правильный способ работы с ней?
Семикратное (díre?) мудреца.
Семь хороших богов (?) — для ремесла.
Равная выплата за каждое подобающее служение.
Кто не наносит рану, не наносит ответную рану,
35. не получает рану, не получает ответную рану.
Он принимает грудь мужа.
Лучше истина для его ...
хотя бы против него ...
Он требует положенное благородному поэтическому мастерству,
40. всякое положенное возмещение.
Обратные обязательства филидов тяжелы.
Прилежный лучше болтливого.
Полностью благородно право поэтов.
Правильный налог с каждого плода
45. дается из земли и почвы
просьб людей к ним.
Благородно с собакой — /

caocad fir c̲ethruir	земля для трех лошадей.
c̲etracha fir **t**rir	Следующий — sertonn.
trichad fir deisi	Ему следует установить восемь восьмерок,
fiche fir aonfir	50. в добавление к лошади — право на пса.
55. saidti co t̲eisctiu t̲eisclem	Пятьдесят для мужа четверых.
t̲ri **m**is **m**iter /	Сорок для мужа троих.
fri tri c̲aoictise	Тридцать для мужа двоих.
c̲onid fri **t**orba **t**uaithe **t**ecclamar	Двадцать для мужа одного.
do-glean gil tenga	55. Необходимо установить период обучения.
ni atmach *ni* airegmech	Назначаются два месяца /
60. *ni* aoradh aon cach	и трижды по две недели,
ni aoradh acht nimed	перед тем как он назначается на пользу туата.
ni neme *nad* elluing	Пиявка прилипает к языку.
ni elluing *nad* elluing nath	Он не может давать поручительство, не
do-fairce nath nemtius	может подавать жалобу.
65. do-fuasluice laid laogha	60. Он не произносит против кого бы то ни
ni **t**oipgither **t**resa **t**amun	было сатиру.
techda f̲ochloccuin	Только благородный произносит сатиру.
f̲aosam *ar* .u.te	Тот не благородный, кто не сочиняет,
de chrius *de* cosuir	тот не сочиняет, кто не сочиняет nath.
70. firlaoda *la* hemuin	Nath приносит благородство.
dligid m̲arsai m̲ís	65. Laid выпускает телят.
m̲arfaosam fo-**r**facbad	Не вызовет плату нападение taman’a.
i **r**achd aididin t̲riun	Право fochloc’a —
t̲uc dana dia **c**irt	покровительство на пять дней.
75. **c**ach **c**omaccra *for* **c**omrer	От упряжи (?), от разворачивания
cach a̲onaccra *for* a̲onreir	70. истинного laid и emain.
cach nimid a riar	Великий suí имеет право на месяц,
cach dan a dliged	великое покровительство, которое он может
cach rechd frisa forruich	оставить (?)
adnoira ughdur	в могучем законе признания.
80. oscer cach a ceird araile	Пусть он произнесет стихи для своего права.
esna cach ad-n-oire uile aonreir	75. Каждый взаимный иск — на основании
	обоюдного согласия.
	Каждый однонаправленный иск — на
	основании одного решения.
	Каждому благородному — его суждение.
	Каждому ремеслу — положенное.
	Каждый закон — против того, кто его
	нарушил.
	80. Каждый невежествен в ремесле другого.
	Каждый мудр, когда следует единому общему
	решению.

Неравномерность в использовании связующей аллитерации в этом стихотворении отражает его смысловую неоднородность.

С одной стороны, в нем последовательно излагаются права поэтов разных рангов — в рамках этого изложения аллитерация используется достаточно регулярно.

С другой стороны, отдельные фрагменты этого стихотворения представляют собой не более чем набор поучений-гномов, практически никак не связанных между собой (см. в первую очереди строки №№ 22–30), — в них связующая аллитерация практически не представлена. В главе 3 настоящей работы мы попытаемся проанализировать эту неоднородность в аспекте жанровой структуры ранней ирландской юридической поэзии, пока же рассмотрим процитированный выше фрагмент с точки зрения его метрического устройства.

Части этого фрагмента, в которых используется аллитерация, в полной мере подходят под сформулированные нами правила в п. 1 деления ранней несиллабической нерифмованной ирландской поэзии на строки. Издатель текста Л. Брятнах писал, что в этом и прочих опубликованных им фрагментах «Суждений благородных» он делил текст на строки «по смыслу» [Breatnach 1987: 20–21]. Признавая, что на определенном этапе работы этот поход является абсолютно разумным, мы все же не можем согласиться с тем, что произведя подобное разделение, Л. Брятнах затем подсчитывает ударные слова в строках и приводит результаты подсчетов в качестве характеристики стихотворного размера, в котором написаны тексты. Необходимо отметить, однако, что если заменить «общий смысл» на синтаксические правила, сформулированные выше в данной главе, предложенное Л. Брятнахом деление текста на строки оказывается в большинстве случаев приемлемым — постулируемые нами два случая более дробного деления (один из которых поддерживается связующей аллитерацией) в целом не меняют картины.

Особый случай представляют части этого стихотворения, написанные без всякого внимания к правилам связующей аллитерации и ограничениям на

количество ударных слов в строке. Очевидно, что главным организующим принципом здесь является синтаксический параллелизм, полный или частичный. Тексты, написанные в этой технике, не является предметом рассмотрения в данной работе. Мы можем лишь отметить, что некоторые из наиболее ранних произведений ирландской литературы (например, «Завещание Морана» [Kelly 1976] и фрагменты «Суждений благородных» [Breatnach 1987: 42–43]) написаны таким образом и что, судя по приведенному выше фрагменту, этот способ организации текста также осознавался как поэтический.

Завершая изложенный выше краткий обзор источников, проливающих свет на свойства ранней ирландской версификации, мы считаем необходимоым сказать следующее: предложенный нами подход к ранней ирландской версификации может показаться весьма шатким (поскольку он предполагает учет трех различных факторов: количества полноударных слов, аллитерации и синтаксического строения строк) и неполным (поскольку он не использует для определения свойств стиха такое заметное его свойство, как весьма частотный трехсложный каданс), однако мы считаем, что эти недостатки компенсируются тем обстоятельством, что мы можем в рамках единой системы эксплицитно заявленных правил описать тексты, метрическое устройство которых ранее считалось неоднозначным или хаотически разнородным. Кроме того, описанная нами система версификации, несмотря на присущее ей богатство внутренних градаций, позволяет осуществлять четкое разграничение: ранние ирландские стихотворные тексты, написанные с использованием приема параллелизма, не могут быть проанализированы в рамках акцентуационно-аллитерационного размера; не могут быть вписаны в этим рамки и силлабические тексты классического периода.

Более сложный случай представляют собой ранние силлабические тексты,

которые мы, вслед за Дж. Мерфи и Дж. Карни, склонны считать скорее следствием силлабической нормализации более древних размеров, чем сохранением элементов древней системы версификации. В них нередко сохраняются все базовые элементы старой версификации с добавлением новых (таких как частичная или полная силлабическая регуляризация и рифма), однако развитие подобного рода форм, скорее всего, происходило в рамках письменной, ориентировавшейся на латинские образцы культуры и не является, таким образом, предметом рассмотрения в настоящей работе.

§ 8. Проблема происхождения ранней ирландской версификации

В данной главе были рассмотрены две версификационные системы, существовавшие в ранней ирландской поэзии:

1) нестрогая силлабическая система;

2) акцентно-аллитерационная система.

Первую из них К. Уоткинс напрямую выводит из реконструируемых А. Мейе, Р. Якобсоном и им самим праиндоевропейских поэтических размеров, соотнося индоевропейскую длинную и короткую строки с ирландским 7-сложником и 5-сложником соответственно. С нашей точки зрения, как это соотношение, так и само выделение раннеирландских 7-сложного и 5-сложного размеров неправомерно. Вместе с тем выглядит убедительным тезис К. Уоткинса о сохранении в раннеирландской силлабической поэзии индоевропейского трехсложного каданса. Кроме того, для нестрогой ирландской силлабики невозможно найти аналог в латинской поэзии. Все это делает возможным предположение, что ранняя ирландская силлабика — итог разложения индоевропейской силлабики, ставшей менее строгой, но сохранившей тенденцию к наличию трехсложного каданса.

В рамках анализа акцентно-аллитерационного размера нами был

рассмотрен один из базовых постулатов теории ирландского стиха К. Уоткинса, связывающий формирование аллитерации в ранней ирландской поэзии с периодом активизации фонетических мутаций в V в. н. э., в свою очередь, с точки зрения исследователя, ставших продуктом формирования в архаическом ирландском языке силового начального ударения. Не повторяя аргументов, изложенных в § 3, заметим лишь, что эта теория, с нашей точки зрения, не имеет под собой достаточных оснований, и следовательно, время формирования акцентуационно-аллитерационной системы стихосложения остается неясным. Необходимо отметить, однако, что данные древнегерманской [Sievers 1909] и древнеиталийской [Murphy 1961: 6–7] традиций указывают на существование в них акцентно-аллитерационной системы стихосложения, основанной на колонах из двух ударных слов. Также существование акцентуационного размера, базовой единицей которого является четырехударная строка, состоящая из двух колонов по два ударения в каждом, постулируется для хеттской поэтической традиции [McNeil 1963, Durnford 1971, Melchert 1998] (возможно, однако, этот размер является ближневосточным заимствованием). Принимая во внимание эти факты, а также языковые свидетельства о контактах между кельтами и италийцами на определенном этапе их предыстории [Дыбо 1961], можно предположить, что ирландская акцентуационная поэзия также имеет за собой весьма долгую историю.

В завершении, однако, мы вынуждены вновь повторить, что все сделанные в данной главе утверждения являются в высшей мере гипотетическими и не могут быть в полной мере обоснованы или опровергнуты, пока корпус дошедшей до нас ранней ирландской поэзии не будет опубликован и проанализирован в полном объеме.

Глава 2. Двучленные эпитеты в ранней ирландской поэзии

2.1. История изучения и постановка проблемы

В кельтологии вопрос о поэтическом языке ирландской традиции — совокупности используемых в ней средств языковой выразительности, их свойствах и их происхождении — впервые был подробно рассмотрен в работе В.П. Калыгина «Язык древнейшей ирландской поэзии» [Калыгин 1986]. До ее появления язык ранней поэзии рассматривался почти исключительно в аспекте датировки отдельных текстов. Так, анализируя лейнстерские панегирические стихотворения, Э. Кампаниле отметил, что представленные в этих них латинские заимствования (*arma* ‘оружие’, *trebunn* ‘предводитель ?’, *bárcaib* dat. pl. от ‘корабль’, *Ladru* — имя собственное от лат. *latro* ‘разбойник’) предполагают скорее знакомство их авторов с римской военной культурой, чем с языком миссионеров, — это обстоятельство, с точки зрения исследователя, указывает на раннюю дату возникновения этих текстов [Campanile 1988: 8]. На сегодняшний день, однако, у нас нет возможности датировать какие бы то ни было ирландские сочинения дохристианским периодом, а значит, датировка как таковая не может в полной мере прояснить генезис ранней ирландской поэтической системы и помочь нам оценить роль устной традиции в процессе ее сложения. Более того, до сих пор учеными не было предложено убедительных тестов на принадлежность текста к устной традиции в противоположность традиции письменной, и поэтому, с нашей точки зрения, вопрос о генезисе отдельных текстов, про которые не сохранилось никаких дополнительных сведений, не может быть разрешен. Однако если мы предполагаем, что тексты, созданные в VII–VIII вв., являются в той или иной мере продолжением более древней поэтической традиции, то они должны хранить в себе некие знаки принадлежности к этой традиции, подобно тому

как очевидное для многих исследователей редактирование гомеровских текстов на стадии их письменной фиксации не стерло из них типологические черты формульного устного стиля [Лорд 1994; Kirk 1985]. Впервые последовательная попытка проследить в сохранившихся текстах элементы более ранней поэтики была предпринята в [Калыгин 1986], однако мы вынуждены признать, что полученные в данной работе выводы нуждаются в серьезной корректировке.

Исследование В.П. Калыгина разделено на две части. В первой части на материале поэтических и юридических трактатов анализируется положение поэтов-филидов в древнеирландском обществе, жанры, в которых они работали, и их основные поэтические приемы. Во второй части монографически исследуются лейнстерские генеалогические поэмы в аспекте их композиции, а также фонетической, лексико-семантической и синтаксической организации поэтического текста.

В первой части своей книги, следуя традиции исследования индоевропейского поэтического языка, В.П. Калыгин анализирует приемы деформации слов и элементы грамматического учения филидов. В качестве основного теоретического источника здесь выступает трактат «Auraicept na n-Eces» («Учебник поэтов» или «Учебник знатоков») и глоссы к нему, а в качестве главного анализируемого текста — «Amra Choluim Chille» («Чудо Коллума Килле»). К сожалению, использование только этих источников явно недостаточно. Многочисленные проблемы, связанные с датировкой и истолкованием «Чуда», подробно рассматриваются в работе [Bisagni 2008]. Про «Учебник поэтов» же достаточно будет сказать, что самый древний его слой, относящийся к VIII в., представляет собой своего рода стилизацию латинских грамматик, а глоссы, являющиеся основным источником по «поэтической теории» филидов, относятся к существенно более позднему времени и содержательно зависят от разнообразных письменных латинских

источников. Представляется маловероятным, что они могут отражать какую бы то ни было устную традицию (см. [Calder 1917; Ahlqvist 1982]). Таком образом, филиды в исследовании В.П. Калыгина — это в первую очередь ирландские книжники VIII и более поздних веков. Примечательно, что выделяемые Калыгином на основании «Учебника поэтов» и «Чуда Коллума Килле» «приемы деформации слов» отсутствуют как в анализируемых им самим лейнстерских генеалогических поэмах, так и в ранних юридических источниках.

Более важными для нашего исследования представляются содержащиеся во второй части монографии наблюдения В.П. Калыгина о языке ирландской поэзии, сделанные на материале лейнстерских генеалогических поэм. Оставляя проблему метрического устройства раннеирландских текстов за рамками своего анализа, В.П. Калыгин обращается к явлению поэтической аллитерации, которую рассматривает как фонетический аспект ирландского поэтического языка [Калыгин 1986: 63–69]. Исследователь приходит к выводу, что аллитерация должна была сформироваться как поэтическое явление до фонетических процессов V в., однако установить для нее terminus post quem (вместе с Д. Грином и в отличие от К. Уоткинса, см. главу 1) он не пытается. В.П. Калыгин выдвигает предположение, что источником для того, что он называет «трансцезурной аллитерацией» (сегодня принято считать, что такого рода аллитерация связывает между собой отдельные короткие строки, см. главу 1), является прием повтора последнего слова строки в начале следующей; он приводит примеры из «Гимна Аморгена» из «Книги захватов Ирландии» и юридического трактата «Coic Conara Fugill» «Пять путей суждения».

Некоторые случаи, где можно усмотреть неочевидную аллитерацию (díl**m**ain / **m**acne, ÄID II:13; Coirp**r**e / **r**í ÄID I:17:13), В.П. Калыгин рассматривает как пример описанного в трактатах поэтического приема

«рассеченного языка», использование которого заключалось в том, что в поэтических целях слова делились на части без учета морфологического членения или прямо вопреки ему. К сожалению, то, что таких примеров приведено всего два, не позволяет считать эту гипотезу полностью обоснованной. Кроме того, в ней заключается логическая опасность: случаи пропущенной аллитерации там, где ее следовало бы ожидать, в ирландских текстах не редкость, и систематически трактовать эти пропуски как примеры «рассеченного языка» означает не столько обогащать наше представление о ранних ирландских поэтических приемах, сколько разрушать воссозданную систему правил аллитерации как таковую.

Аллитеративный строй древнеирландской поэзии рассматривается В.П. Калыгиным в контексте гипотезы о наличии аллитерации в праиндоевропейском стихе. Основываясь на открытии Ф. де Соссюра, установившего, что в сатурновом стихе любая гласная и согласная фонема требует для себя пару в той же строке [Wunderli 1972: 16], В.П. Калыгин выделяет фрагменты лейнстерской генеалогической поэмы, где «нет одиночных фонем» [Калыгин 1986: 70]. Наряду с разными видами аллитерации исследователь рассматривает парономасические повторы частей слова (**Fer**edach **fer** án) и паронимические сближения (**F**e**rg**us **F**ai**rgg**ae / **f**o**rg**ell n-an «Фергус Фарьге / блестящее свидетельство»), которые он сближает с описанными Ф. де Соссюром и его последователями анаграмматическими традициями. Как анаграмматические почти что в полном соссюровском смысле этого слова В.П. Калыгином трактуются два фрагмента текста IX в. «Диспут двух мудрецов» («Immacallam in dá thúarad») [Калыгин 1986: 71–72].

Рассмотрение этих примеров приводит В.П. Калыгин к следующему выводу: «Анаграмматический принцип построения стиха является наиболее архаическим в древнеирландской поэтике. Оперирование звуками и слогами имени адресата поэмы обусловило высокую насыщенность стиха звуковыми

повторами, использование которых соответствовало тенденции к удалению поэтического языка от обыденного. Для ирландской поэтики анаграмматический стих уже архаика, он перестраивается и приспосабливается к новой системе версификации, в частности превращается в консонантную звукопись, которая поддерживается также регулярным употреблением аллитерации» [Калыгин 1986: 72].

О соотношении искусственного деления слов и аллитерации мы уже писали выше. Добавим еще нескколько замечаний:

1. Если считать (как предлагает и сам В.П. Калыгин), что аллитерация присутствовала уже в праиндоевропейской поэзии, у нас нет оснований называть анаграмматический принцип «наиболее архаическим».

2. Само наличие приема анаграмм в раннеирландских текстах все еще вызывает сомнения. Даже если сделать скидку на предложенные исследователем ограничения (добавим также, что в анализируемых В.П. Калыгином фрагментах зашифровано имя не адресата, а исполнителя текста), мы все равно имеем лишь один, сравнительно поздний ирландский текст, где в строках «Rosre tened / tene feth» («Гнев огня / огонь речи»), предположительно, при помощи комбинаций *ne*, *te*, *ed* зашифровано имя *Nede*/Неде, а в строках «Cur fethach foaisnís freisnis / fochmorc foruis / fíthe cerda» («Явный победитель в объяснении и вопрошении, / источник науки, / ткань искусства [поэзии]») «к аналогичной зашифровке своего имени прибегает и Ферхертне: три последние строки построены на комбинациях f ~ r ~ c / ch ~ t / d ~ n» [Калыгин 1986: 72].

Переходы к анализу лексики, В.П. Калыгин предпринимает семантический анализ слов, входящих в состав важных для панегирической традиции семантических полей, главным из которых является воинская сфера. Исследователь разбирает оттенки значения и в ряде случаев этимологию лексем, таких как *caur*, *míl*, *láech* (все со значением ‘воин’), *torc*, *arg*, *glonn*,

cing, *láth*, *bress* (все, с точки зрения В.П. Калыгина, со значением ‘герой-воин’), и других слов с семантикой героики, битвы и славы. Аналогичному рассмотрению подвергаются глаголы (семантические поля убийства и разрушения, победы, царствования).

В.П. Калыгин разбирает примеры полного лексического повтора, используемого как поэтический прием, в различных его вариациях: полный повтор, полиптот, уже упоминавшаяся парономасия, figurae etymologicae. Отдельно анализируется глагол *(i)foät* ‘спать, покоиться’, который возводится к общекельтскому корню **wos(t)-* и далее и.-е. корню **wos-(t)-* ‘жилище, ночлег’ с соответствующим глаголом **wes-* ‘ночевать, проживать’.

Другой раздел анализа лексики посвящен описанию системы эпитетов в рассматриваемых текстах. Описываются эпитеты, входящие в семантические поля величия, могущества, мощи, ярости-неистовства, ловкости, благородства, а также отдельные эпитеты, относящиеся к другим сферам. Отдельно с точки зрения семантики и этимологии анализируются употребляемые в качестве эпитетов цветообозначения. В.П. Калыгин приходит к выводу, что особую важность имело цветообозначение *rúad* ‘темно-красный, рыжий’: его частое употребление в качестве эпитета, а также в составе сложных имен собственных говорит о том, что существовал «принцип выбора имени для „варны“ кшатриев (если пользоваться индийской терминологией) — это указание на цветовой символ, в данном случае красный» [Калыгин 1986: 94]. В свою очередь филиды нередко имели в составе своего имени или эпитета слово *find* ‘белый’.

В.П. Калыгин отмечает феномен «стабилизации употребления эпитета с тем иным словом, например rí rúad, lúath Lugaid и т. п.» [Калыгин 1986: 95]. Исследователь отмечает, что стабилизации способствуют «аллитерация, консонансы, рифма» [Там же], а также более сложные фигуры, такие как парономасия и figura etymologica. В.П. Калыгин отмечает, что «доказать

формульность в употреблении эпитетов и сравнений на материале данных генеалогических поэм не представляется возможным, хотя можно заметить отдельные сочетания, которые напоминают формулы типа гомеровских»; также он приходит к выводам, что «наиболее распространенные эпитеты скорее служат декоративным целям, нежели несут какую-то существенную информацию... текст построен в соответствии с определенными приемами, и эти приемы имеют традиционный характер, так как индивидуальные особенности, насколько мы о них можем судить по имеющимся материалам, трудноразличимы, отклонения в стиле в различных поэмах незначительны и обусловлены жанром и композицией» [Там же].

Далее В.П. Калыгин описывает различные типы определений-композитов, которые встречаются в текстах. В финале обзора лексики приводятся некоторые встречающиеся в рассматриваемых текстах латинские заимствования.

В целом В.П. Калыгин определяет лексику раннеирландских поэтических текстов как архаическую и включающую в себя редкие слова. Это наряду с употреблением различных стилистических средств выразительности и богатством синонимов в отдельных семантических полях (военная сфера, обозначения королей и героев) говорит о «высокой ступени развития и известной обработанности языка в кругах филидов» [Калыгин 1986: 97].

Переходя к рассмотрению синтаксических характеристик языка ранней ирландской поэзии, В.П. Калыгин в первую очередь обращает внимание на явление параллелизма: использование анафоры, эпифоры, повторов в глагольных и субстантивных форм и однотипных предложений. Другим важным приемом, выделяемым исследователем в тексте поэм, является хиазм (Lugaid lóig, lond Labraid «Лугадь милый [у В.К. — „богатый {скотом}“], яростный Лаврадь»; Ailill Glass glansus, gabsus... Fiachra Fobrec «Айлиль Глас очистил ее, захватил ее... Фиахра Фоврек») [Калыгин 1986: 100–101].

Предметом отдельного рассмотрения в работе В.П. Калыгина становится проблема порядка слов в древнеирландском простом предложении. Анализируя случаи нарушения характерного для классического древнеирландского языка принципа начального положения глагола, исследователь приходит к выводу, что подобные явления «отражают древнее состояние языка», поскольку «для архаического языка следует предполагать более свободный порядок слов по сравнению с классическим древнеирландским» [Калыгин 1986: 108]. Вместе с тем В.П. Калыгин также ссылается на работу [Greene 1977], где подобная точка зрения, выдвинутая в свое время О. Бергином [Bergin 1938], отвергается в пользу предположения, что и на архаических стадиях развития древнеирландский язык обладал жестким порядком слов с начальным положением глагола. Поскольку теорию Д. Грина о появлении случаев конечного положения глагола в результате развития явления тмесиса В.П. Калыгин лишь пересказывает, никак ее не комментируя и замечая попутно, что «конечное положение глагола поддерживается метрическими требованиями и допускается как стилистический прием» [Калыгин 1986: 109], мы вынуждены заключить, что его тезис об архаичности языка лейнстерских поэм остается необоснованным: случаи «неправильного» порядка слов встречаются в ирландском на всем протяжении его истории.

Рассматривая особенности употребления глаголов с суффигированными объектными местоимениями, В.П. Калыгин переходит к реконструкции генезиса этого явления в древнеирландском и далее к анализу действия закона Ваккернагеля в древнеирландских синтагмах, а также разбирает используемые в стихах синтаксические фигуры: гипербатон и парентезу [Калыгин 1986: 114–117].

Завершая обзор характерных для лейнстерских поэм синтаксических явлений, В.П. Калыгин приходит к следующему выводу: «а) традиция

сохраняет во многих местах старый узус, который становится средством стилизации, „поэтизмом“; б) синтаксис генеалогических поэм есть результат искусственной обработки, доведенной иногда до крайности, тех конструкций, моделей и отдельных явлений, прототип которых существовал в обычном языке» [Калыгин 1986: 117].

Мы все же вынуждены заметить, что данная точка зрения не в полной мере последовательна. Если считать поэмы образцом архаического ирландского, то пункт б) теряет смысл, поскольку «обычный язык», современный языку лейнстерских поэм, нам недоступен, — на место этого обычного языка В.П. Калыгин во многих случаях пытается подставить реконструированный протоирландский, протокельтский или даже праиндоевропейский язык, однако принципиальная нестрогость практически любых реконструкций синтаксиса делает подобную операцию весьма рискованной. Если же синтаксис этих текстов можно «вывести» из классического древнеирландского синтаксиса, приняв во внимание архаизирующую ирландскую поэтическую стилистику и требования версификации, то нет необходимости говорить о специфической архаичности их языка.

В заключении, предваряя общее изложение выводов, сделанных на основе анализа материала, В.П. Калыгин замечает: «...специфические условия, в которых существовала генеалогическая поэзия в Ирландии VI–VIII вв., исключают сколько-нибудь значительное влияние на язык и стиль этой поэзии со стороны фольклора. Ирландская поэзия создавалась своего рода кастой профессиональных поэтов, которые разрабатывали и передавали (через школы) свои приемы создания поэтических произведений и грамматические доктрины. Оставаясь устной по форме, ирландская поэзия была знакома с идеей авторства. Каждая хвалебная песнь, в том числе и генеалогическая, создавалась поэтом по традиционным канонам, чем и объясняется отсутствие

заметных различий между поэмами, изданными К. Мейером» [Калыгин 1986: 122]. Необходимо отметить, однако, что мы не можем исключать возможности, что те тексты, которые сохранились в рукописях, сформировались уже в зоне действия письменной, монастырской культуры и используемые в них стилистические приемы являются следствием влияния латинской риторической традиции.

С нашей точки зрения, единственным надежным способом установить наличие чего бы то ни было в ирландской литературной традиции до появления письменной культуры является использование данных внешнего сравнения. Во второй части данной главы мы попытаемся прибегнуть к сравнительному методу для анализа феномена ирландского хвалебного двучленного эпитета.

2.2. Двучленные эпитеты в ранней ирландской поэзии

Наша цель в данном разделе работы — дать обзор строения двучленных эпитетов в ранней ирландской панегирической и генеалогической поэзии, а также проанализировать связи этого поэтического приема с общекельтской традицией двучленных имен. Корпус рассматриваемых текстов в целом совпадает с тем, что был проанализирован в работе В.П. Калыгина, — это лейнстерские панегирические стихотворения, изданные К. Мейером [Meyer 1913, 1914]. Также к ним было добавлено одно панегирическое несиллабическое стихотворение, сохранившееся в Кодексе Св. Павла [TP II: 295]. В полном виде собранный Мейером корпус не переиздавался, и хотя отдельные текстологические решения исследователя были впоследствии отвергнуты, а предложенный им анализ метрики текстов и, соответственно, метод деления на строки нельзя признать удовлетворительными, в рамках анализа эпитетов опираться на это издание представляется наиболее удобным.

Двучленные эпитеты в рассматриваемых текстах интересуют нас в первую очередь в аспекте реконструкции устных, палеофольклорных истоков ранней ирландской поэзии. Мы не анализируем здесь христианские по своему содержанию ранние несиллабические и силлабические стихотворные тексты — датируемые тем же периодом конца VI — VII вв. гимны ирландским святым, несмотря на их очевидную архаичность: по своей поэтике эти гимны во многом наследуют светской панегирической поэзии, однако их содержание и образная система являются менее традиционными.

В анализе двучленных эпитетов мы фокусируемся на двух аспектах: их устройстве на фоне общекельтской традиции создания композитов и их соотношении с древнеирландскими и галльскими двучленными именами собственными.

В рассматриваемых текстах мы можем выделить две группы эпитетов:

1) эпитеты со свободным употреблением, т. е. не связанные однозначно с именами тех или иных персонажей;

2) эпитеты-прозвища, жестко привязанные к определенным именам собственными.

Многие из эпитетов, описанных нами ниже как свободные, встречаются всего один раз, однако мы все равно считаем их a priori несвязанными, если у персонажа, которого они характеризуют, уже есть устойчивый эпитет или же если они входят в ряд эпитетов, отнесенных к одному и тому же человеку: устойчивых пар и троек двучленных эпитетов нами отмечено не было.

На основании морфологической и семантической структуры двусоставные эпитеты можно разделить на три основные группы:

1) детерминативные композиты (тип татпуруша): значение сложного эпитета напрямую выводится из двух его частей; первая часть модифицирует значение второй (см. русск. *невинноубиенный*);

2) копулативные композиты (тип двандва): члены композита соединены сочинительной связью (во многих случаях между ними можно поставить союз «и»); общее значение эпитета является суммой двух его элементов (ср. русск. *черно-белое кино*);

3) экзоцентрические композиты (тип бахуврихи): второй частью эпитета является существительное, однако эпитет в целом выполняет роль прилагательного, обозначая признак; первая часть композита — существительное, прилагательное или наречие — модифицирует значение второй (ср. древнеинд. *bahuvrihi* ‘много рису’ > ‘[обладающий] большим количеством риса’)[1].

Перед тем как перейти к анализу материала, рассмотрим существующие точки зрения на статус композитов в древнеирладском языке в целом. Проблема синхронного древнеирландского словосложения никогда не становилась предметом специального исследования[2]. Одной из недавних работ, посвященных ирландским композитам, является [Uhlich 2002], где предпринят анализ древнеирландских композитов с глагольной вершиной (наподобие русского ***держи****морда*). Основной целью этого исследования, однако, является поиск сравнительного материала для истории индоевропейского словосложения, а ирландские данные привлекается в силу их архаичности и петрифицированности — как полагает исследователь, «именное словосложение практически перестало быть продуктивным морфологическим средством ко времени первых фиксаций ирландского языка. Так, вместо детерминативного субстантивного композита уже в период примитивного ирландского (Primitive Irish, в отечественной терминологии — поздний гойдельский период [Калыгин, Королев 2006: 108] — *Д.Н.*) в личных именах в огамических надписях иногда используется синтагма, состоящая из

[1] О композитах в аспекте индоевропейского языкознания см. [Brugmann 1906; Meier-Brügger et al. 2003]. Все три перечисленных типа композитов имеют параллели в других индоевропейских языках.

[2] См. краткий обзор в [Ahlqvist 1985].

существительного и зависимого в генитиве или прилагательного, — с ходом времени эта конструкция стала единственным используемым вариантом с древнеирландского периода и до наших дней[3]. (И далее в примечании: Данное общее правило не опровергается более поздними индивидуальными неологизмами, ограниченными рамками поэтического языка; ср. [Meyer 1912–1921: §1 n. 2] по поводу, по-видимому, новообразованного бахуврихи-композита в стихотворении X–XI в.)» [Uhlich 2002: 404].

Как нам представляется, Й. Улих прав только отчасти. Создание композитов с глагольной вершиной действительно практически перестало быть продуктивным словообразовательным механизмом в древнеирландском языке[4], а нехарактерные для других индоевропейских языков обратные бахуврихи — застывшие синтагмы из существительного с зависимым — действительно играли важную роль в образовании имен собственных и нарицательных[5], однако синтагмы-композиты такого типа, как отмечал еще Р. Турнайзен [Thurneysen 1946: 218], широко употреблялись и в галльском, а создание именных композитов индоевропейского типа, с нашей точки зрения, сохраняло свою важность не только в поэтическом языке. Описывая современный ирландский язык уже середины XX в., Т. де Валдрахе говорит о

[3] Подразумевается следующее противопоставление: синтагма *barr find* «верхушка [головы] светлая» может превратиться в композит двумя способами: традиционный для индоевропейских языков способ предполагает, что определение займет первое место и бахуврихи-композит будет выглядеть как *findbarr* ‘[обладающий] светлой головой’; другой способ, являющийся, по-видимому, кельтской (но не исключительно ирландской) инновацией, предполагает, что синтагма станет устойчиво употребляться как единое целое без изменения порядка элементов (в ирландском языке второй член такого композита будет иметь ленированный анлаут). В таком случае мы получим композит *barrfhind* с тем же значением — в работе, посвященной галльским именам собственным [Schmidt 1957], К. Шмидт называет такие образования «обратными бахуврихи»; М. О’Брайен [O’Brien 1973] определяет их просто как «неиндоевропейский тип». И *Findbarr*, и *Barrfhind* — зафиксированные ирландские имена.

[4] Ср., однако, изолированную серию композитов с корнем √*car* ‘любить’: *tolchar* ‘своевольный’, *feolchar* ‘кровожадный’ и др.

[5] Мы рассматриваем некоторые из них в разделе, посвященном эпитетам при именах собственных, см. п. 3; единственный свободный эпитет такого рода в рассматриваемых текстах встречаются в описании священного центра Ирландии — холма Тары, который характеризуется как *toeb-glan* ‘[со] склоном светлым’.

композитах следующее: «...охарактеризованные выше способы образования композитов (детерминативные композиты с зависимым первым членом и двандвы — *Д.Н.*) *больше не являются продуктивными* за исключением ситуаций, когда объединяются два прилагательных» (цит. по. [Ahlqvist 1985: 2][6], курсив наш). Двандва-прилагательные весьма часто встречаются в древнеирландских текстах, как прозаических, так и поэтических; фиксируются и отдельные двандва-существительные [Binchy 1972]. В нашем корпусе, кроме того, содержится существенное количество прозрачных по своему морфологическому устройству бахуврихи-композитов, из чего можно сделать вывод, что по меньшей мере в VII в. они продолжали активно создаваться.

I. Приведем содержащиеся в рассматриваемых текстах свободные двучленные эпитеты:

Детерминативные (татпуруша) композиты

1. Со вторым членом — прилагательным

1) Второй член — GNO ‘прекрасный’

EL-GNO предположительно ‘прекрасный как лебедь’: nem bríge Bregon Bráth **elgno** (I, 3, 40b)[7];

NEM-GNO ‘небесно прекрасный’: móenech Bile bríg bethri nár **nemgno** (I, 3, 40a);

ÓEN-GNO ‘единственно прекрасный’: Nóenal Fáibur Góedel Glass **óengno** (I, 3, 42a).

---

[6] Как отмечает А. Алквист, это замечание является полемическим по отношению к традиционным грамматикам современного ирландского языка, где композиция описывалась как продуктивный механизм словообразования [Там же].

[7] Ссылки на [Meyer 1913] даются по системе (I, номер стихотворения, номер строки); ссылки на [Meyer 1914] даются по системе (II, номер страницы).

2) Прочие эпитеты в алфавитном порядке:

ACHT-MAITH: композит неясного значения (вторая часть означает ‘хороший, доблестный’), но по структуре, по-видимому, детерминативный: ...Áed **achtmaith** óen (I, Anh. P. 60);

CATH-BÚADACH ‘победный в битвах’ curaid cródeirg **chathbúadaig**... (I, 1, 22a);

CATH-CHORACH ‘склонный к сражениям в битвах’: búirid múad mathchorach, **cathchorach** crúaidrí (I, 1, 21b);

CRÓ-DEIRG ‘красный от крови’: curaid **cródeirg** chathbúadaig... (I, 1, 22a);

LETH-AINECH ‘широколицый’: Longsech **lethainech** mór mind mainbthech (I, 3, 31a);

MATH-CHORACH ‘доблестно склонный к сражениям’[8]: búirid múad **mathchorach**, cathchorach crúaidrí (I, 1, 21b);

MAR-CHARPTECH ‘велико-колесничный’: Ruiri Mache **márcharptech**... (I, 1, 14a);

MUR-GNAID ‘знающий море’: hÉremón már Míl múad **murgnaid** (I, 3, 39b);

NÁR-NEICHT ‘благородно-светлый’: slán mosteilctis di thóib Themro níthaib **nárneicht** (I, 1, 22b); NÉL-GEL ‘облачно светлый’: maicc Dé aird aingil nime **nélgel** (I, 3, 48a).

2. Со вторым членом — существительным

1) Второй член — RÍ ‘король’

ATH-RÍ ‘усил. суфф. + король’: ...Feideilmid falnastar íath **athrí** (I, 1, 15b);

ARD-RÍ ‘высокий/верховный король’: glass gléthach Núadu níthach **ardrí** (I, 3, 36b)[9];

[8] При другом прочтении слова *corach* можно предложить перевод ‘склонный к заключению хороших договоров’, но это выглядит маловероятным, поскольку в в следующем слове — *cathchorach* — очевидно имеется в виду битва.

[9] Слово также употребляется в терминологическом смысле — как обозначение одного из

CATH-RÍ ‘битв король’: ...Nia Corbb **cathrí** (I, 1, 15a); **cathrí** már Mug Corbb (I, 2, 5b); [Foglass] **cathrí** cráides crícha ó neim nathrach (I, 3, p. 12b);

CRÚAID-RÍ ‘жестокий-король’: búirid múad mathchorach, cathchorach **crúaidrí** (I, 1, 21b);

DAG-RÍ ‘хороший-король’: [Núadu Fuildon] fáibraib derggaib **dagríg<a?>** domuin dóensius (I, 3, 13b); Ailchad Ailill Óalchlóin Sírne Dén dagrí (I, 3, 37a);

FÍAN-RÍ ‘король фениев’: **fíanrí** án Ailill Glass (I, 2, p. 28);

GARG-RI ‘яростный король’: búadach Senén én Ethén glúair **gargrí** (I, 3, 36a);

MAC-RÍ ‘юноша-король’: ...**macrí** Móenech márgein (I, 1, 20a);

MAG-RÍ ‘усилительный префикс + король’: dían Demál Rothait Ogamuin **magrí** (I, 3, 37b);

MAITH-RÍ ‘хороший король’: ...bémnech móenech **maithrí** (I, 1, 10a);

MÁR-RÍ ‘великий король’: trí maicc, trí **márríg** (II, p. 18); línais Nia nítach sab slógaib cach **máirrig** árchoin (II, p. 18);

NÓIB-RÍ ‘священный король’ arddu dóinib acht **nóibrí** nime (II, p. 10);

ÓIN-RÍ ‘единственный король’: ...Móin macc Áini **óinríg** (II, p. 10).

2) Второй член — GNIAD/NIA ‘воин’

AITH-GNIAD ‘усил. суффикс + воин’: ...ailsius Artt **aithgniad** (I, 1, 8a);

BÁR-NIA ‘мудрец-воин’: brúisius bréosus **bárnia** lond Labraid (II, p. 7)[10];

BÚAID-GNIAD ‘побед-воин’: ...bethir borb **búaidgniad** (I, 1, 17a);

CRÚAID-GNIAD ‘суровый воин’: ...cernach caur **crúaidgniad** (I, 1, 17b);

уровней иерархии властителей, см. [Бирн 2006; Kelly 1988]. Здесь, возможно, оно используется как эпитет; скорее в терминологическом смысле в «Móin óin ó ba nóid ní bu nós ardríg, oirt ríga...» (II, p. 10): «Моэн, единственный, с тех пор как он был ребенком — не было это в обычае верховных королей, — он убивал королей...».

[10] С формальной точки зрения возможна также трактовка «мудрец и воин», однако другие примеры эпитетов со второй частью *nia* ‘воин’ делают ее маловероятной. Также можно отметить, что других примеров двандва-существительных в рассматриваемых текстах нет.

FALATH-NIA ‘богатый (?) воин’: **falathnia** Núadu Necht níamthae nath in trí Fothaid (II, p. 14);

FLAITH-GNIAD ‘воин-властитель’: ...Núadu Fuildiu **flaithgniad** (I, 1, 8b); échtach Bressal bressoll, Fíachra **flaithniad** (I, 3, 11a).

3) Остальные эпитеты в алфавитном порядке:

AN-FLAITH ‘дурной правитель’: Núadu Necht, ní dámair **anflaith** (I, 3, 1a);

ÁN-MESS ‘благородный воспитанник’: már Ethecht úais Aurtacht **ánmess** (I, 3, 44a);

BRESS-MAC ‘юноша-герой’: Bressal Bregom **bressmac** nad char cóelgus (I, 3, p. 40)[11];

CÁIN-LÁECH ‘прекрасный воин’: **cáinláech** Luigdech lártha íath (I, 4, 3a);

CÁIN-MÍL ‘прекрасный-воин’: **cáinmíl** Ailill fri ága... (I, 1, 3a);

CATH-MÍL ‘битв воин’: Sóer **cathmíl** cóemfhata Móen Labraid Longsech (I, 1, 2a); gel Iaféth **cathmíl** cóemda (I, 3, 46a);

CÓEM-FHATA ‘прекрасное основание’: Sóer cathmíl **cóemfhata**... (I, 1, 2a);

DAUR-GRÁINNE ‘зерно дуба’: arddu déib dóen dron **daurgráinne** (II, p. 23);

DEILM-RUIRE ‘славный верховный король’: **deilmruire** rúad Raip[h]tine (II, p. 18);

DÚR-SAB ‘твердый-предводитель’: fácaib domun dílechta **dúrsab** slóig Charmuin (I, 3, 18a);

NIACH-MACC ‘юноша-герой’: **niachmacc** Ethne aue Cuirc Carmain (II, p. 22);

SO-ḞER ‘добрый-муж’: **sofher** bríg Baiscne bodbdae nár Núadu (II, p. 14).

Двандвы

BÁN-ÁN ‘сверкающий и славный’: báeth buide **bánán** dron (II, p. 13);

[11] Этот эпитет скорее похож на детерминативный композит, чем на двандву, поскольку слово *mac* ‘юноша’ само по себе не является хвалебным эпитетом.

CÁIN-MAITH ‘прекрасный и доблестный’: **cáinmaith** slán Sírne... (I, 2, 27a);

ÉR-ARDD ‘благородный и благородный’: fer **érardd** elg forbar // Lamiach már... (I, 2, 52a–b);

ÉR-GEL ‘благородный и сияющий’: Nóe Lamich Mathusalem **érgel** (I, 3, 48b);

FÍR-MAITH ‘истинный и доблестный’: aiccid Fíacha **fírmaith**... (I, 1, 16a);

NERT-MAITH ‘сильный и доблестный’: Fergus Fairgge, Núadat Neicht **nertmaith** (I, 3, 4a);

OLL-MAS ‘великий и привлекательный’: cond credail **ollmas** fu thocaid tugaib (TP, II, 295);

SÁM-DESS ‘мирный и справедливый’: Aboth Aor Ara Sara Séth **sámdess** (I, 3, p. 44b)

Бахуврихи

1) Второй член — COBAIR ‘помощь’

CATH-CHOBIR ‘[предоставляющий] помощь в битвах’: leo níthach, nathchobir, **cathchobir** comsech... (I, 1, 2b); macc Cáithinn, in **cathchobir**, nathchobir nárgein (I, 1, 20b);

NATH-CHOBIR ‘[предоставляющий] помощь в стихах’: leo níthach, **nathchobir**, cathchobir comsech... (I, 1, 2b); macc Cáithinn, in cathchobir, **nathchobir** nárgein (I, 1, 20b).

2) Второй член — GAL ‘боевая ярость’

BRES-GAIL ‘[обладающий] яростью героя’: imbris Fergus Fortamail for étnu **bresgail** (I, 3, 19b);

FÍAN-GAL ‘[обладающий] боевой яростью фениев’: **fíangal** Find, Ailill acher, cóim Corpre (II, p. 20);

TRES-GAIL ‘[обладающий] яростью сражения’: soss fri tress trén, fri trén

tresgail (I, 3, 10a).

3) Второй член — GEIN ‘рождение’

ÁN-GEIN ‘славно рожденный’: éicnech Déáith dána Eirrgid **ángein** (I, 3, 41a); **ángein** Glúnfhind, Lámfind Etheoir óebdo (I, 3, 42b);

ATH-GEIN ‘усилительный суффикс + рождение’: **athgein** húi Luirc lámair slúagu Suidbech (I, 3, 23b);

MAS-GEIN ‘привлекательный по рождению’: bress Séim sóer, Máir **masgein** (I, 3, 43b);

MÁR-GEIN ‘велико-рожденный (хорошего рода)’: ...macrí Móenech **márgein** (I, 1, 20a);

NÁR-GEIN ‘благородно рожденный’: macc Cáithinn, in cathchobir, nathchobir **nárgein** (I, 1, 20b); Alldóit nia, Nú[a]du **nárgein** (I, 3, 41b).

4) Остальные эпитеты в алфавитном порядке:

ARDD-BRIG ‘[обладающий] высокой силой’: is gasne arggait **arddbrig** di chlaind chéit rig ceit rignæ (TP, II, 295);

DERB-GUS ‘[обладающий] надежной силой’: ...Fótla déin **derbgus** (I, 1, 6b);

GLAN-SCEO ‘[сражающийся в] сверкающем сражении’: **glansceo** Alldóit... (I, 2, 13b);

LÁM-TORT ‘[обладающий] тяжестью руки’: **lámtort** n-irgala aue Béolaig Bressail bress Elggae anblod ánruth (II, p. 22);

NEM-DATH ‘[обладающий] небесным цветом’: dóenaib rúadaib rorith a nél **nemdath** (I, 3, 16b);

NÍAM-BRAO ‘[возглавляющий] сверкающий отряд’: **níambrao** anblod anreth airel ársceo nemnech (II, p. 22);

OLL-SCEO ‘[сражающийся в] великом сражении’: ...**ollsceo** Art (I, 2, 13b);

SO-CHLU ‘[обладающий] доброй славой’: **sochlu** sain comarddae... (I, 1, 19b); **sochlu** úath, ard n-ainm (I, 2, 12a); **sochlu** Cóil Cobthach conn Mál Muiredach (II,

p. 7);

TRÉ-DERC ‘[обладающим] острыми/тремя/прекрасными глазами’: **tréderc** ard, úaissem úi (I, 2, 22a)

Приведем единственный в нашем корпусе эпитет, образованный по принципу **обратного бахуврихи**:

TÓIB-GLAN ‘[обладающая] склоном светлым’ Alenn chruind, Crúachu, Temuir **thóibglan** (II, p. 20)

Приведем также устроенные аналогично эпитетам **композиты с именами собственными**, не являющиеся при этом именами:

BÚAID-BAIRCHEDO ‘победный Бархедо’: birt móit mocu **búaidBairchedo** (II, p. 21)

ÓEN-MÓEN ‘единственный Моэн’: **óenMóen**, Óengus, túath tóir (I, 2, 28b)

II. Приведем этимологически прозрачные композиты, связанные с именами собственными или представляющие собой имена собственные[12]:

1. Застывшие синтагмы из существительного с зависимым (в т. ч. обратные бахуврихи)

С определением FIND *‘белый, светлый’:*

GLÚN-FHIND, 30, 42, 54 ‘[Обладающий] белым коленом’; LÁM-FHIND, 30, 42, 55 ‘[Обладающий] рукой-белой’[13]; Lugaid LÓTH-FHIND, 17, 27, 39 Лугадь ‘[Обладающий] по́том(?)-белым’

[12] Ссылки на [Meyer 1913] даются просто в виде номеров страниц, ссылки на [Meyer 1914] выглядят как II + номер страницы.

[13] Эти два имени в перечне идут подряд, что может указывать на передачу части прозвища по наследству.

Имена с префиксом NAD- *‘воин’:*

NAD-BUIDB, 18 ‘Воин Бодб’[14]; NAD-FRÁICH, NAD-FRÆCH, 53, 59 ‘Воин-Фраэха’

Имена с префиксом MESS(IN)- *‘питомец’:*

(Domnann) MESS-DELMANN, II, 6 Домнан ‘Питомец-славы/шума’ или ‘Питомец Делмана’; MESSIN-CORB, II, 27 ‘Питомец-???’

Прочие:

AIL-CHAD 29, 41 ‘Камень-благородный’; Ailill ABRAT-CHÁIN, 17, 28. Айлиль ‘[Обладающий] ресницами-прекрасными’; Ailill ÁU-LOMM, 53 Айлиль ‘[Обладающий] ухом кривым’; Ailill ÓAL-CHLÓIN, 29, 41 Айлиль ‘[Обладающий] щекой неровной’; CIN-ÁED, 59 ‘Голова (?) + огонь’ (рыжеволосый?)[15].

2. Детерминативные композиты

С префиксом FO- *‘хорошо’:*

Feredach FO-GLASS, 17, 28 Фередах ‘Хорошо-сверкающий’; Fíachra FO-BRECC, 28, 40 Фиахра ‘Хорошо-пестрый’

Прочие:

AN-FECHTNACH, 54 ‘Не-удачливый’; AN-GNIO, 30, 54 ‘Благородный воин’; CORB-MACC 17, 27: в этимологических глоссах *corb* осмысляется как синоним слова *carpat* ‘колесница’; самостоятельно, по данным DIL, это слово не встречается; CRUNN-MÁEL, 60 ‘Кругом-лысый/плешивый’; DERG-THENE, 53 ‘Красный огонь’; DON-DOBUR, II, 13 ‘Бык/место/зло темный’ или *Donn-dobur ‘Коричнево-темный’; LER-GNAID, II, 12 ‘Море-знающий’; MAC-NIA Luigdech, II 14

[14] Про теоним Бодб см. [Калыгин 2006: s.v. Badb].
[15] Возможно, бахуврихи ‘[обладающий] головы огнем’.

‘Юноша-воин’ Лугадь[16]; Muredach Mo-shnítech 18 Муредах ‘Больше(?)-скрученный’; Ro-gen, II, 12 ‘Усил. префикс + рожденный/рождение’[17]; Smir-gnath, 42 ‘Костный-мозг-знающий’; Smir-goll, 29 ‘??? + слепой-на-один-глаз’; So-alt, II 14 ‘Хорошо-воспитанный’; Tigern-mas, 29, 42 ‘Господина-основание (?) / [Обладающий] господина-ляжками (?)’

3. Композиты с глагольной вершиной

Coirpre Life-chair, 18, II 14, 15 Корьпре ‘Лифе-любящий/любимый Лиффе’ (?)

4. Двандвы

Feredach Find-fechtnach, 17, 22 Фередах ‘Светлый/красивый и удачливый’ (см. обсуждение этого прозвища в завершении статьи); Trén-mór, II 10 ‘Сильный-[и]-великий’.

5. Бахуврихи

All-dóit, 17, 28, 42 / All-duith, 54 ‘[Обладающий] могучей рукой’ (?); Cláir-enech, 59 ‘[Обладающий] светлым лицом’; Con-chobur, 27 ‘[Оказывающий] пса/волка-помощь’; En-both 29 ‘[Являющий собой] птиц-смерть’ / ‘птиц-жилище’ (?); Etar-scéle, 39, 46 ‘[Являющий собой] всеобщую причину для печали’ (?); Fæl-gus, 59 = Fáel-gus? ‘[Обладающий] силой волка’; Fíachra Tol-crai, 41; Фиахра ‘[Обладающий] страстью к крови’; Find-roth, 54

[16] Мы определяем здесь *macnia* как часть имени, следуя за К. Мейером, однако у нас нет уверенности, что это не эпитет, который это слово напоминает по своему положению — до основной части имени.

[17] Возможно, бахуврихи: ‘Обладающий хорошим рождением’.

‘Светлое-колесо’[18]; Fín-teng, II, 12 ‘[Обладающий] вина языком’ (?); Muredach Bol-crai, 29, 41 Муредах ‘?-крови(?)’; [Núadu] Argat-lám, 28; Нуаду ‘[Обладающий] серебряной рукой’; Óen-gus, 29 ‘[Обладающий] единственной силой’; Óengus Crob-derg, 60; Энгус ‘[Обладающий] рукой кровавой’ Sétne Sith-bacc, 17, 27, 39, II 4, 5, 9 Сетне ‘[Обладающий?] крюком небольшим’.

К сожалению, мы не можем быть уверены, что приведенные имена действительно принадлежали историческим лицам, память о которых сохранилась до времени составления генеалогий. Сохранившиеся генеалогические перечни королей — с характерным для ирландской традиции порядком перечисления от потомков к предкам — заканчиваются библейскими персонажами: от детей сына Ноя Яфета, заселивших Европу, и до Адама. Чтобы сделать линию преемственности от представителей лейнстерской династии до эпохи первотворения непрерывной, генеалогию необходимо было нарастить, и здесь непросто ухватить момент, когда ирландские короли переходят в героев ирландской мифической предыстории[19], а те, в свою очередь, — в героев постбиблейской мировой псевдоистории, основанной на «Хронике» Евсевия Иеронима. Нашу задачу существенно упрощает тот факт, что герои древних мифических времен практически полностью лишены этимологически прозрачных двусоставных имен или эпитетов (за исключением Нуаду, который известен также в валлийской традиции; см. об этом персонаже [Carey 1984]). Однако мы все же не можем быть уверены, что собранные нами имена и эпитеты не являются в той или иной степени плодом поэтической фантазии генеалогиста. Более надежными здесь являются данные второй части собрания Мейера, где собраны краткие панегирические тексты,

[18] Ср. эпитет *roth arggait* ‘колесо [из] серебра’, 29.

[19] Миль Испанский, Нуаду Серебряннорукий, Гойдел Глас, Фениус Фарсайд — наши тексты являются древнейшим свидетельством о существовании этой псевдоисторической традиции, затем обретшей более развернутую форму в таких текстах, как «Книга захватов Ирландии» и «Установление владений Тары».

посвященные событиям сравнительно недавнего прошлого (имена оттуда помечены римской цифрой II). Мы видим, что содержащиеся там имена гораздо реже имеют при себе эпитет. Возможно, эпитеты в генеалогических перечнях порой использовались для различения персонажей с общим именем, но изначально не были неотъемлемой частью имени как такового. Также отличие кратких панегирических стихов в том, что там нередко упоминаются вместе сыновья того или иного персонажа (не все из которых были королями), и это позволяет увидеть, как работает имянаречение в рамках одной семьи. Имена здесь более разнообразны, и среди них немало прозрачных двучленных композитов (*Trénmór*, *Soält*, *Lergnaid*).

Очевидно, что двучленные композиты — имена и прозвища демонстрируют в целом большее разнообразие, чем свободные двучленные эпитеты, предназначенные скорее для характеристики персонажей как представителей аристократического воинского слоя, чем для их индивидуализации. Разнообразие проявляется не только в том, что одно и то же двучленное имя/прозвище нельзя применить к разным людям, но в и том, что почти не повторяются составляющие части композитов (за исключением вероятного случая передачи части композита *-find* по наследству, см. пункт 1 в перечне имен). Также мы видим, что в именах существенно чаще, чем в эпитетах, встречаются застывшие синтагмы из существительного с зависимым словом, не характерные для других индоевропейских языков. Чтобы прояснить предысторию двучленных имен и эпитетов, обратимся к данным более ранней ирландской ономастики, а также кельтской ономастики первых веков нашей эры.

В соответствие приведенным выше двучленным эпитетам можно поставить некоторые из ирландских имен V–VI вв., сохранившихся в огамических надписях на камнях, а также галльских и бриттских имен

собственных первых веков нашей эры[20].

1) основа *búad* ‘победа’: **búaid**gniad; **búaid**rí; (тж. ср. **búaid**Bairchedo) — галльск.: **Boudi**-latis (значение второй части неясно);

2) эпитеты, содержащие основу *cath* ‘битва’: **cath**míl; **chath**búadaig; **cath**rí — огам. CATU**VIR** ‘Битвы муж’; галльск.: **Catu**marus ‘Великий в битве’; **Catu**slugi ‘Битвенные отряды’ (название племени); также **Catu**rix (= **cath**rí) как эпитет Марса [CIL XIII: 06474]; бриттск.: **Catu**gnavus ‘Знающий битву’;

3) основа *dag* ‘хороший, добрый’: **dag**rí — галльск.: **Dago**marus ‘Хорошо великий’[21]; бриттск.: **Dago**biti ‘Принадлежащие к хорошему миру’ (название племени);

4) эпитеты, содержащие основу *mór* ‘великий’: **már**charptech; **már**gein; **már**ríg — галльск.: Dago**marus**, Nerto**maros** ‘Велико-сильный’, обратный бахуврихи Bo**marus** ‘великий бык’ и др.;

5) основа *nert* ‘сильный’: **nert**maith — галльск.: **Nerto**maros, **Nerto**briga ‘Могучий холм’ (топоним);

6) основа *rí* ‘король’: maith**rí**; cath**rí**; flaith**rí**; fían**rí**; óin**rí**; már**rí**; án**rí**; garg**rí**; dag**rí**; **macrí** — огам. CVNO**RIX** ‘Пес-король’; галльск.: Catu**rix** (= cath**rí**), Dumno**rix**, Albio**rix**, Bitu**rix** (все три, по-видимому, со значением ‘Повелитель мира’), Cingeto**rix** ‘Царь-воин’, Vercingeto**rix** ‘Царь-сверхвоин’, Suadu**rix** ‘Сладкий/приятный царь’, Ulido**rix** ‘Царь пиршества’; также кельтиберское имя: Teiuo**reikis** ‘[Связанный с] божеством царь’; бриттск.: Mapo**rix** (= mac**rí**), Mori**rex** ‘Моря царь’, Vindio**rix** ‘Белый царь’, Tanco**rix** ‘Мирный царь’.

7) основа *gein* ‘рождение, отпрыск’: án**gein**, mas**gein**, már**gein**, nár**gein** — огам. BRANO**GENI** ‘Вороном рожденный’; бриттск. Matu**genus** ‘Хорошо

[20] Ирландские огамические имена взяты из [Uhlich 2002] и [Королев 1984]. Континентальные кельтские имена — из [Matasović 2009] и [Ellis Evans 1967]; бриттские — из базы данных [CPNRM].

[21] За пределами рассматриваемого корпуса, в Мартирологе И Гормана [Stokes 1895: Sep. 11], зафиксирован эпитет *degmór.*

рожденный’

8) основа *gnaid* ‘знающий’: **mur**gnaid — бриттск. Catu**gnavus** **‘**Битву знающий’

9) основа *maith* ‘хороший, благородный’: nert**maith** — бриттск. **Matu**genus

10) основа *mur* ‘море’: **mur**gnaid — бриттск. **Mori**rex

Некоторые элементы могут входить в композиты разных типов:

murgnaid — **Mori**rex (и далее все имена с **-rix**) и mur**gnaid** — Catu**gnavus**

nertmaith — **Nerto**maros (ср. тж. ирландские эпитеты с начальным **már**) и nert**maith** — бриттск. **Matu**genus ‘Хорошо рожденный’ (ср. тж. ирландские эпитеты с **-gein**).

Также отметим уже неоднократно рассматривавшийся в литературе бахуврихи-композит *sochlu* — это единственный из рассматриваемых нами эпитетов, которому находятся индоевропейские параллели: греческое *euklees*, ведийское *suśravas-*, авестийское *husrauuah-* [Campanile 1988: 45]. При этом, однако, мы не можем сказать, был ли этот эпитет унаследован или образован заново по продуктивной модели (ср. древнеирландские композиты с *so-* [DIL: s. v. so_2]).

Подобные аналогии можно найти и для ирландских имен собственных, содержащихся в рассматриваемых текстах (см., например, синонимическую пару muir**gnaid** — Ler**gnaid** и бриттск. Catu**gnavus**). Однако поскольку составные части эпитетов и имен/прозвищ представляют собой не полностью совпадающие множества, соответствия для имен будут другими: [Coirpre] Life-**chair** — бриттск. Ande-**carus** ‘Усил. префикс + любимый’; [Nuadu] **Arggat**-lám — бриттск. **Argento**-koxos ‘Серебряноногий’; в архаической ономастике часто использовался корень *uindo*, родственный ирландскому *find*

‘белый светлый’, ср. некоторые бриттские примеры: Briti-**venda** (женское имя, первая половина непонятна), композит-синтагма Cuno-**vendus** ‘Пес белый’, Vindio-**rix** ‘Белый царь’.

Интуитивно кажется, что эпитеты соответствуют архаическим ирландским и кельтским традициям имянаречения в большей степени, чем содержащиеся в генеалогиях ирландские имена с их существенно большим разнообразием элементов для словосложения и малой повторяемостью. Однако обосновать этот тезис мы на данный момент не можем, и нет уверенности, что его в принципе возможно обосновать: корпус огамических надписей, а также континентальной и бриттской эпиграфики недостаточно велик, чтобы можно было с уверенностью говорить, что каким-то ирландским именам не находится древних соответствий. Другим существенным препятствием для подобного анализа является то, что на сегодняшний день не существует подробного статистического исследования ранних ирландских имен, встречающихся в других источниках. Данные, содержащиеся в [O’Brien 1973] и [Uhlich 1993], недвусмысленно показывают, что ирландцы в средневековый период продолжали создавать двучленные имена, весьма и весьма похожие на содержащиеся в генеалогиях и панегирических стихах эпитеты: ср. имена *Artrí* ‘Король-медведь’, *Cathrí*, *Cathgen*, *Búadmál* ‘Победный вождь’ и многие другие, и использовали их наряду с потерявшими былую семантику *Lugaid*, *Eochaid*, *Fiachu*, *Ferchertne*, *Muiredach*.

По итогам анализа приведенного материала можно предложить следующую историческую гипотезу. В рамках кельтской устной традиции, включавшей в себя элементы поэтического языка и приемы имянаречения, с индоевропейского периода сохранился способ создания «парадных» слов, использовавшихся для создания имен с ярким, «рекламным» звучанием. Континентальные галльские и бриттские данные, а также свидетельства

огамических надписей показывают, что информация, заключенная в имени, должна была быть понятной — имена должны были быть значимыми. Фонетические изменения, произошедшие в протоирландском языке в V в. н. э.[22], сделали многие старые имена этимологически непрозрачными, из-за чего, возможно, возникла традиция прозвищ — образованных по той же модели, что и старые двучленные имена (в эпиграфике дополнительных эпитетов и прозвищ нет). Параллельно продолжала существовать традиция двучленных имен как таковых (*Trénmór, Lergnaid*), но также одновременно сохранялась и традиция поэтических двучленных эпитетов со свободным употреблением. Все эти три рукава традиции объединяли общие способы словообразования, а также набор основ для композитов, унаследованных еще со времен кельтской общности.

Неполнота источников, к сожалению, не позволяет нам всерьез ставить вопрос о том, как эти части традиции влияли друг на друга и какова была роль поэтических текстов в ее поддержании. В завершение нашего обзора приведем пример, где эта неочевидность проявляется с полной силой. Упоминавшийся выше король по имени Feredach Findfechtnach — легендарный правитель Ирландии с резиденцией в Таре[23] — впервые появляется в источниках в рассматриваемых нами генеалогиях. Вот контексты, связанные с его именем: 1) Dligsius Feredach, flaithem find fechtnach (I, 1, 7a, «Заполучил ее [Ирландию] по праву Фередах, правитель прекрасный [и] удачливый»); 2) Feredach fíal fechtnach find (I, 2, 16a, «Фередах благородный, удачливый [и] прекрасный »); 3) ni bu ciuniu Feradach find fechtnach (I, 3, 17b, «Не был кротчайшим Фередах прекрасный [и] удачливый»). В позднейшей традиции прозвище Фередаха всегда фигурирует в застывшей форме, здесь же мы в каждом случае видим разное его использование: в первом контексте *find fechtnach* не относится

[22] Перенос ударения на первый слог и последовавшие за этим синкопа и апокопа, активизация фонетических мутаций. См. [McCone 1996].

[23] См. о нем, в частности, [O’Rahilly 1946: 159–161].

напрямую к имени Фередах, а является частью сложного определения; во втором контексте порядок элементов был изменен — кроме того, это словосочетание следует там после другого эпитета и также походит скорее на характеристику, чем на прозвище; и только в третьем случае мы видим элементы сложного имени в том порядке, в каком они впоследствии встречаются в традиции. Как нам представляется, возможны две трактовки этих расхождений: 1) здесь *find-fechtnach* — только устойчивый эпитет, еще даже не композит, который впоследствии (может быть, под влиянием записанных поэтических генеалогий) стал частью имени исторического персонажа; 2) мы видим поэтическое обыгрывание уже закрепившегося в традиции прозвища. К сожалению, возможности выбрать один из вариантов у нас нет.

Глава 3. Элементы жанровой характеристики ирландских юридических текстов

Традиционный подход к исследованию раннего ирландского права предполагал, что юридические тексты рассматриваются в первую очередь как исторический источник. Так называемые юридические трактаты (law tracts) воспринимались преимущественно как хранилище знаний о социальном устройстве и повседневной жизни ирландцев раннего Средневековья — то, каким образом эти знания были организованы и представлены в рамках трактатов, специально не анализировалось. Иногда исследователи указывали на точки схождения между юридическими текстами и другими жанрами ранней ирландской литературы, однако они никогда не ставили своей целью дать юридическим текстам полноценную жанровую характеристику.

Внимание издателей и комментаторов раннего ирландского права неоднократно привлекала более узкая проблема — соотношение в юридических текстах прозаических и стихотворных фрагментов. Авторитетный исследователь средневекового ирландского права Д. Бинчи неоднократно выдвигал предположение, что наиболее ранняя часть юридического корпуса представляет собой собрание стихотворных текстов, напрямую восходящих к традиционной ирландской устной учености и не затронутых влиянием письменной латинской церковной культуры (см. [Binchy 1943], а также предисловие к [CIH]). Д. Бинчи и другие представители традиционного направления в ирландистике (см., например, предисловие к изданию «Завещания Катайра Великого» в [Dillon 1962]) полагали, что саму по себе стихотворную форму можно считать основанием для датировки текста: если анализируемое произведение написано в доклассическом стихотворном размере[1], его следует относить к периоду конца VII — начала VIII вв. Особую

[1] См. обзор проблемы доклассических стихотворных размеров в главе 1.

важность в контексте этой теории приобретала так называемая «школа Bretha Nemed» — круг знатоков традиционного ирландского права, ответственных за составление собрания законов «Суждения благородных». В отличие от более распространенного и универсального, а также, с точки зрения Д. Бинчи, демонстрирующего следы влияния церковной культуры (хотя и содержащего архаический поэтический слой) собрания законов «Великая старина», «Суждения благородных» являются собранием более ранним, ориентированным в первую очередь на права его составителей — поэтов-юристов — и сохраняющим традиционную структуру поэтико-юридического знания практически в неприкосновенности (см. [Binchy 1955]). Впоследствии более мягкую версию теории Д. Бинчи излагал в своих работах Ф. Келли:

> «Дописьменная ирландская правовая традиция, возможно, передавалась знатоками законов из поколения в поколение в форме аллитеративных стихов и правовых максим. Появление письма на латинской основе революционизировало передачу правовых текстов. Теперь правовые вопросы могли рассматриваться подробно и в деталях, в то время как раньше в устной передаче могли сохраняться лишь самые важные положения» [Kelly 1988: 232].

В большой степени дальнейшее изложение будет представлять собой попытку уточнить и несколько модицифировать эти положения. Перед тем как сделать это, однако, необходимо кратко пересказать положения исследователей, полагающих, что реконструкция дописьменного ирландского права невозможна в принципе.

В работах представителей так называемого «антинативистского» направления, и в первую очередь Л. Брятнаха [Breatnach 1984, 1989; Breatnach et al. 1984], было показано, что тексты, принадлежащие к собранию «Суждения благородных», так же как и тексты «Великой старины», создавались в рамках латинской письменной церковной культуры — с опорой на ирландское

каноническое право и Священное Писание. Кроме того, было доказано, что неклассические стихотворные тексты — т. н. реторики или роскады — создавались и в конце VIII и даже в IX в. Все это указывает на то, что неклассическая поэзия была не архаическим слоем, а скорее одним из стилистических регистров ранней ирландской литературы.

Логичным продолжением этого подхода стала теория Й. Кортaлса, предложившего для текстов реторик, содержащихся в юридических и повествовательных текстах, не только содержательные, но и формальные прототипы в корпусе средневековой латинской литературы. Ниже, перед тем как перейти к изложению наших собственных представлений о жанровой структуре ранних юридических текстов, мы постараемся показать в § 1, что гипотеза Й. Кортaлса о происхождении раннеирландских реторик из образцов раннесредневековой латинской риторики недостаточно обоснованна. Невозможно отрицать факт содержательной зависимости ранних ирландских юридических текстов от письменного наследия средневековой латинской культуры, однако, с нашей точки зрения, формальные характеристики ирландских неклассических поэтических юридических текстов могут иметь традиционное устное происхождение. В § 2 мы постаремся показать, что в их основе лежат жанры *дидактического наставления* и *этиологического предания*, представленные в древних литературах и мировом фольклоре.

§ 1. Теория Й. Кортaлса о жанровом генезисе ирландских реторик

В работе «Ранние ирландские реторики и их позднеантичная основа» [Corthals 1996] Й. Кортaлс, отталкиваясь от открытий Л. Брятнаха, касающихся содержательной зависимости ранней ирландской традиции от латинских письменных источников, приводит три примера, которые, с его точки зрения, должны показать также и формальную зависимость ирландских реторик от

латинских образцов.

Первый пример — реторика-монолог в саге «Смерть Конхобара» (см. работу исследователя, посвященную этому тексту, [Corthals 1989]). В ней содержится следующий фрагмент (цит. по. [Corthals 1996: 22]): «Mo béoil, conciuchlis cruas már mílit(h)a, // maidm nítho móith, ní[a]mdai slúaig serbairlech» («You will fix (= compose a poem), my mouth, great warlike harshness, victory in a noble combat, bitter slaughter of a lustrous host»). Й. Корталс отмечает сходство этой фразы с экзордием датируемого 659 г. «Гимна к Кресту» Венанция Фортуната: «*Pange, lingua, gloriosi proelium certaminis* // et super crucis tropaeo dic *triumphum nobilem*...» («Sing, my tongue, of the battle of the glorious combat, and over the trophy of the Cross relate the noble triumph...») [Ibid.: 22–23].

Й. Корталс предполагает, что за возможным цитированием текста Венанция Фортуната может скрываться совпадение жанровых установок двух текстов: предсмертный монолог Конхобара, узнавшего о гибели Христа от рук язычников, является своеобразным исповеданием новой веры (Конхобар, таким образом, становился первым христианином в Ирландии, за четыреста лет до прихода святого Патрика). Между тем гимн Венанция Фортуната, широко распространенный в раннесредневековой Европе, и в том числе на Британских островах, исполнялся непосредственно в ходе службы, предшествовавшей таинству крещения.

Второй пример, приводимый Й. Корталсом, относится к обращению Морриган к Черному быку из Куальнге в рамках первой редакции «Похищения»:

> Céin bátár didiu in tslóig oc tochim Maige Breg forrumai Allechtu colléic. Noch is í in Mórrigan són i ndeilb eúin co mboí forsin chorthi hi Temair Cualngi & asbert frisin tárb.
>
> r. In fitir in dub dusáim can eirc .i. cen bréic n-echdaig .i. éca dál désnad fiacht fíach nad eól ceurtid namaib ar túaith Brega bíth i ndaínib tathum rún rofíastar dub día n-ísa

maí muintonna fér forglass forlaich lilestai áed ág asa mag meldait[h] slóig scoithnía[b] boidb bó geimnech feochair fíach fir máirm rád n-ingir cluiph Cualgni coigde día bás mórmacni iar féic muintire do écaib.

(«Между тем, в то время как армии приближались к Маг-Брег, Алекто, то есть Морриган, в виде птицы села на камень в Теварь-Куальнге и сказала быку: „Знает ли беспокойный Черный, откуда... я знаю секрет, который Черному следует знать: если в мае он отведает зеленой травы болота, он будет побежден и выгнан из своего поля огнем и натиском могучих воинов. Красочный блеск воинства соблазняет Бодб. Рев скота, ярость ворона, мертвецы, печальные беседы... <...> Затем разрушение великого потомства затем... предание его сторонников смерти”».)

Исследователь предлагает интерпретацию пассажа «cluiph Cualgni coigde día», ранее считавшегося непонятным.

С точки зрения Й. Корталса, слово «cluiph» можно считать формой будущего времени от глагола *cluiphid* ‘опрокидывает, уничтожает’, потерявшей окончание в ходе рукописной передачи (окончание -id могло записываться в виде черты над предшествующей буквой). Получившееся чтение «богиня опрокинет Куальнге», однако, плохо сочетается со словом *coigde* ‘пять дней’. Й. Корталс предполагает, что его можно проанализировать как заимствованное латинское прилагательное *Cocytia* — эпитет, который Вергилий использует в «Энеиде» (7:479) для обозначения эринии Алекто.

«Мы будем отталкиваться от предположения, что перед нами раннее заимствование, основанное на литературном произношении латинского прилагательного /ko:kí:tija/, откуда древнеирландское */ko:x(’)θe/, записанное как *<co(i)chthe>, откуда — возможно, по аналогии с адъективным суффиксом *-de-* — /co:γ’δ’e/, записывавшееся как <coigde>, что мы и видим во всех рукописных версиях этой реторики» [Ibid.: 24].

В конечном итоге мы получаем чтение «Кокития-богиня опрокинет

Куальнге», что, с точки зрения исследователя, согласуется с отождествлением Морриган и Алекто в начале пассажа. Весь монолог, таким образом, как бы вкладывается в уста вергилиевской эринии.

Третий приводимый Й. Корталсом пример напрямую относится к теме данной главы. Исследователь пытается показать, что ранний ирландский юридический трактат «Тяжба Айлиля и Арта», представляющий собой своего рода юридическую стихотворную драму, где противники по очереди излагают свои аргументы перед лицом судьи, «относится к жанру controversiae, которые изначально сочинялись в качестве упражнений в риторических школах и постепенно начали использоваться для обучения и развлечения» [Ibid.: 25; см. подготовленное Й. Корталсом издание текста: Corthals 1995]. В частности, в одном из своих монологов Айлиль произносит (мы приводим только английский перевод Й. Кортлса):

> «To me belongs my son, to me belongs my daughter. Let evidence be given by witnesses of the enforcing sureties. Hostages, which I should have selected to warrant my right of ownership, should be taken. Hostages should be taken pledging from the peoples' supply. My children should be given to me by the end of the month with their joint right of belonging to a hero, in order that, being without progeny of sin, I may not be punished by a requisition of their mother, who makes wily contracts and gives bad advice, of my fair spouse» [Ibid.: 25].

Й. Корталс полагает, что этот монолог можно описать в категориях inventio и elocutio, восходящих к античной риторической теории:

> «В приведенном здесь отрывке ответчик начинает с эксклamативного экзордия, состоящего из двух асиндетических клауз, соединенных анафорой. Затем, в качестве замены наррации, он отсылает к своим свидетелям и — при помощи хиастического и амплифицированного повтора — к имеющимся в его распоряжении средствам добиться выдачи детей. В качестве подтверждения

> своего требования (argumentatio) он подчеркивает свое правовое превосходство и свою личную состоятельность (confirmatio), противопоставляемые правовой и моральной шаткости его жены (refutatio), и заканчивает (peroratio) подчеркивая свои преимущественные права как мужа по отношению к cétmuinter [главная жена — *Д.Н.*] в клаузуле, которая сочетает оксюморон и captatio benevolentiae. Произнесенная Айлилем речь высоко оценивается судьей, которые характеризует ее как *nuall n-án*, что эквивалентно *ardens elocutio*, ‘пылающей речи’, — позднелатинскому хвалебному обозначению для успешного риторического высказывания» [Ibid.: 26].

В целом, с точки зрения исследователя, любые ранние ирландские стихотворения-реторики, написанные в неклассических размерах, можно счесть подражаниями латинским образцам:

> «...многие из их усложненных стилистических особенностей, таких как параллелизм и гомеотелевтон, амплификация, необычный порядок слов и игра словами, находят аналогии в примерах позднеантичной и средневековой латинской риторики и поэзии. Кроме того, поскольку их тематическое содержание, как было показано, также находится под сильным влиянием латинской и христианской культуры, естественным представляется рассматривать их как примеры переложения латинского литературного искусства на ирландский язык, в большой степени аналогично тому, как латинские стилистические приемы последовательно создавались на основе греческих образцов» [Ibid.: 26].

Обращаясь к анализу поэтического языка реторик, Й. Корталс отсылает к работам О. Бергина и К. Уоткинса, усматривавших в таких поэтических приемах, как тмесис и помещение глагола в финальное положение в клаузе с сопутствующим переносом ударения на преверб, остатки архаической (в пределе — праиндоевропейской) языковой системы, сохранившейся в рамках архаизирующего поэтического языка. Не отметая полностью подобную точку

зрения, Й. Корталс замечает:

> «При том что сходство этих безрифменных метров с греческими и ведийскими метрами в достаточной мере очевидно, не менее очевидно, однако, их сходство с латинскими метрами, и если мы готовы предположить латинскую модель для ирландских метров, это сходство может объясняться тем фактом, что латинские метры сами по себе были заимствованны из греческих» [Ibid.: 28]. Так, по поводу стихов, написанных по принципу аллитеративной цепи (см. подробнее в главе 1), исследователь пишет, что они «отчасти аналогичны цепочкам коротких изоколонов, нередко использовавшихся для амплификации в позднелатинском риторическом стиле» [Ibid.: 29].

В целом, с точки зрения, Й. Корталса, реторики как феномен раннеирландской литературы возникли под влиянием латинской поэзии и риторики в период, когда еще не завершилась перестройка языковой системы, приведшая к появлению классического древнеирландского языка. Все языковые особенности ранних поэтических текстов, следовательно, могут быть объяснены за счет того факта, что «до появления девтеротонических глагольных форм, и отчасти в связи с адаптацией латинских метров, на основе древнеирландского языка был создан поэтический и риторический стиль, в котором, в подражание латинскому риторическому порядку слов, обычный порядок слов мог быть нарушен, а предударные элементы глагольных и именных групп могли быть отсоединены от их ударных элементов...» [Ibid.: 35].

Мы вынуждены признать, , что, с нашей точки зрения, аргументация в [Corthals 1996] выстроена некорректно. Во всех частях своей работы Й. Корталс отталкивается от гипотезы о всеохватывающем влиянии латинской поэтической и риторической традиции на раннюю ирландскую литературу. Эта гипотеза, однако, практически не аргументируется: три примера,

предложенные в статье, очевидным образом не доказывают никаких общих положений.

Весьма вероятно, что в проникнутом христианскими аллюзиями и образами предсмертном монологе Конхобара содержится скрытая цитата из Венанция Фортуната. Однако это не дает нам никакой информации о нарративной и композиционной функции монологов-реторик как таковых. Монолог Конхобара был использован для прославления Христа и удревнения присутствия христианства в Ирландии, но сам по себе прием поэтического монолога в рамках прозаического повествования Й. Корталсом не рассматривается — между тем в «Смерти Конхобара» мы наблюдаем использование традиционного жанрового приема в определенных идеологических целях.

Интерпретация Й. Корталсом слова *coigde* как освоенного латинского обозначения эринии Алекто *Cocytia* выглядит чрезвычайно спорной: в саговом корпусе мы не находим примеров использования поэтического эпитета, обозначающего бога или персонажа, вместо его имени. Также исследователь не предлагает никаких формальных параллелей монологу Морриган. Само по себе ее отождествление с Алекто весьма показательно, но оно не имеет никакого значения с формально-жанровой точки зрения. «Похищение» остается традиционной ирландской прозиметрической скелой, мало схожей с «Энеидой».

Наконец, монолог Айлиля в «Тяжбе Айлиля и Арта» сравнивается не с настоящими образцами латинской риторики, а лишь с абстрактными схемами построения монолога. Такого рода сопоставление не выглядит убедительным. Впрочем, мы должны отметить, что этот текст, скорее всего, является одним из самых «риторических» в раннеирландском корпусе — и мало похож по своему строению на другие ранние правовые тексты, которые Й. Корталс не рассматривает.

После рассмотрения Й. Корталсом этих примеров гипотеза о роли латинских образцов в становлении жанра реторик остается недоказанной. Да, латинская письменная культура оказывала заметное влияние на раннюю ирландскую литературу — но какое именно и в какой степени?

Во второй части своей работы Й. Корталс перечисляет отдельные свойства ранних ирландских поэтических текстов и выделяемые им ранние ирландские поэтические размеры и предлагает для них аналогии в средневековом латинском корпусе. Не рассматривая эти сопоставления по отдельности, обратимся к общему выводу исследователя о становлении жанра реторик в период формирования классического древнеирландского языка. Рассуждение, приведенное в [Corthals 1996: 35] (см. цитату выше), по сути предлагает двойное — и за счет этого излишнее — объяснение одних и тех же фактов. Ведийские и гомеровские примеры показывают, что архаические языковые паттерны могут удерживаться в поэтическом языке. Что в таком случае должно заставить нас считать, что в ирландской традиции архаические черты появились именно под влиянием латинских образцов, имеющих при этом менее архаическое устройство? Аргумент о том, что сходство поэтических приемов в ирландских и гомеровских текстах объясняется влиянием гомеровских и прочих греческих образцов на латинские, несостоятелен: позднелатинская поэзия не сохранила именно той архаической черты поэтического языка (тмесис), которая объединяет ирландские и гомеровские тексты.

С нашей точки зрения, необходимо четко различать два процесса. Признавая, что ирландская литературная традиция формировалась *под влиянием* латинских и библейских образцов, мы все же не можем считать, что она складывалась *на их основе*. Ирландские панегирические стихи и стихотворные юридические трактаты, рассматриваемые в рамках данной диссертационной работы, не находят себе очевидных жанровых параллелей в

латинской традиции, как позднеантичной, так и библейской. Следовательно, несмотря на содержащиеся в них отсылки к латинской письменной культуре, у нас нет оснований привязывать зарождение включающей их литературной системы к периоду после принятия христианства.

§ 2. Жанровая характеристика ранних ирландских стихотворных юридических текстов

Одним из отличительных черт раннего ирландского права является его сверхтрадиционный характер (см. [Kelly 1988, Charles-Edwards 2005]).

С одной стороны, он нашел свое выражение в том, что единожды записанные правовые тексты в дальнейшем никак не пересматривались и не редактировались, а изменения в правовой практике заметны для современных историков только благодаря хитростям, к которым прибегали позднейшие комментаторы, чтобы лишить силы или переиначить те или иные положения (см. [Binchy 1943]).

С другой стороны, само построение ранних ирландских правовых текстов указывает на их принципиальный традиционализм. Здесь, с нашей точки зрения, необходимо производить разделение между прозаическими и поэтическими юридическими сочинениями. В прозаических текстах непосредственный источник той или иной нормы во многих случаях никак не указывается, а составитель ограничивается замечанием, что так принято *la Féniu* («у ирландцев») или что так гласит *fénechas* («традиция ирландцев»). При этом ни в одном из известных нам стихотворных юридических текстов или стихотворных вставок в прозаические юридические тексты нет отсылок к обезличенным «ирландским традициям». В стихотворных текстах первостепенными являются другие средства легитимизации предлагаемых правовых норм — анализу этих средств будет посвящена оставшаяся часть

данной главы, однако сначала мы попытаемся проанализировать пример взаимодействия разных слоев ирландской юридической традиции в пределах одного текста.

Рассмотрим открывающие параграфы «Разветвленного приобретения» [Binchy 1941: 1].

§§ 1–3 посвящены объяснению названия трактата и перечислению иерархических рангов в государстве-туате. В § 3 сообщается, что в *fénechas* содержится более дробное деление рангов, которое приводится в § 4. Затем следует § 5:

> 5. Cate imthach 7 naidm 7 rá(i)th 7 fhíadnaise 7 lóg n-enech 7 bíatha[d] 7 othrus 7 snádud 7 taurchrec 7 bés tige cach áe? Ní anse: amail arinchain fénechas: Ara fesser gráda Féne
> fri mes [n-]airechta[e] adrímter.
> (5. Каковы клятва, и поручительство-обязательство, и поручительство-залог, и свидетельство, и цена лица, и питание, и право на уход, и защита, и предварительное приобретение, и продовольственная рента каждого из них? Не трудно [ответить]: как об этом поется в законе фениев: «Чтобы ты знал чины фениев, которые исчисляются на основании решений суда».)

Здесь мы вновь видим отсылку к закону фениев и цитату оттуда. С нашей точки зрения, эта цитата представляет собой стихотворное двустишие:

> Ara fesser gráda **F**éne
> **f**ri mes [n-]airechta[e] adrímter.
> («Чтобы ты знал чины фениев,
> которые исчисляются на основании решений суда».)

В обеих клаузах, составляющих эту фразу, содержится ровно по три ударных слова, также мы видим характерные для поэзии аллитерационные

пары, и главное — во второй клаузе глагол помещен в конечное положение, что представляет собой типичную черту поэтического синтаксиса. Возможно предполагать здесь клефт с опущенной копулой («[Is] fri mes airechta adrímter»), однако в прозаическом тексте для такого эллипса не было бы оснований. Наша трактовка согласуется с наблюдением Р. Турнайзена [Thurneysen 1928: § 59, сноска], указывавшего на устойчивую связь между словом *fénechas* и глаголом *ar-chain* ‘петь, декламировать’ и на то, что словосочетание *ara-chan fēnechus* («как поет/гласит f.») традиционно используется для введения в текст краткого стихотворного юридического афоризма — роскады (*roscad*).

Таким образом, в традиции, представленной в «Разветвленном приобретении», можно выделить как минимум два слоя, причем как на содержательно-правовом, так и на формальном уровне. Как мы писали в начале данной главы, бытовавшее ранее среди исследователей ирландского права представление о том, что слой *fénechas* представляет собой не затронутые латинским влиянием пережитки древней устной культуры, было опровергнуто, однако очевидно, что еще в VIII в. поэтические правовые тексты составляли особый раздел правовой литературы, не в полной мере переработанный в структурированную прозу трактатов.

Рассмотрим несколько примеров стихотворных юридических текстов, написанных в неклассических размерах. Наш первый пример — поэтическая часть «Суждений Диан-Кехта» (ирландский текст и русский перевод см. в главе 1). Общее устройство поэтического фрагмента «Суждений» аналогично устройству первой, прозаической, части трактата: в обоих случаях поочередно рассматриваются увечья и положенная за них компенсация. В стихотворном фрагменте обращает на себя внимание форма подачи юридического знания. Изложение начинается словами «Об этом Ладкен сын Эркада сказал», и далее

текст представляет собой прямую речь, обращенную к некому неназываемому адресату. В ответ на то или иное увечье, говорит Ладкен, «требуй» (*ding*), «определи» (*sloinn*), «отсчитай» (*tuirim*) столько-то (также в тексте представлены более традиционные пассивные и безличные формы: «выплачивается», «полагается», «компенсация достигает такого-то размера» и пр.).

Мы видим, что излагаемые в трактате правовые нормы приписываются некому Ладкену, который сам не называет для них никакого источника. С другой стороны, процесс передачи этих норм некому адресату — это должен быть практикующий судья, — предполагает ситуацию поучения, а сам текст второй части «Суждений Диан-Кехта» представляет собой по форме сочинение дидактическое.

Наш второй пример — изданное Д. Бинчи «Архаическое юридическое стихотворение» [Binchy 1971]. Оно обладает следующей структурой:

Вначале следует перечень отсылок к нормам, раскрытие которых Д. Бинчи смог найти в других трактатах:

> Если ты король, тебе следует знать:
> закон правителя,
> содержание согласно рангу,
> соперничество войск,
> героев питейного дома,
> договор опьянения,
> вынесение суждения о земле...[2]

Очевиден скорее дидактический, чем сугубо юридический характер этого фрагмента. Следующий раздел «Стихотворения» содержит в себе перечень

[2] «Ma be rí rofesser / recht flatho, / fothuth iar miad, / mesbada slóg / sabaid cuirmthige / cuir mescae; / mess tíre...».

конкретных норм, регулирующих жизнь сельской общины, однако и он открывается дидактическим пассажем:

> Надежна каждая соседская община,
> основанная на залогах,
> [когда] залоги даются под компенсацию, [выплачиваемую] в мешках[3].

Кроме того, в само перечисление норм вплетены поучающие пассажи:

> Опасность, от которой нет спасения, —
> [выплата] компенсации за благородного аристократа леса.
> Тебе не следует рубить благородные деревья...[4]

Текст «Стихотворения» очевидно имеет составную природу: изложение норм права соседской общины сочетается в нем с перечнем статей законодательства, которые положено знать королю. Все в целом же объединяется дидактической рамкой.

Отметим также, что употребление в тексте кеннингов (см. «благородные ле́са», *fidnemed*, и «свободные (ле́са)», *aire*, как обозначение двух разрядов деревьев) указывает на возможную связь используемой в «Стихотворении» юридической терминологии с традицией поэтического языка.

Наконец, наш третий пример — первый из опубликованных Л. Брятнахом стихотворных фрагментов из «Суждений благородных» ([Breatnach 1987]; полный ирландский текст и русский перевод см. в главе 1) — показывает, что смешение юридического и дидактического жанров может заходить еще дальше. Вступление и начало перечисления поэтических рангов в этом тексте представлены как диалог учителя и ученика:

---

[3] «Slán cach comaithches / cuirther gellaib / gelltar smachtaib miach».
[4] «Esnill bes díthernam / díre fidnemid náir. / Ni bie fidnemed...».

— Расскажи все, о Аморген,
раскрой истину филидов:
ясные суждения благородных,
которые не скрывают их права.
Если можно спросить (?) у тебя:
кто достигает нижних ученических рангов в туате?
— От taman’a до fochloc’a,
лучше знания их трех чинов —
сверкающая честь macfhuirmed’a. <...>

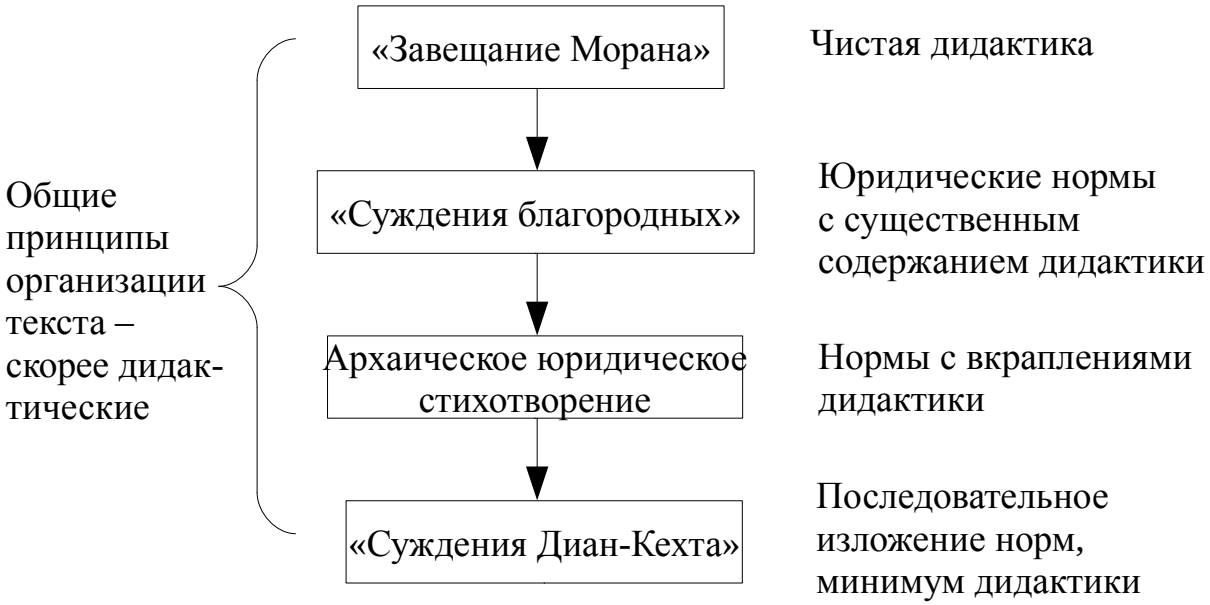
Далее в подобной манере раскрываются права всех категорий поэтов, однако это изложение прерывается обширной вставкой общепоучительного содержания:

— Скажи быстро:
как сверкает благородный густого облака,
первый мастер Конхобара?
— Правильность знаний,
сияние всего, что он делает.
Презрение — каждой погрешности,
которая скрывается в каждом стихотворении.
Выдающееся качество мудрости — возраст.
Юность превосходит старческую немощь.
Весна дает лучшую защиту, чем буря.
Покои лучше, чем груда стройматериала.
Оценка дома — перед строительством,
суждения — перед [работой] инструментами.
Как ты оценишь руду золота и серебра,
если мастер не определит
правильный способ работы с ней?
Семикратная [компенсация для?] мудреца.

Семь хороших богов (?) — для ремесла.
Равная выплата за каждое подобающее служение.
Кто не наносит рану, не наносит ответную рану,
не получает рану, не получает ответную рану.
Он принимает грудь мужа.
Лучше истина для его ...
хотя бы против него ...
Он требует положенное благородному поэтическому мастерству,
всякое положенное возмещение.
Обратные обязательства филидов тяжелы.
Прилежный лучше болтливого.
Полностью благородно право поэтов.
Правильный налог с каждого плода
дается из земли и почвы
просьб людей к ним.

Как мы попытались показать в главе 1, этот фрагмент отличается по своему метрическому устройству от остальной части текста и, возможно, представляет собой вставку — собрание прописных истин, аналогичное по своему устройству (в первую очередь — по использованию приема параллелизма) «Завещанию Морана».

Обобщая рассмотренные примеры, мы можем предложить следующую схему:



Соглашаясь с Ф. Келли, писавшим о существенных сходствах в содержании ранних ирландских юридических и дидактических текстов [Kelly 1988: 235–236], мы считаем, что можно выдвинуть и более сильный тезис: некоторые из ранних ирландских стихотворных текстов, посвященных юридической проблематике, являются по своей жанровой принадлежности текстами дидактическими. Носителями знания в них являются поэты — знатоки законов, про которых порой не сохранилось никаких дополнительных сведений. Примечательно, в частности, что несмотря на прямое указание в тексте «Суждений Диан-Кехта» на то, что вторая часть трактата принадлежит некому Ладкену (а первая часть вообще не имеет эксплицитного автора), он был приписан легендарному врачу из мифических Племен богини Дану.

Наряду с дидактическими встречаются содержащие неклассические стихотворные фрагменты юридические тексты иного рода — одним из них является трактат «О вступлении во владение», частично проанализированный нами в главе 1. В этом тексте рассмотрение норм вступления во владение включает в себя стихотворный рассказ о прецедентном событии — вступлении

во владение, осуществленном женщиной. Следом за этим рассказом следует другой (см. [CIH I: 205ff.]): об установлении норм женского вступления во владение. Судья Сенха Первых-Суждений определил эти нормы неправильно, и на его лице появились кровоточащие волдыри (*ferba fulachta*). Избавление Сенхе принесла некая Бриг, определившая порядок женского вступления во владение, «так что исчезли волдыри с его щек после истинных суждений» (*comdar fealba falguide fora gruaidaib iar firbrethaib*).

Таким образом, в рамках прецедентных эпизодов в данном фрагменте трактата описывается и суть нормы (порядок женского вступления во владение), и ситуация узаконивания нормы (Бриг устанавливает этот порядок). В качестве дополнительного легитимирующего обстоятельства приводится указание на то, что суждения Бриг относительно женского вступления во владение были правильными — в противоположность суждению Сенхи. Аналогичный прием используется также в трактате «Ложные суждения Карадниа» (*Gúbretha Caratniad* [CIH 2192.1–2199.26]), где на основе противопоставления ложных и истинных суждений вводится целая серия норм. Включение подобного рода аргументативного слоя в законотворческий процесс не отменяет того факта, что во всех случаях ключевым его элементом является участие персонажей, имеющих полномочия устанавливать нормы. С нашей точки зрения, тексты подобного рода можно рассматривать как разновидность *этиологического предания*: Существование и свойства определенного объекта (в данном случае — правовых норм) возводятся к некому произошедшему в прошлом событию, и эта связь сама по себе является достаточным легитимизирующим обстоятельством.

Подобного рода этиологические построения можно разделить на два класса:

— в одном случае в рамках этиологии представлен как прецедентный эпизод, так и ситуация установления нормы (см. пример выше);

— в другом случае мы видим лишь прецедентный эпизод, выводы из которого делаются имплицитно.

Приведем дополнительные примеры фрагментов текстов, относящихся к каждому из этих двух типов.

Ярким примером текста, где описание прецентного события сочетается с эксплицитным установлением нормы, является эпизод конфликта поэта Атирне и реки Модарн, содержащийся в изданных Э. Гвинном фрагментах «Последних суждений благородных» [Gwynn 1942: 13]. Интересующий нас фрагмент не имеет начала и выглядит следующим образом:

> Модарн, великая вода,
> могучая, весьма радостная, стойкая!
> Превозмогает [меня] ее велико-прекрасная сила,
> [и я обязан выплатить] компенсацию
> [за то] оскорбление, [что] я нанес.
> Весьма могущественный Атирне
> [для] восхваления Модарн
> сочинил [этот] стих.
> [Больше] не нападает светлое серебро [вод] на холм над его обиталищем (т. е. руслом) [*значение нескольких слов не ясно*]. [Хвала] восстанавливает облик, обезображенный хулой, подобно тому как очищается серебро, если его начистить щетиной. Тогда вернулась река в свои берега, как она была до этого. И затопила все, [...] оставила на земле лишь пустые ножны от мечей, и не было пяди земли от этого места до моря, где проходила [вода] и не оставила за собой множество драгоценных жемчужин или рыбы, или пригодных в пищу даров моря.
> Вот та хвала, которая смывает сатиру, и это из-за нее Атирне стал [называться] требовательным[5].

[5] «Modarn mor-uisce / brígach forfaílid fosaid / foirtheid a nert már-ruad / íartach n-aithenaig / braide bratus / Aithirne athmochta / molad Modairne / laíd ara-cuir.
Ni h-airged finn foichmen forrud for a n-druba sal sceo de docaomnacht. Taisic a dath dia aér antair aigid cach airgid acht co n-guaire glantair. La sodain ad-cumaing an abann ina tuinn amail robai ríam. 7 an robaid uile nicon rug cid liag ná cuag na luag fás-truaille cloidim le acht

По-видимому, оскорблением, которое Атирне нанес Модарн, была сатира. Упоминаемый Э. Гвинном в комментариях текст XVII в. рассказывает, что причиной произнесения сатиры был отказ Модарн дать Атирне лосося. Даже содержащихся только в раннем фрагменте сведений хватает, однако, для реконструкции композиции текста: после эпизода, описывающего конфликт (Атирне произноси сатиру, река разливается), следует разрешение конфликта, инициированное знатоком законов — в данном случае в его качестве выступает один из тяжущихся. Выносится устраивающее обе стороны решение (компенсацией за сатиру является хвалебное стихотворение), которое затем дополнительно раскрывается в прозаическом комментарии («[Хвала] восстанавливает облик, обезображенный хулой, подобно тому как очищается серебро, если его начистить щетиной»).

Похожим образом организован и трактат «Тяжба Айлиля и Арта», изданный Й. Корталсом [Corthals 1995]: Айлиль и Арт обмениваются стихотворными монологами, пытаясь обосновать свои права на детей Айлиля. В конце концов судья признает правоту Айлиля, и это решение становится прецедентным. Другие аналогичные примеры можно найти в «Историях из юридических трактатов», изданных М. Диллоном [Dillon 1932], однако в них отсутствуют стихотворные фрагменты, в силу чего эти тексты выходят из сферы рассмотрения данной работы.

Примером иного рода включения стихотворных нарративов в юридический контекст — когда некий эпизод приводится в тексте юридического трактата как подтверждение или экспликация нормы — является трактат о видах конфискации имущества («Cethairshlicht Athgabálae», см. [Breatnach 2005: 286–287]). В его начальной части в качестве описания прецедента приводится архаическое стихотворение, повествующее о судьбе

forácaib for tír 7 nocha raibe sechtmad fuithribe othá sin co ruice muir do neoch forsa n-dechaid ar na-r-fácaib frais do némannuib inde no ní d’íasc no mur-torad bá maith do toiscid. 7 is é in molad do-nig áer ann sin 7 is oen ann sin dia mbai do-sum Athirne áilgesach». (Частичная нормализация орфографии и деление на строки в стихах наши.)

некого Фергуса Ферглетеха, в комментариях же к тексту содержится знаменитая сага «Приключение Фергуса сына Лейте» (см. русский перевод в [Шкунаев 1991]), которую Р. Турнайзен считал сочиненным ad hoc объяснением этого стихотворения, а Д. Бинчи, напротив, полагал аутентичным текстом, послужившим для стихотворения источником (см. обсуждение в [Binchy 1952]). Для нашего изложения существенным является тот факт, что стихотворение (изданное и переведенное в [Thurneysen 1930] и [Binchy 1952]) представляет собой законченный краткий нарратив, описывающий ситуацию правового характера: Фергус получает у короля Конна Ста-Договоров (или Конна Ста-Битв) землю в качестве компенсации за убийство человека, которому оказывал покровительство. После гибели Фергуса в заливе (или озере) Рудрайге земля возвращается роду Конна. Если принять точку зрения Д. Бинчи, указывающего на наличие в тексте сохранившегося в комментариях «Приключения» языковых архаизмов, то окажется, что прецедентным в данном трактате является один из эпизодов биографии легендарного короля, центральный эпизод которой — схватка с водным чудовищем (*muirdris*), главное отражение сюжета драконоборчества в ирландской средневековой литературе. Таким образом, прецедентное время трактата будет совпадать с эпическим временем действия легендарных ирландских саг — аналогии этому можно найти в «Суждениях благородных» (Атирне — также персонаж саг Уладского цикла, см. [Ó hÓgain 1991: 22–23]), «Ложных суждениях Карадниа» (там действует Конн-ста-битв, а в одном из вариантов текста фигурирует Брикрен [Breatnach 2005: 262]) и текстах, изданных М. Диллоном, где среди прочих персонажей появляется Кухулин.

Сделанный в данной главе обзор источников никоим образом не претендует на полноту, однако, с нашей точки зрения, на его основе все же можно предложить следующую гипотезу: традиционное раннесредневековое

ирландское право не предстает в текстах как полностью лишенное источника. С точки зрения составителей трактатов, описывавшееся ими «право фениев» представляет собой отражение обычаев и прецедентов древней эпохи легендарных королей, героев и знатоков законов, которые своими действиями заложили основы существующего правопорядка. Сведения об этом процессе установления норм сохранились в текстах двух типов: дидактических сочинениях и этиологических преданиях (или просто сагах, использовавшихся в этиологическом контексте), к которым можно было прибегать в поисках информации для разрешения разного рода конфликтов. Знакомство с систематической письменной традицией латинского (в первую очередь церковного) права вызвало к жизни два процесса, определивших устройство сохранившегося до наших дней корпуса ирландского права:

1) На идеологическом уровне традиционные представления о должном были осмыслены как пример «естественного права» римской и раннесредневековой юридической традиции. Такого рода естественное право нуждалось в проверке на соответствие базовым христианским ценностям и должно было получить новую — церковную — легитимизацию (этот процесс отразился в псевдоисторическом прологе к «Великой старине», см. [McCone 1986]).

2) В плане строения текстов устные перечни юридических положений-максим и собрания нарративных прецедентов на ту или иную тему были организованы в то, что получило в научной традиции название «правового трактата» (*law tract*) — прозаического сочинения, последовательно рассматривающего некую тему. В некоторых случаях, подобных описанным в данной главе, фрагменты ранней поэтической традиции составили основное содержание новых трактатов или активно привлекались в качестве описания прецедентов, в других — трактат целиком создавался в прозаической форме.

Необходимо отметить, однако, что говоря о «старой» и «новой» традициях

в древнеирландском классическом праве мы оперируем скорее стадиально-типологическими, чем собственно хронологическими понятиями. Самые ранние доступные нам правовые юридические тексты восходят к VII в., однако прозаические юридические трактаты «нового» типа создавались уже в тот период (см. [Charles-Edwards, Kelly 1983]). Также представителями антинативистского направления было доказано, что стихотворные тексты, имеющие весьма архаический облик, нередко демонстрируют явные следы влияния письменного латинского права. Что же в таком случае заставляет нас тем не менее полагать, что стихотворная часть отражает более древнюю стадию развития традиции, пускай лишь на уровне жанровой организации?

Принципиальным здесь, с нашей точки зрения, является то, что прослеживаемая в юридических текстах функциональная жанровая система — где распространенные в мировом фольклоре жанры поучения и этиологического предания служат основой для создания собственно правовых текстов — не имеет прямых аналогов в позднеантичной и библейской юридической традициях. В случае создания законов принципиально нового типа — таких как постановления церковных соборов или ad hoc установления, подобные «Закону Адамнана», — ирландцы с готовностью копировали не только содержательные, но и формальные, а также институциональные образцы, предоставляемые латинской письменной культурой. В области светского права, однако, мы видим совершенно другое устремление — к созданию синтеза заимствованных и традиционных элементов, и, как нам представляется, формальные элементы здесь оказывались весьма стойкими.

Принципиальное значение в этом аспекте имеет широкое использование в ирландских юридических трактатах стихотворной формы: нам не известно ни одного памятника архаического права Старого Света, где бы использовались стихотворные вставки. Несмотря на большое количество свидетельств, говорящих о влиянии латинской традиции на раннее ирландское право, мы

никоим образом не можем объяснить, почему ирландские правовые тексты создавались в стихах, иначе как предположив, что перед нами продолжение, пускай и существенно видоизмененное, локальной традиции. Вместе с тем наличие в некоторых древних индоевропейских литературах, в той или иной степени восходящих к устной традиции, сводов дидактических максим (см. в первую очередь эддические «Речи Высокого» и «Труды и дни» Гесиода) указывает на то, что тематическое объединение дидактического материала не было беспрецедентным.

Высокая стойкость ирландской юридической традиции перед лицом инноваций может быть объяснена наличием в раннесредневековом ирландском обществе профессиональной интеллектуальной касты, состоявшей из поэтов — знатоков традиций (возможно, занявших место друидов, маргинализованных в результате принятия ирландскими королями христианства). Для наследственных профессионалов (см. об их статусе соответствующие разделы в [Kelly 1988]) сохранение традиционного облика юридического знания было не только способом отдать дань старым уважаемым традициям, но и шансом сохранить за собой статус хранителей сложного, специфического знания. Таким образом архаизирующие устремления ирландских юристов и использование сложного поэтикого языка позволяли носителям традиции защитить себя от посягательств профанов.

Заключение

В ходе решения общей задачи, поставленной в данном диссертационном исследовании, — попытаться сформулировать позитивные аргументы, указывающие на возможность устного генезиса ранней ирландской поэзии, — был получен ряд результатов.

В результате анализа версификации ранней ирландской поэзии, произведенного в первой главе диссертации, нами были сформулированы основные свойства двух характерных для нее метрических систем.

С одной стороны, в ней представлен нерегулярный силлабический стих с числом слогов в строке, колеблющимся от 6 до 9 (в большинстве случаев мы видим менее значительное колебание — 7-8 слогов), и очевидным тяготением к образованию трехсложных кадансов, т. е. к обязательному словоразделу перед последними тремя слогами строки. Нами были признаны несостоятельными аргументы К. Уоткинса, напрямую соотносившего постулируемые им ирландские силлабические размеры с отдельными реконструируемыми праиндоевропейскими размерами, однако мы должны отметить, во-первых, что весьма убедительной выглядит гипотеза об индоевропейском генезисе трехсложного каданса, а во-вторых, что принципиальная нестрогость раннеирландской силлабики указывает скорее на ее исконный, чем на заимствованный характер. Весьма вероятно также, что ранняя ирландская нестрогая силлабика — результат зашедшего достаточно далеко *разложения* индоевропейской силлабики, утратившей жесткость правил и деление на ясно вычленимые размеры.

С другой стороны, нами был более последовательно и полноценно, чем в предшествующей литературе, описан акцентно-аллитерационный размер, которым написана большая часть известных нам ранних ирландских поэтических текстов. Мы попытались показать, что в своем предельно общем,

но в то же время поддающемся эксплицитному описанию варианте этот размер также является достаточно нестрогим, сочетая в себе правила синтаксического, акцентуационного и аллитерационного порядков. Характерные для этого размера гибкость и разнообразие, позволяющие укладывать в его рамки как предельно информационно насыщенные юридические тексты, так и состоящие по сути из цепочек эпитетов панегирики, также не дают оснований считать, что он возник под влиянием раннесредневековой латинской метрики. Вместе с тем сам генезис этой системы версификации остается неразрешенным вопросом. Радикальные изменения в звуковом строе ирландского языка, произошедшие в V–VI вв. н. э., позволяют предположить, что акцентно-аллитерационный стих также является продуктом разложения индоевропейских силлабических размеров, однако параллели в германской, италийской и хеттской поэтических традициях указывают на то, что у всех них мог быть альтернативный, несиллабический индоевропейский прототип.

В результате анализа раннеирландских двучленных эпитетов и их сравнения с данными континентальной и островной кельтской ономастики первой половины I тыс. н. э., предпринятых во второй главе, мы пришли к выводу, что поэтический язык ранних ирландских панегириков содержит в себе элементы общекельтской традиции «парадных» имен и таким образом напрямую наследует устной традиции Ирландии дохристианского периода.

Наконец, проанализировав в третьей главе жанровую структуру некоторых ранних ирландских юридических трактатов, содержащих в себе существенные поэтические элементы или целиком написанных в стихах, мы пришли к выводу, что раннеирландская поэтико-юридическая традиция, не имеющая аналогов в литературах древности, может быть следствием специфического развития имеющих многочисленные параллели в мировом фольклоре этиологического и дидактического жанров, получивших в ирландской юридической традиции более узкое правовое содержание, но сохранивших

свои базовые структурные особенности. Впоследствии под влиянием письменной латинской культуры ирландская юридическая традиция получает новое жанровое основание: определенные юридические вопросы начинают последовательно рассматриваться в рамках прозаических трактатов (в англоязычной литературе за ними закрепилось название «law treaty»), нередко содержавших отсылки к более архаическому по форме и иногда отличавшемуся по содержанию «закону фениев» (*fénechas*).

В рамках одного диссертационного исследования невозможно целиком и полностью осветить вопрос о палеофольклорных истоках ранней ирландской поэзии, однако мы надеемся, что нам удалось привнести в дискуссию по этому вопросу новое содержание, с одной стороны, не отталкиваясь от свойств отдельных прозведений и рассматривая поэтическую традицию как единый объект для изучения, а с другой — основываясь на эксплицитно заданных методах анализа, которые позволяют сделать полученные выводы макимально удобными для внешней оценки.

Использованная литература

Бирн 2006 — Бирн Ф.Дж.Б. Короли и верховные правители Ирландии. СПб., 2006. 366 с.

Веселовский 1940 — Веселовский А.Н. Историческая поэтика / вступ. ст., сост., примеч. В.М. Жирмунского. Л., 1940.

Гаспаров 1989 — Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха // М., 1989. 302 с.

Дубянский 1989 — Дубянский А.М. Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики. М., 1989. 236 с.

Дыбо 1961 — Дыбо В.А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания. М., 1961. Вып. 5.

Калыгин 1986 — Калыгин В.П. Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1986. 127 с.

Калыгин 2006 — Калыгин В.П. Этимологический словарь кельтских теонимов. М., 2006. 183 с.

Калыгин, Королев 2006 — Калыгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006. 272 с.

Королев 1984 — Королев А.А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984. 208 с.

Лорд 1994 — Лорд А. Сказитель. М., 1994. 368 с.

Мелетинский 1963 — Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963. 462 с.

Мелетинский 1968 — Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. 364 с.

Мелетинский 1972 — Мелетинский Е.М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. М., 1972, С. 149–190.

Мелетинский 1986 — Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. 318 с.

Мелетинский 2000 — Мелетинский Е.М. От мифа к литературе: Учебное пособие. М., 2000. 169 с.

Монроу 1978 — Монроу Дж.Т. Устный характер доисламской поэзии // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978. С. 93–130.

Неклюдов 2006 — Неклюдов С.Ю. Литературно-фольклорные реконструкции и проблемы палеофольклора // Слово и мудрость Востока. Литература. Фольклор. Культура. К 60-летию акад. А.Б. Куделина. М., 2006. С. 287–295.

Тестелец 2001 — Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. 798 с.

Фрейденберг 1978 — Миф и литература древности. М., 1978. 896 с.

Фрэзер 1990 — Фрэзер Дж.Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1990. 544 с.

Ценгер 2008 — Введение в Ветхий Завет / под. ред. Э. Ценгера. М., 2008. 802 с.

Шкунаев 1991 — Предания и мифы средневековой Ирландии / сост., пер., вступ. ст. и комм. С.В. Шкунаева. М., 1991. 284 с.

Ahlqvist 1982 — Ahlqvist A. The Early Irish Linguist (*Auraicept na nÉces*). Helsinki, 1982. 81 pp.

Ahlqvist 1985 — Ahlqvist A. The Ordering of Nominal Compounds in Irish // Historical semantics, historical word formation / ed. J. Fisiak. P. 1–9. Walter de Gruyter, 1985.

ÄID I — Meyer K. Über die älteste irische Dichtung. I. Rhythmische alliterierende Reimstrophen. (Abhandlungen der königl. preuss. Akademie der Wissenschaften, no. 6). Berlin, 1913. 61 pp.

ÄID II — Meyer K. Über die älteste irische Dichtung. II. Rhythmische alliterierende reimlose Strophen. (Abhandlungen der königl. preuss. Akademie der Wissenschaften, no. 10). Berlin, 1914. 40 pp.

AL IV — Ancient Laws and Institutes of Ireland. Vol. 4. Dublin, 1879. ccxxxiv + 424 pp.

Bergin 1938 — Bergin O. On the Syntax of the Verb in Old Irish // Ériu. Vol. 12. 1938. P. 192–214.

BILL — Bibliography of Irish Linguistics and Literature. Electronic editions. [Электронный ресурс] : School of Celtic Studies (http://www.celt.dias.ie/english/). – Электрон. данные. – Dublin, 2011 : – Режим доступа: http://bill.celt.dias.ie/, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.03.2011.

Binchy 1941 — Binchy D.A. (ed.) Críth gablach. Dublin, 1941. xx + 109 pp.

Binchy 1943 — Binchy D.A. The linguistic and historical value of the Irish law tracts // London, 1943. 35 pp.

Binchy 1952 — Binchy D.A. The Saga of Fergus Mac Léti // Ériu. Vol. 16, Contributions in Memory of Osborn Bergin. 1952. P. 33–48.

Binchy 1955 — Binchy D.A. Bretha nemed // Ériu. Vol. 17. 1955. P. 4–6.

Binchy 1966 — Binchy D.A. (ed.) Bretha Déin Chécht // Ériuю Vol. 20. 1966. P. 1–66.

Binchy 1971 — Binchy D.A. An archaic legal poem // Celtica. Vol. 9. 1971. P. 152–168.

Binchy 1972 — Binchy D.A. Varia hibernica 2: Substantival dvandva-compounds in Irish //

Bisagni 2008 — Amrae Coluimb Chille: a Critical Edition. PhD-thesis. NUI Galway, 2008.

Breatnach 1984 — Breatnach L. Canon law and secular law in early Ireland: the significance of Bretha nemed // Peritia. Vol. 3. 1984. P. 439–459.

Breatnach 1987 — Breatnach L. Uraicecht na ríar: the poetic grades in early Irish law. Dublin, 1987. xii + 189 pp.

Breatnach 1991 — Breatnach L. Zur Frage der roscada im Irischen // Metrik und Medienwechsel / H.L.C. Tristram (ed.). Tübingen, 1991. P. 197–206.

Breatnach 1996 — Breatnach L. Poets and Poetry // Progress in Medieval Irish Studies / K. McCone, K. Simms (eds). Maynooth, 1996. P. 65–77.

Breatnach 2005 — Breatnach L. A Companion to the Corpus Iuris Hibernici. Dublin, 2005. xvi + 499 pp.

Breatnach et al. 1984 — Breatnach L., Breen A., Ó Corráin D. The laws of the Irish // Peritia. Vol. 3. 1984. P. 382–438.

Brugmann 1906 — Brugman K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen / Bd. 2, 1. Allgemeines, Zusammensetzung (Komposita), Nominalstämme. Strassburg, 1906.

Calder 1917 — Calder G. Auraicept na n-éces, The Scholars Primer, being the texts of the ogham tract from the Book of Ballymote and the Yellow Book of Lecan, and the text of the Trefhocul from the Book of Leinster. Edinburgh, 1917. lvi + 374 pp.

Campanile 1988 — Campanile E. Die älteste Hofdichtug von Leinster. Alliterierende reimlose Strophen. Wien, 1988. 71 pp.

Carey 1984 — Carey J. Nodons in Britain and Ireland // Zeitschrift für celtische Philologie. Vol. 40, Issue 1. P. 1–22.

Carey 1992 — Carey J. A review of ‘Pagan Past and Christian Present in Early Irish Literature’ by K. McCone // Speculum. Vol. 67, No. 2. Apr., 1992. P. 450–452.

Carney 1955 — Carney J. Studies in Irish literature and history. Dublin, 1955. xi + 429 pp.

Carney 1971 — Carney J. Three Old Irish accentual poems // Ériu. Vol. 22. 1971. P. 23–80.

Carney 1983 — Carney J. The dating of early Irish texts, 500–1100 // Éigse. Vol. 19/2. 1983. P. 177–216.

Carney 1989 — Carney J. The dating of archaic Irish verse // Media and communication in

early Irish literature / S.N. Tranter, H.L.C. Tristram (eds.). Tübingen: Narr, 1989. P. 39–55.

CGH — Corpus genealoriarum Hiberniae / M.A. O'Brien (ed.). Dublin, 1962. xvi + 764 pp.

Chadwick, Chadwick 1932–1940 — Chadwick H.M., Chadwick N.K. The growth of literature. 3 voll. Cambridge, 1932–1940.

Charles-Edwards 2005 — Charles-Edwards T. Early Irish Law // A new history of Ireland. Vol. I: Prehistoric and Early Ireland / ed. D. Ó Cróinin. Oxford, 2005. P. 331–370.

Charles-Edwards, Kelly 1983 — Charles-Edwards T., Kelly F. Bechbretha: an Old Irish law-tract on bee-keeping. Dublin, 1983. xii + 214 pp.

CIH — Corpus iuris hibernici / ed. D.A. Binchy. Dublin, 1978. 6 voll. xxviii + 2343 pp.

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Inscriptiones trium Galliarum et Germaniarum Latinae / Edid. O. Hirschfeld, C. Zangmeister. 1899—1933.

Corthals 1989 — Corthals J. The retoiric in Aided Conchobuir // Ériu. Vol. 40. 1989. P. 41–59.

Corthals 1990 — Corthals J. Some observations on the versification of the rhymeless Leinster poems // Celtica. Vol. 21. 1990. P. 113–125.

Corthals 1995 — Corthals J. (ed.) Affiliation of children: Immathchor nAilella 7 Airt // Peritia. Vol. 9. 1995. P. 92–124.

Corthals 1996 — Corthals J. Early Irish retoirics and their Late Antique background // Cambrian Medieval Celtic Studies. Vol. 31. 1996. P. 17–36.

Corthals 2003 — Corthals J. (ed.) The rhymeless 'Leinster poems': diplomatic texts // Celtica. Vol. 24. 2003. P. 79–100.

CPNRM — Celtic Personal Names of Roman Britain [Электронный ресурс] : University of Cambridge. — Электрон. данные. — Cambridge, 2010: — Режим доступа: http://www.asnc.cam.ac.uk/personalnames/, свободный. — Загл. с экрана. — Данные соответствуют 6.03.2010.

CSANA — Celtic Studies Bibliography. [Электронный ресурс] : Celtic Studies Association of North America (http://www.csub.edu/~cmacquarrie/csana/). — Электрон. данные. — UCLA, 2011 : — Режим доступа: http://www.humnet.ucla.edu/humnet/celtic/csanabib.html, свободный. — Загл. с экрана. — Данные соответствуют 04.03.2011.

DIL — Dictionary of the Irish language. Compact edition. Dublin, 1983. 632 pp.

Dillon 1962 — Dillon M. (ed.) Lebor na cert. Dublin, 1962. xxv + 194 pp.

Dunn 1972 — Dunn Ch.W. Celtic // Versification — major language types: sixteen essays. New York, 1972. P. 136–147.

Durnford 1971 — Durnford S. Some Evidence for Syntactic Stress in Hittite // Anatolian Studies. Vol. 21. 1971. P. 69–75.

Ellis Evans 1967 — Ellis Evans D. Gaulish personal names: A Study of some Continental Celtic Formations. Oxford, 1967. 492 pp.

Greene 1977 — Green D. Archaic Irish // Indogermanisch und Keltisch / hrsg. von K.-H. Schmidt. Wiesbaden, 1977. P. 11–33.

Gunkel 1901 — Handkommentar zum Alten Testament: in Verbindung mit anderen Fuchgelehrten. Abt 1, Die historischen Bücher. Band 1, Genesis (hrsg.von W. Nowack). Göttingen, 1901. lxxiv + 450 pp.

Gwynn 1942 — Gwynn E.J. An Old-Irish Tract on the Privileges and Responsibilities of Poets // Ériu. Vol. 13. 1942. P. 1–60, 220–36.

Jackson 1964 — Jackson K.H. The oldest Irish tradition; a window on the iron age. Cambridge, 1964. 54 pp.

Jakobson 1952 — Jakobson R. Slavic epic verse: studies in comparative metrics // Oxford Slavonic papers. Vol. 3. P. 21–66. (Перепечатано в Jakobson R. Selected Writings. Vol. IV: Slavic Epic Studies. The Hague; Paris, 1966. P. 414–463.

Kelly 1973 — Kelly F. A Poem in Praise of Columb Cille // Ériu. Vol. 24. 1973. P. 1–34.

Kelly 1976 — Kelly F. (ed.) Audacht Morainn. Dublin, 1976. xlv + 83 pp.

Kelly 1988 — Kelly F. A guide to early Irish law. Dublin, 1988. xxiv + 358 pp.

Kirk 1985 — Kirk G.S. The Iliad: a commentary. Books 1–4. Cambridge, 1985. xxv + 409 pp.

Kirkpatrick 1988 — Kirkpatrick P. The Old Testament and folklore study. Sheffield, 1988. 152 p.

Koch 2006 — Koch J. Celtic culture: A Historical encyclopedia. ABC-CLIO, 2006. 2128 pp.

Mac Neill 1923 — MacNeill E. Ancient Irish Law. The Law of Status or Franchise // Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C: Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature. Vol. 36. P. 265–316.

Matasović 2009 — Matasović R. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden. 544 pp.

McCone 1986 — McCone K. Dubthach maccu Lugair and a matter of life and death in the pseudo-historical prologue to the Senchas Már // Peritia. Vol. 5. 1986. P. 1–35.

McCone 1990 — McCone K. Pagan past and Christian present in early Irish literature. Maynooth, 1990. x + 277 pp.

McCone 1996 — McCone K. Towards a relative chronology of ancient and medieval Celtic sound change. Maynooth. 195 pp.

McCone 2005 — McCone K. A First Old Irish Grammar and Readed. Includingan Introduction to Middle Irish. Maynooth. 275 pp.

McNeil 1963 — McNeil I. The Metre of the Hittite Epic // Anatolian Studies. Vol. 13.1963. P. 237–242.

Meier-Brügger et al. 2003 — Meier-Brügger M., Fritz M., Mayrhofer M. Indo-European Linguistics. Berlin, New York. 384 pp.

Meillet 1923 — Meillet A. Les origines indo-européennes des mètres grecs. Paris. viii + 78 pp.

Melchert 1998 — Melchert H.C. Poetic Meter and Phrasal Stress in Hittite // Mír Curad. Studies in Honor of Calvert Watkins (ed. J. Jasanoff et al.). Innsbruck, 1998. P. 483–494.

Meyer 1909 — Meyer K. A primer of Irish metrics. Dublin. 63 pp.

Meyer 1913 — См. ÄID I.

Meyer 1914 — См. ÄID II.

Murphy 1952 — Murphy G. On the Dates of Two Sources Used in Thurneysen's 'Heldensage' // Ériu. Vol. 16, Contributions in Memory of Osborn Bergin. 1952. P. 145–156.

Murphy 1955 — Murphy G. Finn's Poem on May-day // Ériu. Vol. xvii. 1955. P. 86–99.

Murphy 1961 — Murphy G. Early Irish metrics. Dublin. viii + 132 pp.

O'Brien 1973 — O'Brien M.A. Old Irish personal names: Rhŷs Lecture notes, 1957 / Ed. R. Baumgarten // Celtica. Vol. 10. P. 211–236.

O'Curry 1873 — O'Curry E. Lectures on the manuscript materials of ancient Irish history : delivered at the catholic university of Ireland. Dublin, 1873. xxviii + 722 pp.

Ó hÓgain 1991 — Ó hÓgain D. Myth, Legend & Romance: an encyclopaedia of Irish Folk tradition. New York, 1991. 453 pp.

O'Rahilly 1946 — O'Raihilly T. Early Irish history and mythology. Dublin. x + 568 pp.

Parry 1971 — The making of Homeric verse: the collected papers of Milman Parry. Oxford, 1971. lxii + 483 pp.

Schmidt 1957 — Schmidt K.H. Die Komposition in gallischen Personennamen // Zeitschrift für celtische Philologie. Vol. 26. P. 33–160.

Sievers 1909 — Sievers E. Zur Rhythmik des germanischen Alliterationsverses. G.E. Stechert, 204 pp.

Stokes 1895 — Félire húi Gormáin / ed. W. Stokes. London. 411 pp.

Stokes 1905 — ‘Felire Óengusso céli dé’. The Martyrology of Oengus the Culdee, critically edited from ten manuscripts, with a preface, translation, notes and indices, by Whitley Stokes. London, 1905. lii + 474 pp.

Thruneysen 1921 — Thurneysen R. Die irische Helden- und Königsage bis zum siebzehnten Jahrhundert. Halle. x + 708 pp.

Thurneysen 1928 — Thurneysen R. Die Bürgschaft im irischen Recht. Berlin 1928. 87 pp.

Thurneysen 1930 — Thurneysen R. Allerlei keltisches // Zeitschrift für celtische Philologie. Vol. 18, Issue 1. P. 100–110.

Thurneysen 1933 — Thurneysen R. Colman mac Leneni und Senchan Torpeist // Zeitschrift für celtische Philologie. Vol. 19. 1933. S. 193–209.

Thurneysen 1946 — Thurneysen 1946 — Therneysen R. A Grammar of Old Irish. Dublin. 688 pp.

TP II — Thesaurus palaeohibernicus: Vol. II: Non-biblical glosses and scholia, Old-Irish prose, names of persons and places, inscriptions, verse, indexes, with supplement by Whitley Stokes. Cambridge, 1901. xl + 506 pp.

Uhlich 1993 — Uhlich J. Die Morphologie der komponierten Personennamen des Altirischen. Witterschlick/Bonn. xxxv + 309 pp.

Uhlich 2002 — Uhlich J. Verbal governing compounds (synthetics) in Early Irish and other Celtic languages // Transactions of the Philological Society. Volume 100. Issue 3. P. 403–433.

Watrkins 1963 — Watkins C. Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse // Celtica. Vol. VI. 1963. P. 194–249.

Wunderli 1972 — Wunderli P. Ferdinand de Saussure und die Anagramme. Tübingen, 1972. ix + 171 pp.